

Объяснительная записка

(вместо предисловия)

Журналистика — первый набросок Истории, как писал американский журналист Дэвид Рэндалл. Были свои наброски и в Лаборатории вычислительной техники и автоматизации (позднее — ЛИТ) ОИЯИ — это стенная газета «Импульс». Были они и в других лабораториях и подразделениях Института: «Адгезатор», «Луч», «Нейтрон», «Трибуна», «Три кварка», «Энтузиаст», но почти все их номера бесследно исчезли. «Импульсу» повезло больше, ибо его сотрудники свято соблюдали, за редким исключением, закон сохранения «Импульса». Рулоны номеров, хотя и тут не обошлось без потерь, подобно свиткам Александрийской библиотеки, пережившим эпоху варварства, пережили и перестройку 80-х, и лихолетье 90-х годов XX века и обрели, наконец-то, статус культурного наследия «эпохи застоя», а вместе с ним и статус неприкосновенности.

Вот что написал в 2006 году один из зачинателей «Импульса» А. А. Корнейчук по случаю первой попытки издать наследие «Импульса» не только в электронной, но и в бумажной версии, с обложкой и переплетом, как положено, как завещал Гуттенберг, может быть, даже с ISBN: «Тусовка под названием «Импульс» имела место в Дубне в 60-е, 70-е и 80-е годы XX века: сначала в Вычислительном центре ОИЯИ, а потом — его правопреемнице Лаборатории вычислительной техники и автоматизации, ныне исчезнувшей с административной карты ОИЯИ. Еще раньше (1989 год) накрылся медным тазом «Импульс», коллективный орган партийной, профсоюзной и комсомольской организации ЛВТА, разделив участь всех стенгазет Советского Союза, а его создатели и читатели разбрелись по другим тусовкам. Вниманию читателей предлагается словесный памятник ушедшей цивилизации, дабы она не была погребена под песками забвения. Перечитывая «Избранное», ветераны ВЦ, возможно, умилятся: «Не так уж плохо мы и жили тогда...» Поколение-нэксст подивится жизни своих недалеких предков и окончательно решит, что пойдет другим путем. А кому-то из наших земляков-современников, прочитавших данное «Избранное», может быть, тоже захочется собрать и обнародовать *неформальную* историю своего КБ «Радуга», завода ДМЗ или немеждународного института «Атолл» ...»

Прошу прощения за столь пространную цитату, но она того стоит. Анатолий Андреевич не только один из отцов-основателей «Импульса», ему мы обязаны и спасением множества текстов, в том числе рукописных; однажды он в порыве откровенности признался: «Я ничего не выбрасываю».

Теперь о том, что двигало людьми, которые делали стенгазету, и откуда они взялись. Об этом лучше всего сказать словами другого отца-основателя, В. П. Ширикова; вот что он написал в послесловии к своему собранию сочинений, изданному в 2006 г. по случаю его 70-летия: «В 1960-е и 1970-е годы с оформлением любой характеристики могли быть проблемы, ежели за тобой никакой общественной работы не значится... Вот и стал думать ряд непристроенных товарищей вроде Ширикова, Корнейчука, Мазепы, Мазного, Расторгуева и др. — куда бы податься в этой части: записаться в университет марксизма-ленинизма — вроде звучит, но это же учеба, за работу не посчитают... В агитаторы и пропагандисты — даже смешно говорить. Ну какой, скажем, из того же Ширикова пропагандист, если он на комиссии перед оформлением в ЦЕРН на вопрос о личной оценке решений мартовского Пленума ЦК КПСС по животноводству честно ответил, что он не специалист по мясу? ...»*. Вот и подались вышеперечисленные Шириков и другие выпускать стенгазету...

Пора что-то сказать и от себя. Книга построена по принципу слоеного пирога. Можно ограничиться каким-то одним слоем, смакуя по кусочку, можно проглотить книгу целиком. Полного воссоздания «Импульса», конечно, в ней нет. Передать оформление стенгазеты в книжном формате не представлялось возможным. К тому же, не все номера еще найдены. Часть из них пропала, по-видимому, навсегда. Но рисунки из этих номеров по большей части удалось восстановить. Больше всего повезло текстам, сохранившимся во вторых экземплярах, отпечатанных на пишущей машинке через полтора интервала. Я счел возможным также добавить раздел «Продолжение следует»; «Импульса» уже не было, но авторы оставались и продолжали, за единственным исключением, писать и даже публиковаться — часто в духе того же «Импульса» и в продолжение его традиций.

Нам не дано предугадать, о чем спохватятся, о чем вдруг захотят узнать наши отдаленные потомки в столь далеком для них прошлом. Раскроем же перед ними историческое полотно, дадим им возможность представить себе, хотя бы в общих чертах, а кое-где и в деталях, как жили и творили их предки.

* Шириков В. П. Избранное. Дубна: ОИЯИ, 2006. С. 153.

Взгляд из 1989-го

До образования в Объединенном институте ядерных исследований Вычислительного центра его будущие сотрудники входили в состав Лаборатории теоретической физики и выпускали стенгазету «Теоретик». Партия (она тогда была одна) внимательно относилась к стенной печати, считая ее действенным средством воспитания масс. На конкурсе стенных газет ОИЯИ в 1961 году «Теоретик», редактором которого был Б. В. Феоктистов, завоевал первое место. С образованием ВЦ в декабре 1962 года «Теоретик» прекратил свое существование, и началась история «Имппульса».

В многочисленной и разношерстной компании его редакторов: А. Ефимова, Э. Шарапова, В. Челнокова, В. Шкунденков, В. Ростовцев, А. Матюшин, В. Маханьков, Г. Третьякова, Ж. Мусульманбеков, В. Ужинский, О. Иванова, П. Сычев, Н. Язвицкий — нашлось несколько человек, которые согласились подвести своего рода итог эпохи стенгазет.

Алла Ефимова: «Имппульс» — это своеобразная летопись лаборатории, история ее становления и развития, жизнь большого коллектива, его волнения, проблемы. По номерам газет можно увидеть, чем мы жили, что нас волновало, как работали и отдыхали, чему радовались, над чем смеялись.

Недавно мы просматривали сохранившиеся газеты, перечитывали их и словно всё проживали заново. Немножко грустно, что в жизни всё так изменилось. Мне вспоминаются времена, когда был молодой задор и энтузиазм, когда мы собирались обсуждать план следующей газеты или выпускали очередной номер, и это всегда было какое-то вдохновение и немножко праздник.

Этери Шарапова: Вот состав первой редколлегии «Имппульса». В. Ширикова и А. Корнейчука представлять не надо. Ради их юмористических статей приходили читатели из других лабораторий. Ольга Благоднарова — тонкий художник-лирик. Заглавные листы к газете, которые она делала, подчас являли собой произведения искусства. Нелля Ширикова и Нелля Алексеева завершали художественное оформление газеты с неистощимой выдумкой. Тогда-то мы выпустили первый номер первоапрельского «Вримпульса», идею которого выдала Н. Ширикова, и это стало потом традицией. Алла Ефимова и Галя Семашко делали всё, что нужно для газеты. Воло-

дя Никитин выручал с фото. Галя Шустина печатала тексты. Много помогал Геннадий Ососков...

Воспоминания о том периоде остались очень яркими, на всю жизнь. Были мы молодцы, с кипучей энергией, массой идей, которые хотелось тут же воплощать. В конце третьего года работы ощутили, что всё — истощились, исписались, уходим из газеты — казалось, навсегда. «Мы уходим на пенсию» — так называлась большая статья А. Корнейчука в февральском номере 1966 года стенгазеты «Импульс». Но «пенсия» так и не наступила. То один, то другой возвращались в газету. А через три года, в декабре 1969-го мы почти полным составом собрались вновь...

Александр Матюшин: Казалось, мы шли непроторенными путями. Много и плодотворно поработали для газеты Р. Гайдамака, И. Амирханов, И. Иванченко, А. Карлов, А. Кавченко, В. Степаненко, Г. Ососков, Т. Смолякова, Г. Третьякова... Мы старались в меру сил поддержать репутацию «Импульса»...

Генриетта Третьякова: В редколлегию я пришла в 1973 году. Сразу обратила внимание на творческую работу Г. Акимовой, Н. Алексеевой, И. Амирханова. Художника у нас было два: А. Шакин и А. Казаков; безотказно печатала материал В. Конская. Мы продолжали традиции — анекдоты в новогоднем и мартовском номерах, первоапрельская газета, рубрика «У нас в отделах», возродили рубрику «Здравствуй, школа!»...

Женис Мусульманбеков: ЛВТА всегда славилась литературными талантами. Чего стоит одно только обращение Геннадия Мазного к администрации Института в стихотворной форме, посвященное жилищным проблемам молодых специалистов! В редколлегию вошли: прозаик А. Корнейчук; путешественник и «наш наблюдатель» за деятельностью администрации В. Шириков; непредсказуемый поэт и человек, а позднее морж, йог и профсоюзный деятель Г. Мазный; неотолокатель великого русского языка писатель-фантаст А. Расторгуев; либреттист и сказочник Е. Мазепа; резкий в движениях и выражениях полемист А. Кавченко; горнолыжник-очеркист М. Харьюзов; военный служащий Советской Армии М. Попов. Оформлял газету, как и прежде, художник-монументалист А. Шакин, чей размашистый, не ведающий сомнений плакатный стиль долгие годы определял фасад «Импульса». И конечно же, особая роль принадлежит Ольге Нестеровой, чьи нежные и неутомимые пальчики, бегая по клавишам печатной машинки «Ортіма», выдавали на гора опусы наших литературных талантов в виде конечного продукта.

В то время не принято было открыто обсуждать имевшиеся в нашей жизни проблемы и недостатки. Лишь юмористам позволялось изредка посмеяться над народом...

Литературное наследие «Импюльса»

Как всё начиналось

Рождение «Импюльса»

1963 год. ВЦ только что отделили от ЛТФ. Мудрые руководящие головы еще не решили, подчинять ли нас центральным экспериментальным мастерским или будет лучше, если просто объединить с ремстройцехом. Смущало то обстоятельство, что вычислители в ВЦ вроде бы имели дело с математикой, делом темным и неконкретным. Однако какой-то оборотистый хозяйственник уже тогда распорядился выломать в оставленной ВЦ аудитории чешские кресла. Образовавшееся пустое, гулкое помещение заставили уродливыми столами из-под счетных машинок.

В это смутное время газета ЛТФ «Теоретик», которую мы выпускали, приказала долго жить, и появилась на свет новая газета. Она уже не была «Теоретиком», но еще не стала «Импюльсом». На первом месте сто-

яли в ожидании звучного названия просто две буквы — ВЦ. На верхнем историческом снимке запечатлен процесс создания очередного номера членами первой редколлегии, В. Никитиным, А. Корнейчуком, А. Ефимовой и Э. Шараповой. Перед новым, 1963 годом, вышел номер, состоявший почти из одних рисунков. В них наш художник Оля Благоднравова показала труд и отдых, радости и огорчения вычислителей каменного века. Но так как рисунки создавались в XX веке, то жизнь наших предков очень напоминала жизнь современных дубненских вычислителей.

Оля стала главным художником новорождённой газеты.

Как возникали идеи

Темы для Олиных рисунков придумывали сообща. Собирались в комнате Семашко — что уж теперь скрывать, дело-то прошлое — в рабочее время. Изгоняли работавших в этой комнате математиков и начинали «кидать идеи». От неожиданности почти все они казались очень смешными. Насмеявшись вдоволь, сами решали: нет, не пойдет — в большинстве случаев. Или — реже: да, здесь есть что-то стоящее.

От брызг отказались

У нашей газеты выгодное географическое положение — рядом с буфетом, и все едоки — наши потенциальные читатели. Читателя интригует заголовок. Если в редколлегии нет художника, ваших веселых рассказов и содержательных статей попросту не заметят. Слава богу, у нас было три

художника, да еще Геннадий Алексеевич Ососков охотно помогал — и делом, и советом.

...Собраны заметки (дело это не простое, требует навыков). Галя Шустина быстренько их отпечатаала да, кстати, исправила, если написано не по правилам. Склеены чистые листы и к ним приклеены заметки — тоже отрасль, заслуживающая упоминания. К работе приступают две Нелли: Алексеева и Ширикова. Они-то обычно и пишут заголовки.

От распространенного и высокопроизводительного способа украшения газеты забрызгиванием наши художники отказались. Зато появились аппликации, всякие там линии, полоски, стрелки, что придавало газете вид вполне современный.

Фотоэпопея

Фотографом был Никитин. Мы лишились его по причине стихийных бедствий, последовавших одно за другим. Не стало казенного фотоаппарата. Свой Никитин так разобрал, что его уже нельзя было собрать. Потом он зачастил по командировкам. И, наконец, отпочковался в комсомольские секретари.

Год тому назад выбрали в редколлегию Роберта Малышева. Вскоре выяснилось, что выбрали по ошибке: он вовсе не фото-, а кинолюбитель. Роберт сделал снимки к мартовскому номеру (мамы в домашней обстановке), но считал, что они недостаточно хороши, и грозился всё уничтожить. Перед самым выпуском газеты. Огромным напряжением воли всей редколлегии нам удалось удержать его от этого преступления.

Наш человек в Гаване

Нашим человеком в газете «За коммунизм» — ответственным за странички Вычислительного центра — назначили Аллу Ефимову. До этого был Бородин; работа велась, но ни одной странички выпущено не было.

Однажды мы попросили Юру Туманова, фотокорреспондента многотиражной газеты, сделать снимки на нашем праздничном концерте. Потом мы его эксплуатировали не один раз. Переговоры поручались Алле.

— Душка Туманов, — обычно говорила она, — а не нужен ли вам материал по ВЦ в газету «За коммунизм»? К нему можно сделать интересные снимки, которые мы могли бы поместить и в нашу газету. Ведь ты знаешь, что теперь у нас нет фотографа...

Печальный вздох. И к нужному сроку фотографии оказывались в «Импульсе».

Придворная хроника

Под таким кодовым названием у нас значились заметки о поездках должностных лиц за границу, о конференциях, планах и перспективах. Ира Попова обращалась к нужному человеку — и заметка была готова к сроку и имела разумный объем. Секрет того, почему ее беспрекословно слушались, она увезла с собой в Серпухов.

Капитан команды

После отъезда Иры заботы о придворной хронике легли на плечи редактора — Этери Шараповой. Их было и без того достаточно. Всё труднее становилось собирать команду. А когда это всё же удавалось, вдруг выяснялось, что левого крайнего не будет, остальные нападающие передают мяч друг другу поперек поля, защитники греются на солнышке у средней линии, а вратарь убежал попить газировки. Бедняжка Этери! Она робко начинает излагать план газеты, а в это время Ширикова и Ефимова обмениваются новостями о своих знакомых. Благонравова с самого начала заявила, что у нее нет и, по-видимому, не будет вдохновения и теперь обиженно молчит. У Алексеевой идея: «А давайте не будем выпускать серьезную газету. Надоела». Отдел сатиры и юмора — Корнейчук и Шириков —

благоразумно помалкивают: авось, на этот раз их не заметят и оставят без поручений.

Через час, когда все наговорились, насмеялись, намолчались и преодолели хандру, начинается деловой разговор. Но уже поздно и пора забирать детей из садика. Назавтра Этери обходит всех и терпеливо объясняет каждому всё тот же план газеты, который ей так и не дали рассказать.

Как-то раз мы отказались помещать в газете материал профсоюзного комитета (не нашего, а вышестоящего). Решили, что он слишком объемист, написан суконным языком и не очень актуален. А кому за это доставалось? Ясно, редактору.

Газета со сцены

«Неповторимый вечер» — так называлась заметка в нашей газете после майского вечера ВЦ в 1963 году. Проще было бы сказать: «Стыдобушка». После этого редколлегия начала встречать в подготовку любого праздника. Так было с КВН ВЦ. Так было перед Новым 1966 годом, когда появилась идея сделать «газету со сцены».

Отдел сатиры и юмора получил задание написать сценарий. Посмеявшись над общим замыслом и друг над другом, каждый сатирик и каждый юморист написал по сценарию. Редактор Шарапова привыкла к выходкам эксцентричного отдела и кротко сказала, прочитав его творение:

— Мальчики. Это, конечно, не пойдет. Вы опять написали не то, что вас просили.

Был объявлен срочный сбор редколлегии и доверенных лиц, могущих кинуть идею. Это заседание было тяжелым. Вспоминали все старые идеи. Газета явно не клеилась.

Через неделю главный редактор собрал всех снова. На этот раз она была более решительной:

— Ничего не хочу знать. Опять, как в прошлом году, вам не хватит именно недели при выпуске газеты. Будете сидеть до тех пор, пока не придумаете.

И она спустила собачку на замке в помещении партбюро, где всё происходило. Опять было тяжело. Пытались улестить юмористов-сценаристов, ссылаясь на великих писателей, помногу раз переписывавших свои творения. Юмористы были неумолимы:

— Не нравится, не надо. Пишите сами. Переделывать не будем.

С заседания расходились, как с похорон.

Вот так и шло дело, пока до вечера не осталась неделя. Тогда начался обычный аврал. Из накиданных идей взяли несколько у Вики Челноковой и Оли Благоднравовой. Взяли один из заброшенных сценариев незаслуженно обиженных юмористов, подобрали исполнителей, после чего осталось ровно три дня на разучивание ролей и репетиции.

Генеральная репетиция произвела впечатление такого хаоса и растерянности ее участников, что не пал духом один только Салтыков, на дикцию которого, кстати, мы возлагали столько надежд. Все, прямо скажем, заробели. Помнится, как задохнулись на высокой ноте в «Баркароле» наши хористки, и кто-то из них сказал:

— Ой, девочки, стыдно как!

Как прошла «газета со сцены» — судить не нам. Нас почти не было в зале, мы были за кулисами. Говорят, терпимо. Может быть, говорят так, как говорят счастливым родителям: «Ах, какой прелестный ребенок!» А у ребенка и рот на боку, и глаза по кулаку.

Для нас это был новогодний «Импульс» № 1 1966 года.

«Даешь первую премию!»

К конкурсу газет года мы выкинули нахальный лозунг: «Даешь первую премию!», а несерьезный отдел сатиры и юмора заявил:

— И пропьем!

Бледная от предконкурсных переживаний, Этери предупреждала, что «Нейтрон» и «Энтузиаст» могут нас переплюнуть, но тот же отдел гнул свое: «Фигня!».

За день до конкурса мы притащили свое детище в фойе Дома культуры и повесили собственными руками на собственных веревочках в окружении «Энтузиастов», «Механиков» и т. д. На конкурс мы пришли всем составом, чем страшно поразили конкурсную комиссию, и в дальнейшем ее члены и не говорили о нас иначе, как *дружная редколлегия «Имппульса»*. Это была половина успеха, так как из других редколлегий пришли только редакторы, да и то не все. Мы решили, что в крайнем случае мы возьмем свое горлом.

Поначалу всё было о'кей. Выступали, отмечали ряд недостатков «Имппульса» и добавляли, что бесспорно ему следует присудить первое место. На лицах членов редколлегии «Имппульса» бродила та блаженная улыбка, какая наверняка была бы у кошки, у которой чешут за ухом, если бы кошка умела улыбаться.

Но тут обиделся за свой «Нейтрон» А. Попов и стал критиковать нас за недостаток критики.

Запахло паленым.

— Дать бы ему... — сказала Алла Ефимова шепотом.

Мы все очень обиделись, в свою очередь, потому что ясно обозначились притязания А. Попова на первую премию. Мы повели его вдоль наших бумажных простыней и время от времени кто-нибудь из нас, протирая руки, патетически восклицал:

— А чем это вам не критика?!

А. Попов смотрел исподлобья. Когда обозначился переход на личности, комиссия прекратила прения и присудила нам первое место и премию. Мы были морально готовы к этому, поэтому все дальнейшее происходило быстро и четко: была собрана сумма, эквивалентная премии, и был банкет. Отдел сатиры и юмора закупил вино. За остальным по магазинам был послан фотограф Никитин.

А каких кур зажарили наши художники! Мы были гордые и счастливые, потому что — что скрывать — мы любили свою газету, и мы были дружной редколлегией. Мы как-то не успели надоесть друг другу, и нам хорошо было вместе...

*А. Корнейчук, В. Шириков
(по поручению редколлегии
стенгазеты «Импульс», 1966)*

Владислав Шириков

На всем литературном наследии «Импюльса» лежит неизгладимый отпечаток личности В. П. Ширикова. Если кто-то достаточно долго находился в поле зрения Владислава Павловича, он с неизбежностью становился литературным материалом, из которого по законам юмористического жанра и вдохновения кроились герои будущих рассказов.

Всех, кого он брал на карандаш, он, конечно, литературно обрабатывал. То есть работал, как папа Карло, выстругивая и ошкуривая своих Буратино из того материала, который оказывался под рукой. Как правило, никто не пищал, выходя из-под литературного топора папы Славы, потому что он, человек от природы деликатный, обращался с материалом бережно, стараясь ограничиться только теми поправками, которые вытекали из логики характеров и требования сюжетной занимательности.

Любимыми персонажами Владислава Павловича были члены дирекции и друзья — все люди уважаемые, с научным или административным, на худой конец — партийным или профсоюзным весом. Они переходили из рассказа в рассказ, сохраняя собственные имена, фамилии, фактуру характеров. За два с половиной десятка лет выстроилась целая галерея полнокровных человеческих образов: М. Г. Мещеряков, Н. Н. Говорун, С. А. Щелев, В. Г. Маханьков, А. Д. Злобин, В. Е. Аниховский. Когда персонажей не хватало, подставлял плечо близкий друг и надежный товарищ В. Я. Астахов... Некоторые из них запечатлены в выразительных рисунках О. Благодравовой.

Как я остался на второй год*

— Владислав Павлович! — сумрачным голосом сказала в трубку обычно ласковая Марья Николаевна. — Вот до вас не дозвонишься, а ведь завтра уже в третий раз экономическая учеба руководящего состава, в Доме культуры!

— Чего-о?

— Вы приказ подписывали?

«Опять чего-то не то подписал, — загрустил я. — Смотреть же надо, сколько раз зарекался... Дернуло меня трубку снять...»

В фойе Дома культуры было не продохнуть, до того накурено. Столько мужчин сразу я сроду не видывал, разве что на параде по телевизору. После третьего звонка я кое-как приткнулся на приставном стуле. На сцену вышел старичок и чего-то сказал, но я не расслышал, и тогда вышла на трибуну симпатичная такая женщина, и все притихли.

— Товарищи пропагандисты! — начала женщина.

«Вот черт, похоже, не туда попал. Спутала, наверно, Маша Николаевна...», — и я стал выдираться наружу, но тут кто-то закричал:

— Руководящий состав мы!

— Ну всё равно... — скраснела женщина.

Опять вышел старичок, на крикуна все зашикали, и он затих: оказалось, тоже новенький, первый раз явился. Я сел обратно, стал дальше слушать, но матерьял оказался трудный, хотя женщина и записывала на доске самые непонятные слова. Я, правда, вспомнил, что мы это на первом курсе вроде проходили и у меня было даже «пять».

* Рассказы В. П. Ширикова опубликованы (Шириков В. П. Избранное. Дубна: ОИЯИ, 2006).

— ...Поэтому подход должен быть исторический, а метод — диалектический! — сказала женщина, написала на доске «историчекий», а пониже — «диалектичекий», и даже подчеркнула, но всё равно было трудно, и другим тоже: я видел, как у знакомого бухгалтера даже кожа на голове натянулась, от напряжения.

До конца дня я кое-как промаялся, думал — всё, но женщина на прощанье сказала, что на следующих занятиях мы еще поговорим об историческом подходе. Я тогда следующие два занятия пропустил и пришел сразу на третье, в Дом ученых, но немного опоздал: в зале стояла такая напряженная тишина, у доски криво улыбался лектор, а Ростислав Михайлович Лебедев из ЛВЭ смотрел ему в глаза и злым голосом говорил:

— Я очень люблю яблочный джем в банках, но его очень трудно достать. А тут вчера гляжу — дают. Покупаю банку, а на ней штамп — 1971 год. Где была банка до 1973 года?!

Все заговорили разом. Я лично джема не люблю, поэтому в перерыве взял свой портфельчик и сделал вид, что гуляю по фойе и смотрю картинки, а потом смылся. Но, по-моему, кадровики успели меня засечь.

Поэтому я на следующее занятие явился аккуратно, однако с утра говорили всё еще про джем, а после обеда — про вклады в сберкассе. Я понял, что это надолго, а вкладов у меня еще не было, и я опять пару раз не ходил. И тут явлюсь, гляжу, все записывают.

— Одним из самых успешных считается метод слопинга, или метод «мозгового штурма»... — толкует лектор.

— Про чего это? — шепотом спросил я Николая Ивановича Чулкова.

— Вы для БЭСМ-6 сколько времени придумывали, как что делать? А слопинг — это как всё за день можно. Для чего угодно.

Мы всё аккуратненько записали, а в конце лектор сказал, что метод этот Пирсон и Джексон выдумали. Мы как про Пирсона услышали, забеспокоились:

— А нам-то рекомендуется пользоваться?

Тут лектор замялся, стал про капитализм объяснять. Николай Иванович от злости, что зря записывал, даже плюнул. Вдобавок лектор на поезд заторопился и про наши методы не успел. Я тогда опять два раза не ходил.

А тут, как громом, — зачеты. И реферат писать. Причем когда писать, то разрешалось присоединяться в соавторы. Ну, большинство-то опытные оказались, и все как-то друг к другу поприсоединялись, а мне досталось писать — как можно было бы научно управлять Объединенным институтом, с помощью АСУ, и никто ко мне присоединиться не захотел. Сунулся я было к Рете Тентюковой за консультациями, но у них вся группа на каких-то складских занятиях сидела.

Ну, я таки нашел одну статью и честно ее передул, так что меня даже публично упросили выступить, и я думал, что дальше тоже будет хорошо, пока не раздали списки вопросов к зачетам. Там на каждый зачет было по 83 вопроса. Я чуть не сел уже на уголовном законодательстве, когда рассказывал про детские комнаты милиции.

Добил меня второй зачет. Там все вопросы были про философию, да с первоисточниками, а последнего Канта из библиотеки Поляков забрал.

Правда, на зачете нам пообещали, что если кто угодно выступить будет, а другой дополнит, то обоим зачет. Все прямо повеселели, я тоже. Стал ждать, кого бы дополнить, но народ оказался нахальный, слова не вставишь. Вот уж смотрю, только мы с Володей Поляковым и Николай Ивановичем остались, и Володя про чего-то выступает и говорит:

— ...Должно быть не только количественным...

Я прямо задрожал весь. Ну, думаю, сейчас дополню.

— Но и качественным! — выкрикнул Николай Иванович, а я не успел.

Я после этого огорчения просто заболел и попал только на выпускной вечер. Там этот старичок выступал, который тогда на лекции сидел, он из главных организаторов оказался.

— Меньшинство из вас считает, что это была пустая трата времени... — начал он.

Тут все как захлопают. Им чего, им уже дипломы дали.

— ...Но большинство должно будет признать полезность! — твердо закончил старичок.

А вчера у нас опять всё сначала началось. Влад Иванов, правда, тут же заявил, что со всякими второгодниками учиться не хочет. Он сам-то по первому заходу пошел. Но ничего, я ему это припомню, как до джема дело дойдет. Я ведь знаю, он его тоже не ест.

Цвет маренго

— Владислав Павлович, срочно к Михал Григорьевичу! — по тревожным интонациям в голосе Валентины Семеновны я понял: «Случилось что-то серьезное».

В кабинете директора стояла напряженная тишина. Плотной кучей сидели все начальники отделов и представители общественных организаций, но одно из четырех кресел, на которые обычно кидаются как ошалелые, было на этот раз пусто. «Не к добру это», — подумал я.

— Садитесь, Владислав Павлович, ждем Вас! — сказал директор. — Мы вот тут посовещались и решили назначить Вас председателем комиссии по приемке помещений в новом корпусе. Вам туда первому въезжать! Посмотрите там заранее как и что, месяц же остался до сдачи! Особенно меня конференц-зал беспокоит, надо же отделку посмотреть, поправить

строителей, если что не так! Ковер, например, нужен теплых тонов! Красный лучше. Возьмите в комиссию женщин со вкусом, вот Галину Аркадьевну Маханькову, например!

— Не пойдет она... — мрачно буркнул Маханьков.

— Что значит «не пойдет»? — повысил голос директор. — И Вы пойдете, и Злобин, и Карлов! И вы, Сергей Александрович, на время отложите свою диссертацию!

— Какие у меня будут полномочия? — встал я.

— Считайте, что у Вас чрезвычайные полномочия, Владислав Павлович. Чрезвычайные!!!

На следующий день в 10 часов утра комиссия в полном составе собралась перед входом в новый корпус.

— Ты куда меня привел, Вова? — строго спросила Галина Аркадьевна. — Не мог предупредить? Я же в модельных туфлях.

— Вы знаете, здесь лифт по плану должен быть... — засуетился Александр Дмитрич и уверенно нырнул в боковой проем. «Не входи — убьет!» — прочитал я надпись над проемом, но промолчал: у меня со Злобиным были старые счета за гражданскую оборону.

— А-а-а!!! — раздалось из проема, что-то прошумело и далеко внизу, в подвале, ухнуло. «Слава те господи...» — подумал я.

— Нет там никакого лифта, — спокойно сказал С. А. Щелев. — Пошли так.

Наверху сильно дуло.

— Давайте сюда, тут потеплее... — позвал Щелев. В огромном пустом помещении под потолком два мужика лепили на стены какие-то плитки вроде пенопластовых, с дырками.

— Вот это и есть ваш конференц-зал? — спросила Галина Аркадьевна.

— Ну! — ответил Щелев.

— И какой же это, интересно, умник додумался так отделять стены? Здесь же деревянные панели нужны! А цвет-то, цвет... Я бы понимала, если бы был хоть маренго... Это всё надо убрать!

— Действительно, — сказал я мужикам, вспомнив про чрезвычайные полномочия, — вы это зря налепили. Вы это всё уберите!

— Одни говорят — клейте, другие — уберите, — раздалось из-под потолка. И мужики начали отдирать плитку.

— А это тут зачем? — спросила Галина Аркадьевна. По полу тянулись какие-то канавки и лежали бухты кабеля. Сергей Александрович почесал в затылке и спросил:

— Слушайте, никто не заметил, на каком мы этаже?

— На втором.

— Ой, — сказал Сергей Александрович. — Это ведь не конференц-зал. Это машинный зал, а нам выше. Плитку-то они правильно лепили.

Мы быстренько вымелись из помещения, оставив Щелева объясняться с мужиками. «Мать, мать, мать...» — глухо понеслось вслед, но мы уже были этажом выше. Наверху ждал представитель ОКС.

— Скажите, это конференц-зал? — спросили мы для верности.

— По-моему, да, — ответил представитель и покраснел.

На месте капитальной стены здания торчали какие-то балки и рельсы, свободно просматривалась панорама Дубны и ее окрестностей. Немного сбоку нависал бетонный выступ.

— Зачем это? — спросила Галина Аркадьевна.

— Здесь будет галерея над залом, — уверенно ответил представитель.

— А стенка на краю галереи зачем?

— Не знаю, — честно сказал представитель.

— Ерунда всё это, — четко заявила Галина Аркадьевна. — Там надо сделать буфет и кафе. Установите легкие раздвижные перегородки для ин-

тима. Стены в кафе покрасьте в золотистые тона, в самом зале — под цвет маренго. Ковер надо постелить зеленый.

— Директор сказал — красный... — засомневался я.

— У вас что тут, ночной бар что ли будет? Покажите, что здесь у вас еще.

Представитель объяснил нам, где сидеть переводчик будет, где будут отдыхать члены президиума.

— А кстати, где у Вас... этот? — поинтересовались мы напоследок.

— Мест общего пользования на данном этаже не предусмотрено.

— Надо предусмотреть! — заявили мы и дружно пошли на выход.

Внизу ждал А. Д. Злобин. «Как?!» — в один голос воскликнули мы.

— А ничего, — бодро ответил Александр Дмитрич. — Там глубина-то небольшая вовсе, по плану больше.

«Халтурщики всё-таки эти строители...» — расстроился я.

На днях меня и Щелева снова вызвали к директору.

— Ну как, товарищи, учли строители ваши требования? Всё выполнено? — спросил директор.

— Да нет, Михал Григорьич... — скорбно ответил Щелев. — Они вчера заявили, что неудобно им это, пусковой минимум из-за этого задерживается...

— Пусковой минимум, товарищи, задерживать нельзя. Пусть всё остается по-старому.

— Ну что ж, — подумал я, — зато я хоть теперь знаю, что это за цвет — маренго.

Отчет по первому кварталу

— Ну что ты всё крутишься и крутишься?! — сердито сказала жена. — И пса выпусти! Три часа ночи, а вы мне спать не даете!

Кобёл скулил уже давно: его покусали на собачьей свадьбе конкуренты, и он страшно переживал. У меня были свои проблемы: в 10 часов начиналось производственное совещание с отчетом по первому кварталу. Отчитываться было нечем: любимое дитя, концентратор терминалов ЕС-1010, капризничало и ничего не хотело делать. Из стойки концентратора несло горелой изоляцией. Скандалы с инженерами шли непрерывно. Начальник машины В. Е. Аниховский подвесил на собственных ботиночных шнурках внутрь стойки бытовой вентилятор «Ветерок», чтобы не так воняло. Отловить Аниховского было трудно: как председатель комиссии рабочего контроля, он разбирался с ОРСом, почему в магазинах нет простыней. С. А. Щелев пил чай с печеньем у секретарш и на все приставания спрашивал: «Ну и что?» Главный программист Галактионов в горе и тоске сидел безвылазно в моей комнате и выкуривал мои сигареты. В буфет ходить стало нельзя; там пил кофе представитель пользователей В. Ф. Никитин.

— Товарищи начальники! — сказал директор, открывая совещание. — Конец квартала! Я бы хотел пройтись по всем темам и посмотреть, как у нас с выполнением плана и вообще с разработками, которые ведутся уже много лет. Пора же их заканчивать, товарищи! Давайте начнем прямо с первой темы. Кто будет докладывать, Вы, Борис Абрамович? Или Владислав Петрович?

— Да там всё в порядке, Михал Григорьевич. Были трудности, но сейчас всё там о'кей... — уверено пробурчал Щелев.

— А вентилятор?! — подскочил я.

— Ты когда был на машине, Широков? — возмутился Щелев. — Заменяли уже его давно. Диодом.

— А канал, а адаптеры? Четыре штуки?

— Есть там всё. Сегодня сделали...

— Надо бы Вам быть в курсе дела, Владислав Павлович, — покачал головой директор. — Давайте дальше пойдём, у нас 25 тем! По интеллектуальным терминалам как у Вас, Владимир Николаевич?

— Сделано четыре штуки и подключено, — встал Поляков.

— Куда подключено?! — заволновался я.

— К БЭСМ-6 подключено, и к М-6000 подключено. Работают.

«Вот черт, — подумал я. — Что ж это я, действительно... Когда же успели?»

— Давайте, товарищи, по автоматам теперь посмотрим, по АЭЛТ-2, по СИ. На ученых советах претензии ведь были. Обработки нет, говорят! Шкунденков, Котов здесь?

— 50000 снимков за первый квартал померили и обработали, Михал Григорьевич, а Вы всё ругаетесь! — возмутился Шкунденков.

— А Вы, Вадим Михайлович? Что-то у Вас там со спиральным измерителем...

— И мы 50000! А сейчас может и больше, пока я тут сижу. Может, 60000 уже!

— Ну хорошо, хорошо... Как по вашим темам, Владимир Иванович, Николай Николаевич? Выходит, у всех нормально? У Вас как, Евгений Петрович, с Маханьковым и Пузыниным?

— У нас большой успех, Михал Григорьевич, жалко, что нет Маханькова, он на лыжах катается, но я за него скажу с его слов. Обнаружена квазигетерогенная инклюзивность у солитонов в гамма-области Банахового пространства при R -отображениях! И что самое интересное — она коммутативна! — и Евгений Петрович гордо огляделся. Все притихли.

— Да, товарищи... Квазигетерогенная инклюзивность, товарищи... Это, конечно... — Директор задумчиво смотрел в окно. — Что ж, поздравьте от моего имени Владимира Григорьевича... Ну что же, я рад, планы выполняем, есть успехи, да... Не смею больше вас задерживать!

Прямо из приемной я кинулся на концентратор. В зале никого не было, воняло изоляцией. В обнаженной стойке мирно висел на шнурах Аниховского вентилятор. «Фу ты, дьявольщина, сегодня же первое апреля» — стукнул я себя по лбу. «То-то все так уверено... Да, но ведь директору же... А с другой стороны, первое апреля... Врала или не врала?! И интересно, все или не все?»

Где я?

Тут в прошлую пятницу копал я картошку, и девки мои, из отдела. Не все, конечно, троих я за бутылкой услал (у самого Талдома дело было). Подходит один в шляпе, из местных, уставился и лыбится.

— Чего тебе? — спрашиваю.

— А правда, — говорит, — у вас тут даже член-корреспондент имеется? Это он про Говоруна, значит, тот как раз в соседней борозде был.

— А тебе-то чего? — спрашиваю.

— Да так, — говорит, — интересуюсь. За что это вас сюда?

— Иди, — говорю, — отсюда, интеллигент. Пасть порву.

Ну и по матушке, конечно. Про пасть это я еще из кино одного помню, там блатной один всё так говорил. Только названье забыл, давно дело было, я уж в кино когда был, а то всё вкалывать приходится, и всё физически. Год такой хреновый, а и следующий, небось, не лучше будет, потому что високосный. Это тут один математик протрепался: будто потому, что на четыре делится. Может, врет. Молодой еще. Ничего, пару месяцев кирпичики поразгружает — фиг он чего на четыре поделит. Вообще с этой молодежью

нынешней... Тут одного я на стройку загнал, по разнарядке, всё чин-чином. Через две недели прямиком ко мне появился, мы как раз в ОРСе свеклу перебирали.

— Нечего, — говорит, — там делать. Пять минут поработаем, час сидим.

— Деньги, — говорю, — тебе там плотят?

— Да что мы там заработать-то сможем? Мы ж сдельно!

— Зарплату тебе основную плотят?

Молчит. А что ему сказать-то, я ж знаю, он 130 огребает в месяц, я ж ему сам зарплату-то назначал. Да еще засекли его, что со стройки бегаёт, программы какие-то пишет. А ведь ясная ему программа была записана: отработаешь на стройке три месяца, а там поглядим. Будто делов других нет. Вон на АСУ, говорят, посылать всех будут. Чего-то, правда, не помню, что это за АСУ, а нам пока не сказали, но в сапогах, наверное, являться надо. Докторскую когда писал, вроде знал чего-то про это дело, да ведь это когда было, мы еще тогда в Институте работали. Сейчас, конечно, странно вспоминать: здоровые ребята, таким бы лбам только мешки и таскать, а они какие-то карточки пробивали. Сейчас это дело выправили, наверху тоже не дураки сидят. Больше не пробивают, сейчас с этим делом строго. Трудности, конечно, имеются, потому как ловчить люди начали. Тут из машинников один (фамилию забыл, еще как у этого, который в «Самогонщиках» играл) чего отчудил. Его в отпуск пустили, сказали: вернешься — га сено пошлем. А его месяц нету, другой нету, табельщица вся избегалась, а он как в Усть-Илим на заработки укатил, так и всё.

— А чего, — говорит. — Я там больше заработаю. Да еще с учетом северных.

Учат их, учат, и экономически, и по-всякому, и научили на свою голову. Иной тоже фордыбачить начнет:

— Я, — говорит, — университет кончал!

— Ты мне справку, — говорю, — покажи, что ты нетрудоспособный, а чего ты мне университетом тычешь, я его и сам кончил, что там, инвалиды что ли все?

Бывает, отвлекают, конечно. Я один раз только из душа вылез (силос мы тогда закладывали) — повестка. Семинар по какому-то матобеспечению (извините, но там так и было написано). Съездил, посидел. Раньше-то понимал, а тут ничего не понял. Всё про какую-то автоматизацию говорили каких-то там исследований. Ручной бы труд автоматизировали, а то сколько той же картошки пропадает при ручной-то уборке — ужас. Смотришь иной раз на такого старшего научного, а он крупную-то в ведро кладет, а мелкую ему и не разглядеть.

А так вообще-то жизнь в Институте намного здоровее стала. Раньше, помню, думать всё чего-то надо было, голова иной раз побаливала, спишь кое-как... А сейчас наломаешься за день-то физически, ну и спишь как бревно.

Редко-редко бывает, правда, приснится что-то такое странное из старого — и не поймешь сразу. Какая-то машина с телевизорами и на ней не по-нашему написано. Какие-то девушки ходят, и почему-то без сапог. А то вообще что-то голубое. Проснешься эдак в холодном поту и думаешь: где я?

Как я был начальником

Люди! Любите своих начальников.
(Ниоткуда. Выстрадаю)

Через неделю после отъезда Н. Н. Говоруна в Женеву я оказался в положении ильфовского анархиста, который мечтал увидеть во сне что-нибудь вроде въезда патриарха Всея Руси в Калугу, а видел собрание членопайщиков кассы взаимопомощи. Меня начали преследовать производствен-

ные сны. В них было так много информации, что я просыпался среди ночи: голова кружилась, как после хорошей выпивки.

— Что ты стонешь? — с тревогой допытывалась жена как-то часа в 2 ночи.

— Куда вы звоните? — отвечал я вопросом на вопрос. — Нет здесь никакого Ососкова!

Первое время еще ничего было: все заказчики искали Говоруна, а увидав меня в его кабинете, — пугались и тихонько прикрывали дверь. Но они скоро освоились. И уже Влад Иванов приходил смотреть на меня скорбными глазами (у него пропало 2 минуты из 5 часов); и уже прятался я от Никанорова, у которого пропало 3 часа из 3 часов и который бродил между обеими машинами и спрашивал: «Да что же это такое?», и уже познакомился я с грозой операторов и сменных инженеров Шахбазяном.

— Как же это так получается, дорогой товарищ начальник... — с утра раздавался в трубке голос Казаринова, а при виде портфеля Мороза меня кидало в дрожь.

А задания! Что я пережил, когда первый раз принимал задание! Человек смотрел на меня ясными глазами и говорил, чего он хочет, а я ничего не понимал и даже не помнил, в каком томе Фриша и Тиморевой это можно посмотреть. Пережитое потрясение научило меня жить. Теперь уже, когда приходил физик, я сразу бегло смотрел его бумажки и, не давая ничего сказать, сам говорил, чего он хочет. Заказчик с чувством жал мне руку и уходил, а я садился и начинал уже для себя уяснять, чего же он всё-таки хотел.

Потом я уехал в отпуск, а в начальники затянули Толю Корнейчука. Вернулся я — а его и след простыл: сбежал. Говорят мне:

— А у нас тут всё сгорело.

— Как хорошо, — думаю.

Дней десять было, как в раю: тихо и делать нечего. Потом опять началось. Приказ: выделить двух человек в колхоз, одного — в ОРС.

— Братцы, у нас же математики!

— Картошку кушать любите?

— Люблю. Особенно с мясом.

— Ну, и привет. Выполняйте.

Снова косяком пошел математик и физик, а в 215-й комнате после совещаний пахло, как в курной избе. Снова наладились обычные нормальные отношения с руководящими машинниками, построенные на принципах «А ты кто такой?» и «Ты меня не трожь, я хороший». Начальники машин смотрели исподлобья, В. Федорин одно время даже с женой моей здороваться перестал, а по городу ходили уже не знакомые, а заказчики. В. Никитин перестал рассказывать мне про киевское «Динамо», а только ходил и кланчил время, а являясь вечером домой, я натыкался на гневный взгляд жены:

— Ты, начальник! Опять мне время ночью дали!

Ел я наспех и недосыта, ходить стал бегом, а уж когда совсем не вмоготу стало — вернулся Н. Н. Говорун. И вот вчера иду спокойно, не спеша по коридору — он навстречу. Идет и за лоб держится. Иду дальше — Никитин:

— Ты знаешь, как киевляне норвежцев ободрали?!

И так у меня на душе легко стало, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Хочу жвачки

— Тринадцать, — прошептал ухо-горло-нос из другого конца кабинета. — Семьдесят четыре...

Это был уже десятый врач за последние два часа, а мне еще надо было идти к зубному и невропатологу.

— Куда проходите комиссию? — спросили меня в регистратуре поликлиники.

— В Швейцарию, — ответил я.

— Везет вам, — вздохнула знакомая регистраторша. — В седьмой раз едете.

Я покраснел.

В отделе кадров мне сказали, что у них еще осталось шестнадцать моих фотографий с прошлого года, и больше не надо. Характеристику мою где надо утвердили, я по-прежнему оказался морально устойчив.

— Может, ты хоть в этот раз поедешь? А то вон Вовке отец каждый год жвачку привозит. И Алеше тоже, — недовольно сказал мне старший сын.

Держась несколько сзади него, на меня выжидающе смотрели двое младших.

— Чтоб я с тобой вместе еще хоть раз в одну поездку записался... — нервничал Влад Иванов через два месяца, когда стало ясно, что мы никуда не поедем.

Хитрый Шелонцев, сделавший безошибочный выбор напарника и вернувшийся из Тюрингии не только с жвачкой, но даже с парой кактусов, только посмеивался. Да еще и хвастался, как он управлялся с немцами, не знающими русский и английский:

— Он мне говорит, говорит, полчаса говорит, а я ему потом: нихт ферштее. Он опять полчаса говорит, а я ему опять: нихт ферштее.

Дети не разговаривали со мной два дня.

— А правда, Николай Николаевич, может не писаться мне никуда? — спросил я Н. Н. Говоруна при составлении очередных планов. — Одной крови сколько сдал... Без толку ведь.

— Ну почему-у-у! — сделал большие глаза Н. Н.

Приближался Новый Год, и нам надо было «закладывать» новые поездки, мы сотрудничали с семью нормальными странами и парой капиталистических. Эти беспокоили меня больше всего.

— Некого у меня послать-то, сами видите! — тыкал я пальцем в список. — Вот Заикин один.

— Вот его и пошли.

— Да не занимается он этой темой-то! Сидоров занимается, а он, сами знаете...

— А вот с Семеновым его и пошли.

— Ладно, а сюда кого?

— Сюда хуже. Придется из других отделов искать. Вот Петрова попросим.

— Да он сроду этой тематикой не занимался и не хочет, что же проку-то будет? Да и не захочет он срамиться...

Позвонили Петрову.

— Хи-хи! — веселился Петров. — Вы что, серьезно это?

К счастью, и Семенов, и Петров согласились.

— Жвачки-то хоть привезете? — вел я с ними переговоры при отъезде. — Ничего мне больше от вас не надо.

— Если позволят средства — уклончиво сказали оба.

«Всё пропало» — понял я. А тут еще пришел ко мне горячий человек Гусев и заявил, что перестанет меня уважать, если я потом не заставлю Петрова заниматься тем, ради чего его послали.

И вот я теперь думаю: как же жить дальше? Гусев меня уважать не будет, дети меня уважать не будут...

Братцы, нет ли желающих поехать за границу? Если вы меня еще уважаете, конечно.

Примечание автора. Все имена, отчества и фамилии, встречающиеся в этой заметке, фиктивные. Подпись тоже.

Из Женевы, с любовью

Мне трудно описать то сложное чувство, которое охватывает всех нас, членов чисто мужской колонии ОИЯИ в ЦЕРНе, в эти дни перед женским праздником. У каждого оно свое, конечно, но есть в нем нечто общее для всех: чувство, что мы основательно подзабыли предмет. Что нам, с нашей примитивной логикой, придется когда-то снова осваиваться со сложной женской логикой. Что нам просто придется привыкать заново к женскому обществу. Я никогда не забуду лица своего соседа, когда он однажды буквально ввалился в нашу комнату в отеле. Спрашиваю: «Что случилось?» — «Мне сейчас на площади какая-то мадмуазель сказала: «Бонсуар, месье» (Добрый вечер, месье. — **пер. мой**). Так он от этого места 2 квартала бегом бежал. А мужчина он с весом: как-никак 94 кг.

Я не забуду также лживые физиономии моих русских коллег, под разными предлогами приходивших в мою комнату в ЦЕРНе, вернее, не мою, а молоденькой англичанки (меня, так сказать, подселили на полгода). Из всех наших один Саня Л. был искренним: пришел один раз, застал в комнате одного меня, сказал: «Приду лучше в другой раз». Пришел в другой раз, когда соседка была на своем рабочем месте, и не стал разводить со мною маскировочные разговоры, а сразу стал знакомиться.

А остальные? Г. И. стал заходить прикуривать (его зажигалка ему разонравилась), полагая, что его великолепный рост может повлиять на хваленую британскую сдержанность. П., войдя своей походкой левого полусреднего и бросив два-три косых взгляда отнюдь не в мою сторону, считал необходимым задать пару вопросов по ФОРТРАНУ. С. М. просто поднимал то одну, то другую густую бровь, Б. интересовался проблемами применения вычислительных машин. К. зашел сказать, что присланный мне из Дубны пакет он перешлет мне по внутренней почте, заставив меня гадать, а почему же он просто не захватил его с собой. И только Г. был настолько

увлечен работой, что ему было не до таких пустяков (да и был он, притом, краткосрочником). Да еще И. С. всё надеялся, что грянет, наконец, гром, и перекрестятся в Госкомитете по использованию атомной энергии, и пришлют ему жену, а потому ходил по Женеве, застегнутый на все пуговицы и сосредоточенный, и искал квартиру. Но гром так и не грянул, и теперь, когда я изредка захожу его навестить в отеле, он опять кипятит себе молоко в кружечке.

Вот уж с этой стороны у нас всё как нельзя лучше: никто не скажет, что носки, брошенные на пол или повешенные на стул, — это плохо. Не исключены, конечно, некоторые конфликты, напоминающие семейные сцены, если ты живешь не один. Как-то я поставил открытую банку с маринованными мулиями (моллюски такие) в холодильник, и закрывая дверцу, опрокинул банку на любимый торт соседа, склонного к сладкому и лютой ненавистью ненавидевшего мои увлечения острыми штучками. Дело раскрылось только к вечеру, когда он вскипятил чайк и полез в холодильник, несколько удивленный лужицей, вытекшей оттуда, и резким запахом. Он не разговаривал со мной после этого 4 дня, и еще 3 дня потом уверял, что холодильник всё еще пахнет «твоими паршивыми мулиями». Но зато каким он становится добрым и всепрощающим, если ему удалось утром поговорить по телефону с женой или получить от нее письмо. Да и остальные ведь так же.

А посмотрите на них, когда им представляется случай отправить какие-то хоть маленькие подарочки своим женам: вы знаете, что такое для русского мужчины в Женеве пойти в женский отдел в магазине и выбрать там что-то по размеру и хорошее, не забывая в то же время о своей полставке посла? Ведь человек идет как на заклание, держа в дрожащей руке листочек с цифрами, свидетельствующий о том, что его жена перед отъездом была измерена вдоль, поперек и по всем мыслимым округлостям. Мой сосед выполнил даже некоторое подобие объемного чертежа и проставил

все размеры. А если находится такой, кто не запасся такими данными? Вот и ходит он, бедняга, по магазину, выбирая продавщицу, по габаритам эквивалентную его жене, и по той тоске, которая светится в его взгляде, сразу можно понять, что он всё-всё забыл и ни в чем не уверен. А ведь ему еще предстоит всучить купленное какому-нибудь отъезжающему, у которого и так уже 16 кг груза лишних, и тогда-то организуется знаменитая операция «Цицерон», заключающаяся в создании группы фиктивных улетающих в аэропорту, в подмене чемоданов и портфелей и т. д.; операция настолько сложная по своим правилам, что очень напоминает по трудности сочинский вариант игры в преферанс и совершенно не поддается краткому описанию. Служащие аэропорта, впрочем, знают эти правила, как я заметил, но достаточно тактичны, чтобы держать это знание при себе.

Конечно же, мы соскучились не только по нашим женам, но и по всем вам, наши добрые знакомые, наши друзья, наши милые (простите за это стандартное выражение) женщины. Когда в тесном кругу, расчувствовавшись после пары тостов, мы поем неприятными голосами «Без женщин трудно жить на свете, да...» — это о всех вас. Мы завидуем мужчинам, которые будут дарить вам цветы в день вашего праздника и которым вы будете улыбаться в этот день. вспомните и о нас. По моему мнению, на вес золота вы должны ценить мужчин, прошедших суровую школу заграничной жизни.

Открытое письмо активистам общества охраны природы

— Беги быстрее, там Астахова в подвале, на Курчатова 3, бьют! — закричала жена, когда я вернулся с работы. За ее спиной в голос рыдала соседка по лестничной клетке Астахова. Я кинул портфель и опрометью выскочил на улицу.

В подвале на улице Курчатова, дом 3, заслоняя спиной доски, поставленные на попа, Астахов отбивался рейкой от довольно здорового инженера Степанова из Лаборатории ядерных реакций.

— Шириков, выноси доски, я прикрою! — крикнул Астахов, когда я ссыпался по лестнице.

— Мои доски! Иван, запирай подвал! — завопил инженер Степанов, видя что одному ему теперь не справиться. Я схватил доски в охапку и потащил наверх. Из бокового хода, пыхтя, задом выползал Иван.

— Помоги... Мос-с-сосыкл застрял, помоги, друг... — прохрипел Иван, которого заметно качало.

— Куда ты его? — приостановился я.

— Шестой сарай разбираем... Вот мос-сосыкл заодно нашли... Степанов сказал: всё поряд выноси... — пожаловался Иван и икнул...

По всей улице Курчатова ломали в подвалах деревянные сараи, и садоводы с «Дуракова поля», что за городской свалкой, растаскивали доски для своих участков. У меня никакого участка не было, и я встрял в это дело совершенно случайно. Всё началось с того, что однажды я нашел в почтовом ящике записку Астахова: «Мы уезжаем в отпуск, поливайте помидоры, воду возьмишь на болоте». Собрав семью, я отправился на астаховский огород. Сушь стояла страшная, из болота около «Дуракова поля» пахло.

— Это что ж, тут же грязь одна! — спросил я астаховского соседа по огороду Левчановского, бодро шагавшего с пустыми ведрами.

— Да ну, вон пошли на щелевский участок, он там себе колодец выкопал!

Колодец у замдиректора Щелева был что надо. Воды, правда, маловато, но мы попривязывали веревки и когда вытаскивали по пятому ведру, Левчановский сказал:

— Ну, я пошел, а то вон Щелевы идут...

И он быстренько смотался. Я на всякий случай полведра обратно в колодец вылил и сел покурить, потому что Щелев меня уже всё равно углядел. Подойдя, он мрачно покосился на мое ведро и тоже полез за сигаретами.

— Ничего у тебя колодец-то, молодец! — льстиво сказал я.

— Вода, между прочим, привозная... — с укором заметил Щелев и опять покосился на мое ведро. — Трудно нынче с водой-то!

— Да-а... — посочувствовал я. — Ну, я пошел, спасибо тебе!

Поливая последний помидор, я слышал, как на своем участке вздыхал Щелев.

Потом я уехал в отпуск, и всё было хорошо, пока не пришла телеграмма: «Астахов тяжелом состоянии больнице перитонит Астахова панике приезжай». С билетами было трудно, приехал я только на пятый день, в квартиру вбежал, на кухне Ширикова с Астаховой тихо так разговаривают.

Сердце у меня упало, ну, думаю, дело плохо.

— Что с Астаховым?! — спрашиваю.

— На огороде твой Астахов! — говорят. — Вчера из больницы выпи-сался, еще досок где-то достал, сарай делает!

Я плюнул и пошел на огород. Взгромоздившись на ящик, Астахов приколачивал довольно симпатичную досочку. Рядом физик-теоретик Костя Рерих любовно докрашивал маленькую уютную будочку, назначение которой выдавали две пластмассовые крышки, аккуратно прислоненные к будочке. Невдалеке, у канавы, стоял старший научный сотрудник Злоказов и пристально следил за астаховской работой.

— Смотрит и смотрит, вот уж пять минут смотрит! — сердито сказал Астахов.

— Чего смотришь, старший научный? — крикнул я.

— Досочки больно хорошие... — застенчиво отозвался Злоказов. Вот уже полгода он сколачивал теплицу, и я часто наталкивался на него, когда

он с мотоциклетным шлемом на голове таскал с ЛЯПовской площадки какие-то обрезки.

— Ты доски-то свои на улице не оставляй, — посоветовал я Астахову.

— Да уже не оставлю, сейчас остатки внутри сарая запихаем, и всё кругом наглухо забьем! — громко, чтобы слышал Злоказов, заявил Астахов, с ожесточением заколачивая очередной гвоздь. Злоказов постоял еще минут пять, после чего вдруг повернулся и бросился бежать по дороге. Мы с удивлением посмотрели в ту сторону, после чего Астахов бросил молоток:

— Дуй, давай, Шириков, я быстро еще не могу, а там саженцы несут!

Вдали показалась толпа мужиков, размахивавших руками. В центре сосредоточенно шагал главный по садовым участкам Никульников, бережно неся чего-то, похожее на букетик. Потом все сгрудились, Никульникова не стало видно. «Эх, не успеем», — решили мы, подбегая. На дороге рядом лежали прутьики, а начальник конструкторского бюро Геннадий Иванович Олейник отбивался от Васи Руденко и еще какого-то в телогрейке:

— Ну и что, что деньги сдавали? Всё равно всем не хватит, а кто не пришел — тем совсем не давать!

— Разыгрывать будем. Иди, Астахов, становись, назначать будешь, ты больной, тебя не тронут... — разрядил обстановку Щелев.

Я отошел от греха подальше в сторонку. Астахов вернулся очень скоро, ошеломленно глядя на какой-то корешок, зажатый в кулаке.

— Чего-то ценное! — с сомнением заявил он. — По десятке ведь скидывались!

Когда мы копали ямку под ценный корешок, подошел многоопытный А. М. Кучер.

— Японская декоративная вишня, — со знанием дела заявил он. — Можете сразу выбрасывать. Всё задушит.

Уходили мы тогда с огорода затемно. У края дороги, переговариваясь шепотом, двое быстро разгружали машину явно ворованного кирпича. Ползая по совершенно немислимым тоненьким перекрытиям, народ доколачивал последние планочки и драночки. В канаве, по колено в грязи, шестеро мужиков, матерясь сквозь зубы, забивали сваи под будущий мостик.

— Вот на работе бы так, — вздохнул Астахов.

— Ну, теперь полегче станет, зима же скоро? — спросил я.

— Ну да! — опять вздохнул Астахов. — Как подмерзнет, удобрение надо завозить... Вон под Юркиным куча какая, только без санок не возьмишь...

— Минеральное? — наивно осведомился я.

— Натуральное! — коротко ответил Астахов.

...В предновогодние ночи, когда вы, товарищи активисты Общества охраны природы, будете по полям и лесам отлавливать порубщиков елок, я прошу вас: будьте осторожны. Не хватайте и не тащите в КПЗ без разбора любого, кто по пояс в снегу, с мешком на саночках пробирается откуда-нибудь из-под Юркина. Стойкий специфический запах свалки всегда поможет опознать честного пайщика садоводческого общества: человека, который не считаясь ни со своим личным, ни с рабочим временем, всем нам подает пример самозабвенного и самоотверженного труда. Поздравьте его с новым, 1982 годом: это будет трудный для него год. Закусывая в новогоднюю ночь магазинным огурчиком, вспомните, как дается такой же огурчик этому труженику, и выпейте за него. Ей-богу, он того стоит!

Лучшее средство для похудения

Вот говорят, чтобы похудеть — бегать надо или на велосипеде гонять; еще упражнения разные делать. А со мной лично вот какой случай недавно вышел...

Пиво в тот вечер в баре совсем жидкое было, мы с Иваном, дружкой моим, по четыре кружки всего и выпили, домой я засветло пришел, а тут, конечно, благоверная своего не упустит...

— Допьешься, — говорит, — своего пива! Посмотрел бы на себя в зеркало! Морда обвислая, животина какой стал! Ведро до мусоропровода по полчаса носишь. Врачам бы хоть показался!

Я, конечно, попервоначалу эти дурьи слова мимо ушей пропустил, но как спать ложиться стал, специально на живот внимание обратил. Действительно, гляжу, чего-то не то, даже пупок не сразу нашел, всё сгладилось. Дай, думаю, схожу хоть завтра к участковому нашему.

Ну, с утра пораньше пошел это я в поликлинику. Очередина там оказалась побольше, чем в баре, я пока час простоял — с двумя мужиками поскандалил и с регистраторшей, чтобы без очереди не отпускала, только талончика мне всё равно не досталось. Сказали, иди к дежурному терапевту, может, так пустят. Я, конечно, туда бегом, очередь за одним мужиком занял, у него на одиннадцать часов талончик был. По коридорчику погулял, все книжечки на столах перечитал про глистов, про воспаления разные; к одиннадцати опять к кабинету, а там, оказывается, только-только женщина зашла, у которой на девять тридцать назначено было. К часу еще до меня двое оставалось, так что зашел я только к двум, даже уже и есть расхотелось.

Врачиха еще минут десять чего-то писала, на меня ноль внимания, потом бумажку мне дает:

— Натэ, — говорит, — и через три дня на прием!

Гляжу, а она больничный дает, а там ОРЗ написано! Я говорю:

— Как ОРЗ! Я с животом вот, посоветоваться!

— Чего ж, — говорит, — вы молчали? Раздевайтесь!

Ну, походила вокруг меня, пальцем потыкала.

— Что-то, — говорит, — не нравится мне это. Пятна какие-то на животе, синие. Идите-ка вы к дерматологу.

Про дерматолога я сроду не слыхал, прием у него только на третий день был, я весь испереживался, на всякий случай анализов в баночки наклал, являюсь. От анализов он нос отворотил, раздевайтесь, говорит. И тоже на пятна мои синие уставился.

— Сложный, — говорит, — случай. Будем класть на обследование.

Жена, дура, изревелась:

— Предупреждала, тебя, ирода! Допрыгался!

Сама меня в больницу отвела, дозналась, чего в передачи носить можно; сказали, пока не выяснится, ничего нельзя. Дело уже к ночи было, помыли меня, кое-как заснул.

Утром врачей пришла куча целая, еще практикантов каких-то привели, пятна мои смотреть. Я им только живот-то открыл, гляжу — а пятен-то и нет никаких! Тут меня осенило, что это трусы мои краску давали, а как меня помыли вчера, так, конечно, всё и сошло.

Из больницы меня тут же вытурили — и обратно к терапевту.

— Странный вы больной! — она говорит. — Бюлетня брать не хотите, ходите, ходите... Пошлю-ка я вас к хирургу!

Я прямо так и обомлел:

— За что?! Детей-то хоть пожалейте, у меня их трое!

Женщина всё-таки, про детей подействовало. Спрашивает:

— Отчего это у вас всё началось?

— От пива, — говорю.

— Ну тогда направлю я вас к урологу!

Ладно, думаю, теперь уж мне всё равно.

Уролог сначала с меня снимок снял и чего-то вам углядел, но потом оказалось, что это пуговица заснялась, поэтому он подумал-подумал и говорит:

— Пива вам надо побольше пить, не меньше бутылки в день, тогда, если у вас там чего и есть, то само выскочит.

Ну, что вы на это, товарищи дорогие, скажете? Ну не дуры ли эти бабы, которые жены? Я, конечно, с таким рецептом домой радостный пришел и на работу тоже веселый явился, три недели ведь не был. Ивана встретил.

— Тощой ты, — говорит, — какой-то стал. Живота-то совсем не стало!

А вы говорите — велосипед... Да лучше средства, чем наша поликлиника, для похудения нету!

Воспоминания о системном математическом обеспечении

— Я слушаю Вас! — голосом начинающего начальника отчеканил в трубке Тутышкин.

— Люсю позови! — грубо сказал я.

— Зачем? — заволновался ревнивый Тутышкин.

— Да мне надо узнать, была связь между Нейтронкой и Минском-2, или не была? Никто не помнит!

— Неправда... — прошептал Тутышкин и повесил трубку.

Написание воспоминаний оказалось под угрозой...

Меня всегда удивляло, как это в мемуарах пишут: «Помню, 17 сентября 1920 года к вечеру вышла наша бригада в распоряжение 25-го полка 179-й кавалерийской дивизии...» А тут прошло-то всего лет пятнадцать-семнадцать, но, например, о связи ЭВМ «Минск-2» с ЛНФ мало кто помнит. Самому мне тогда ни до каких связей дела не было: мы с Евгением Петровичем Жидковым до поздней ночи долбали один нелинейный диффур.

Первые машины меня по молодости лет как-то не коснулись: «Урал» я уже не застал, про «Киев» слышал только какие-то анекдоты от жены, которая вместе с Шелонцевым обрабатывала информацию, передававшуюся по кабелю из Нейтронки.

А потом появилась М-20, и Николаю Николаевичу Говоруну (который уже был, конечно, начальником) стукнуло в голову связать «Киев» с М-20. Из рядовых за программу связи взялся Иосиф Иванченко, с этого начался его крестный он-лайновский путь, и с этого по-настоящему и начался так называемый вычислительный комплекс ОИЯИ с первыми «своими» работами по системному программному обеспечению.

Ровно 15 лет назад была написана и запущена в работу первая Дубненская операционная система: программа-диспетчер для машины «Минск-2», пришедшей на смену «Киеву» и тоже потом увязанной с М-20. Делал этот диспетчер Владлен Шигаев. С тех пор и повелось, что для каждой новой машины хоть что-то да свое системное клепали.

Возникла первая группа системных программистов во главе с Лидией Семеновной Нефедьевой, взявшаяся сделать Программирующую Программу, то есть, один из первых «собственных» трансляторов. Игорь Силин, которому надоело программировать в кодах, сделал вариант транслятора с автокода для М-20. На М-20 всюю шла обработка экспериментальных данных, приехал транслятор с АЛГОЛа, но физики, конечно, были недовольны и на всех углах трезвонили, что на Западе лучше.

И тогда Говорун поехал на Запад. Вернулся он с большим запасом шариковых ручек и идеей внедрения ФОРТРАНа. Профессионалы как посмотрели — так и ахнули... И после этого начали набирать кого попало... Транслятор писали по более-менее готовым схемам и в 1968 году вышли на отладку на машине БЭСМ-6 — сначала в Москве, потом у себя...

За всё программное приложение к транслятору (автокод, загрузчик) взялся МГУ, операционную систему (диспетчер Д-63) поставлял Институт

точной механики и вычислительной техники. Время, шло, новая группа системщиков набиралась опыта и ума, И. Н. Силин начал проявлять все большее неудовольствие чужими программами, и появились свой автокод, свой загрузчик, своя мониторная система «Дубна», после чего взялись и за диспетчер БЭСМ-6...

Вспомнили и про связи: инженеры соорудили на машине спецканал и коммутатор вычислительных машин, Коля Заикин сделал необходимую программу связи (она потом по наследству перешла к Сергею Каданцеву); были установлены связи с БЭСМ-4 и ТРА в ЛНФ, для которых программировали Ольга Ломидзе и Виктор Галактионов (это были практически их первые системные работы, а теперь они уже давно кандидаты «системных наук»); с «Минском-22» в отделе ядерной спектроскопии и радиохимии, с М-6000 в ОНМУ и ЛТФ; теперь появилась ЕС-1010 на линии. Не все из этого уцелело до сегодняшнего дня; что-то отработало свое, что-то устарело. Появились новые заботы с магнитофонами, дисками, терминалами и, соответственно, новые версии операционной системы на БЭСМ-6; давно работают для нас машины фирмы СДС, пришлось нашим системщикам осваиваться и с машинами серии ЕС, приспособливая их к нуждам пользователей. Масса труда была вложена сектором Р. Н. Федоровой в библиотеки; общего назначения на БЭСМ-6, СДС-6500, ЕС-1040...

В общем, я думаю, нам не стыдно оглянуться на прошедшие годы: и сделано очень даже немало, и кадры выросли неплохие, и смотрят на нас со стороны с уважением. Вот бы и дальше так!..

Я предпочел бы жить в XVI веке

Я предпочел бы жить в XVI веке. Вы спросите, почему? В мире было спокойнее. Число Твидлдумов и Твидлди, готовых воевать из-за погребушки, было несравненно меньше, чем в XX веке, а сами войны были долгие и

спокойные, как московское чаепитие. Леса вокруг городов были чисты, потому что не было консервных банок и газет, а воздух не был как в керосиновой лавке. Почти не было часов, и люди не спешили. Не было известно, что существует столько болезней, как это мы знаем сейчас. Не было сахара, чтобы портить зубы, кофе — чтобы портить сердце, сигарет — чтобы портить легкие, чая — пищевод, водки — желудок. Зато была икра — а где она сейчас? Не было коротких плащей, чтобы простуживать колени, высоких каблуков — калечить ступни, и, наконец, лыж — калечить спину.

А бытовые заботы? Разве их было бы столько у меня тогда? Забот по хозяйству у меня не было бы совсем, ибо ни о какой эмансипации не могло быть и речи. Не нужно было бриться, никто в мире не наводил стрелочку на брюках. Математикой заниматься было значительно легче: по моей отрасли дифференциальных уравнений кое-что сделал Лопиталь, но поскольку не было реферативных журналов, то об этом никто бы и не узнал. А то, что не было бы столько книг, так это хорошо: я бы не носил из-за них очков.

Вы скажете, что не было телефона, радио или кино — такая ли уж это потеря? Да и зачем было бы нужно кино? Говорят, нам необходимы фильмы о современности. Но ее еще не было в XVI веке. А то, что нам показывают сейчас в исторических фильмах, — это же можно было наблюдать вочию. Вы скажете: транспорт! Ну что ж? За последний месяц, например, я ни разу не воспользовался ни одним видом транспорта и ничуть от этого не страдал. А уж если говорить о дальних поездках, то XVI век значительно удобнее. Попробуйте сейчас съездить во Францию. Через три месяца в XVI веке вы бы уже гуляли по паркам Тюильри, а в XX веке только-только пройдете проверку в пятой по счету инстанции и вам станет ясно, что вас, пожалуй, никуда не пустят.

Не было, правда, тогда картошки, футбола и кое-чего еще. Но это уже мелочи, которые не изменили бы моего решения.

Тост в день своего рождения

Жена моя, товарищи мои,
Пришедшие сюда на день рождения,
Настолько близкие друзья семьи,
Что после многолетнего общенья
Не разберу сквозь слезы умиленья,
Где ваши дети, где мои!
Спасибо всем, кто помнит про меня,
Кто просто так, не только в день рождения,
В моей квартире как в своей бывал,
Незванный, среди бела дня
Солил капусту, водку выпивал,
К приходу моему съедал мои котлеты...
Спасибо всем, чьих жен я целовал.
От них и от меня — спасибо вам за это.
Давайте выпьем и нальем опять...
Друзья мои, я вам хочу признаться:
Я вас люблю. И что уж тут скрывать?
Наверно, снова буду целоваться...

Алле Аниховской,

*у которой оба сына родились 20 апреля
(с интервалом в год)*

Ведь как дела-то повернули?
Не знаешь, как теперь и быть!
К тебе 20 июля
Опасно даже подходить:

Подходишь вроде бы шутя,
Хоть на работе, хоть в буфете,

А девять месяцев спустя,
Не знаю, как, но у тебя
Как правило, бывают дети...

Поздравление Н. Н. Говоруну от ЭВМ по поводу присвоения звания доктора наук*

Заместителю директора ЛВТА ОИЯИ
доктору наук Н. Н. Говоруну

Мы, основные вычислительные машины ОИЯИ, шлем свои поздравления в честь присвоения Вам нового звания. Хотя Вы теперь приходите к нам только с делегациями, мы знаем Вас и по рассказам старых институтских машин, и по разговорам математиков. Большая часть этой информации путана и противоречива. Урал-1, проданный на «тридцатку» за полное отсутствие оперативной памяти, с трудом припомнил: «Был вроде такой юзер». Мало было проку и от бедного «Киева», у которого еще при рождении заходил диод за триод, а когда Вы устроили ему связь с М-20, так совсем стало ясно, что никакого от него проку не будет. И пошли тогда в институт разные другие машины, и математики стали говорить, что всё Говорун виноват, и часто называли Вас нехорошим словом «начальник». Ваш оптимизм стал общеизвестным, но всегда сходил Вам с рук. Мы всегда будем Вам более признательны, чем люди. Вы приютили машину СДС-1604А, списанную, по старости, у себя на родине, в Штатах; Вы так легко взялись сделать математическое обеспечение БЭСМ-6, которая пришла с завода дура душой, что разбежалась вся группа автоматизации программ-

* Николай Николаевич Говорун: К 80-летию со дня рождения. Дубна: ОИЯИ, 2012. С. 254–255.

рования в институте. Вы нашли новых людей только потому, что те не знали, что такое автоматизация. А теперь БЭСМ-6 даже и разговаривает-то исключительно по-английски.

Вместе с Вами мы растем не только количественно, но и качественно. Вы назвали нас в диссертации «комплексом», а Вас за это назвали «доктором».

От математиков службы ОБС мы знаем, что Вы планируете нам связь с машинами ЦЕРНа и Рио-де-Жанейро. Мы надеемся, что с Вашей помощью Дубна станет столицей вычислительного мира. В честь этого будущего события и в ознаменование дня Вашей защиты машины ОИЯИ включаются в борьбу за звание машин беспрофилактического труда.

*С вычислительным приветом,
БЭСМ-4, «Минск-2», СДС-1604А, БЭСМ-6 (всего 10 подписей).*

Где же кружка?

*Открытое письмо доктору В. П. Ширикову
от его литературных героев и читателей
по случаю выхода его собрания сочинений*

Эффект был как при повышении цен на водку: очевидно, что это имеет место, — а всё не верится.

В. П. Шириков. За новую организацию

Итак, свершилось: издательский отдел ОИЯИ выпустил книгу юмористических рассказов Ширикова! Можно получить, можно потрогать, понюхать запах типографской краски, полистать и поставить на полку.

Да-а, Владислав Павлович... Был у Вас «Импульс», был отдел, были программисты и операторы, была Дирекция... А ведь это всё ЛВТА — ма-

териал богатейший! Все мы когда-то жили в ЛВТА. Хочется сказать: «А помните?..». Предаться воспоминаниям. Это говорим мы, ваши герои. Знаете, какое первое впечатление было от увиденного? Что ощущаешь, когдаходишь к стенгазете «Импульс» и видишь себя среди Ваших литературных героев? «Как странно видеть себя в прозе...»

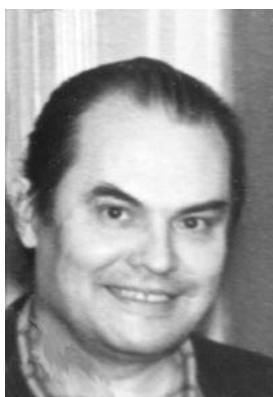
Мы, Ваши литературные герои, почти никогда не обижались на своего Автора, а если какая обида и была — то это так, и не обида вовсе, а выбитая точка — ошибка литературного эксперимента. Мы готовы были не обижаться и впредь, лишь бы Автор продолжал писать, но так уж получилось, что в 1989 году Владислав Павлович Шириков в звании юмориста первого ранга вышел в отставку. В том году рухнули, кажется, все стенгазеты Советского Союза, и с ними — «Импульс». Подал в отставку и В. П. Шириков. С тех пор он на литературной пенсии. Что же из этого следует? А из этого следует, что хорошо бы Владиславу Павловичу теперь засесть за мемуары. Начать можно так: «Помню, 23 сентября 1963 года вышел я в распоряжение площадки Объединенного института ядерных исследований...»

Ну, и последнее. Факт налицо, а всё не верится. Есть книга, есть предмет для хорошего, душевного разговора. Владислав Павлович не первый раз попадает в переплет, но то всё было рукоделие, в одном экземпляре, а тут — и обложка, и тираж, и запах типографской краски. Хочется воскликнуть вслед за Пушкиным: мон шер, где же кружка? Вышла книга, а где презентация, где столы? Надеемся, что во втором, расширенном издании «Избранного» Владислав Павлович исправит эту маленькую, но досадную оплошность.

*За героев и читателей В. П. Ширикова
А. А. Расторгуев
(412 подписей, в том числе
25 трижды литературных героев,
4 — четырежды), 2006*

Анатолий Корнейчук

*Он давно подмосковит.
Домовит и плодовит.
У него портфель под мышкой
Юморесками набит...*

Ломоносов говорил, что Россия будет прирастать Европой. Но она всегда прирастала Украиной и будет прирастать ею впредь. Анатолий Андреевич появился в Дубне в начале 1960-х, после аспирантуры мехмата МГУ. Его тут же пригласили в «Импульс» и предложили кресло в отделе сатиры и юмора. Юмором уже занимался Шириков, и Корнейчук засел за сатиру...

Как сделать лучшую в мире стенгазету

Наставление будущему составу редколлегии

1. Редактор

Редактором лучшей в мире стенгазеты может быть только женщина. Известно, что женщина соглашается возглавить газету из жалости (некому), из принципа (чтобы возвысить себя, как отметил один проницательный читатель, в глазах подруг и знакомых) или же, наконец, из чувства долга (глаголом жечь сердца людей); мужчина же оказывается редактором под давлением (обязали) или чтобы иметь должность по общественной работе (для прикладных целей: поездки за границу, продвижения по службе и др.).

Для женщины пост редактора — власть и удовлетворение потребности в общении, для мужчины — удобная лежанка.

Женщину назначают редактором, когда газету надо вытянуть из прорыва, мужчину — когда налаженное дело надо постепенно завалить, чтобы потом было его откуда вытягивать.

У женщины-редактора, впрочем, всё-таки есть один недостаток: увлекшись, она начинает прибирать к рукам смежные отрасли — организацию вечеров отдыха, концертов, представлений, поездок по бывшим святым местам и др. Так что умейте вовремя остановить вашего редактора: если в номере появилась заметка, приклеенная криво, то в следующем уж обязательно появится приклеенная вверх ногами.

2. Художник

Если у вас не будет художника, ваша стенгазета никогда не станет лучшей в мире. Более того. Лучшую в мире стенгазету можно сделать, имея только художника.

Вы мне, конечно, не поверите, но был случай, когда первый приз получила стенгазета трехлетней давности (правда, не из нашей лаборатории), представленная на конкурс по ошибке. То есть комиссия, оказывающаяся, смотрит только заголовки, а также то, что нарисовано крупно и красивым ядовитым цветом. Поэтому не ставьте на газете год выпуска: вы будете иметь возможность ошибиться и послать ее на конкурс два-три года спустя, когда ваши конкуренты выдохнутся. Кроме того, многое можно будет использовать повторно: старые анекдоты, старые новости и даже старые заставки. Может получиться очень весело: прошлогодний заяц держит в лапах шампанское, а в этом году оно есть даже не у всех работников прилавка.

3. Юморист

Женщина, как правило, относится серьезно к мелочам и поэтому не обладает чувством юмора, так что на должность юмориста приходится

брать мужчину. Иметь их надо несколько, чтобы перед выпуском номера поймать и заставить работать хотя бы одного. Со временем штатный юморист набивает руку и начинает выдавать халтуру, поэтому на этой должности не задерживайте его слишком долго, а посылайте время от времени на низовую работу: вырезать чужие высказывания или перепечатывать что-нибудь на пишущей машинке одним пальцем. Ни в коем случае не следует повышать юмориста: избранный в руководящие органы либо назначенный начальником, он немедленно и безвозвратно теряет чувство юмора.

Следует иметь в виду, что юмористов есть, собственно говоря, два вида: юморист веселый и юморист мрачный. Первый вдохновляется главным образом женским вопросом, второй — имеющимися отдельными недостатками. Различить юмористов можно не только по тематике и внешнему виду, но и опытным путем: надо показать юмористу палец, и если засмеется — то веселый, а если откусит — то мрачный. Даже заканчивают свою карьеру разные виды юмориста по-разному: веселый — в качестве буйно, а мрачный — тихо помешанного. С веселым юмористом в газете — никаких проблем, мрачный же тяготеет к сатире и требует присмотра. Чтобы его выпады не могли нанести ущерб окружающим нас авторитетам, следует заблаговременно позаботиться о какой-нибудь реальной или вымышленной мишени. Если мишень существует реально, то желательно, чтобы это был мелкий начальник (по нормам, принятым в производстве кинокомедий — не выше начальника горкомхоза). Мишень вымышленная может быть и крупнее, но тут возможны случайные попадания в лица, которых автор не имел в виду и даже не знал о них ничего такого. От таких случайных попаданий у газеты бывают неприятности.

Итак, лучшая в мире стенгазета должна иметь тщательно выбранный и согласованный объект юмора.

4. Машинистка

Редакционная машинистка — существо нежное, дефицитное и капризное. Если редакторы и юмористы подвержены внезапным отъездам в командировки, а художников рвут на части, чтобы те заодно писали лозунги, молнии и приветствия, то редакционные машинистки, наоборот, любят уходить в декрет либо в секретари к директорам и прочему руководству. При этом как в декрет, так и в секретари уходят самые безотказные. Поиски редакционной машинистки, ввиду безвыходности положения, ведутся широким фронтом среди всего состава подразделения, которое условно может быть названо так: Дамы лаборатории. Кого-то, наконец, заставили через тов. Злобина и партбюро! Но не спешите радоваться: Дама лаборатории не прощает насилия, и вы ей за каждую строчку потом трижды в ножки поклонитесь. Машинистка — то самое звено, за которое придется хвататься, и не один раз, если вы собираетесь делать лучшую в мире стенгазету.

5. Фотограф

Принято считать, что стенгазете нужен фотограф. Однако, как показывает опыт, нужна на самом деле фотолаборатория, потому что нащелкать катушку-две снимков в субботник, где все, как один, с лопатами и в сапогах, для творческой личности проблемы нет — тем более что засчитывается это как участие в том же субботнике. Но потом со всем этим надо возиться: проявлять, печатать, мыть, сушить — и тут творческая личность скисает, тем более что есть объективная причина: нет фотолаборатории. Новому составу редколлегии, как и всем предыдущим составам, эта лаборатория будет обещана — такова традиция. Но если вы собираетесь выпускать лучшую в мире стенгазету, то вам надо будет скинуться на сувенир, найти профессионала — и тот все вам сделает.

6. Помещение

Если для выпуска лучшей в мире стенгазеты вам предложат просторную и удобную комнату, не соглашайтесь. Требуйте помещение похуже, чтоб в нем нельзя было посадить прикомандированных или устроить кабинет значительного лица.

7. Планирование

Планы всех номеров стенгазеты на год вперед нужны вышестоящим инстанциям, и их надо будет составить. Делается это просто.

1. Берется штатное расписание лаборатории. Так как число отделов примерно равно числу номеров, то в план очередного номера в качестве ответственного вписывается начальник очередного отдела. Начальник отдела может, конечно, перепоручить это дело кому-нибудь, кто посвободнее, так что не удивляйтесь, если в вашу лучшую в мире стенгазету принесут потом заметку, с которой вы не будете знать, что делать (сами ведь заказывали!). Но не огорчайтесь: в крайнем случае, попробуйте эту заметку потерять.

2. Берутся на учет все виды общественной деятельности (их примерно в два раза больше, чем число номеров), и их очередные представители вписываются по два в план очередного номера. Если деятельность особенно активная (например, горные лыжи), то ответственного за нее можно вписать в каждый номер.

3. Составляется список всех фактически отмечаемых праздников и делается аналогичная разрядка.

В принципе по этим планам можно было бы выпустить и все номера сразу на год вперед, но технические трудности, связанные с перегрузкой машинисток и художников, не позволяют реализовать этот почин.

История одной задачи

В понедельник меня пригласил к себе начальник. Он был необыкновенно приветлив, просто счастлив меня видеть:

— Есть для тебя небольшое задание, — обрадовал он меня. — Это даже не задание, а так, пустяк, пара незначительных формул.

И, ласково улыбаясь, он протянул мне лист, мелко исписанный с обеих сторон. Внизу осталось немного свободного места, и оно было использовано под автографы.

1. «Посчитать срочно!» — красными чернилами, горизонтально.
2. «Сделать быстро!» — зелеными чернилами, под углом 30 градусов.
3. «Выдать результаты тотчас же!» — синими чернилами, под углом 60 градусов.

Была еще подпись под углом 90 градусов, но чернилами ультрафиолетового цвета, невидимыми невооруженным глазом. Подписи были неразборчивы.

— Я напишу здесь срок две недели, — говорил начальник, потирая руки, — но уверен, что за два-три дня ты все сделаешь.

Когда я уносил лист с автографами, дверь за мной закрылась с поцелуйным звуком.

У моего нового задания были отдельные недостатки. Некоторые из формул заканчивались знаком равенства — заказчик затруднялся указать, как вычислять некоторые величины. Не хватало нескольких констант, которые я для простоты положил равными единице. И кое-где были опущены индексы.

К концу недели я стал обладателем недостающих формул. Оказалось, что я правильно поступил, положив неизвестные константы единицами: в вычислениях они не участвовали, на результат не влияли и были выписаны по ошибке. Мое задание теперь свободно умещалось на одиннадцати листах.

К началу второй недели мы с заказчиком легко договорились об индексах, и я стал писать программу. Я очень торопился, Чтобы не отвлекаться, я решил не бриться и не здороваться по утрам со знакомыми. Я перестал ходить на собрания и семинары, за что был избран делегатом на городскую конференцию Красного Креста и докладчиком по теме «Загнивание капитализма».

И вот моя программа готова. Вид у нее был плачевный. То и дело на месте адресов мелькали еще буквы, кавычки, хвостики. Я наскоро заменял эти, с позволения сказать, условные адреса на истинные и носил в перфораторную готовые листы, а там мне тотчас же пробивали карты. Некоторые цифры были неразборчивы: какую пробивать — решалось открытым голосованием.

Все началось с останова, всем известного: в третьей ячейке по семидесятой команде. Сдерживая благородное негодование, я попросил проверить машину. Но ошибка была хитрая и не улавливалась тестами. Я рассеянно перебирал листы своей программы, все еще негодуя... и вдруг весь похолодел. Я прочел:

0107 016 КАППА 0110 2001 2077

Так и написано, коротко и ясно: КАППА. Так в точности и пробито!*

Это было только началом моих неудач. После полудня разнеслась скорбная весть — остановилась машина. Инженеры собрались у пульта на летучий траурный митинг. Они были потрясены, никто не произносил ни слова, точно не веря случившемуся. То один, то другой нажимали на «Пуск», а машина все равно останавливалась и останавливалась на 35-й команде. Поодаль, уступив пульт родным и близким, тихо шептались математики, а в коридоре причитали и убивались те, чье гибло время; время

* Шутка. Пробить можно было только цифры.

проходило, и их сменяли другие. Вопли сменялись стоном, но не было в них еще отчаяния, была лишь тихая покорность судьбе.

На другой день у машины отнялись барабаны. Безжизненно зияла разинутая пасть ЧУ (читающего устройства), не тараторила печать и не пробивали неверных контрольных сумм выходные перфораторы. Там и сям торчали молчаливые математики, грозно ощетинившись перфокартами срочных задач. И когда их терпение было на исходе, эта самая машина вздохнула, открыла глаза и с видимым безразличием стала считать тесты — все, какие ей только ни предлагали! Заработала...

И даже теперь мне не везло. Едва я поставил свои карты и нажал кнопку, как ЧУ затывало на меня. На голос сбежались инженеры, кто-то щелкнул черным тумблером. Я уходил, бережно унося обрывки того, что было моей программой.

И вот наступил день, когда машина по моей программе отпечатала первые нули. К тому времени я перестал обедать. Было уже найдено одиннадцать ошибок в программе: четыре во сне и семь наяву. От частых исправлений на бланках, сделанных из добротной туалетной бумаги, появились дырки. Каждая такая дырка была аккуратно пронумерована, а ее содержимое отмечено в специальном списке. Я научился клянчить минутку, и многие меня понимали уже без слов, по одному только кислому выражению лица.

Первые результаты несколько отличались от ожидаемых, что мой заказчик объяснил влиянием мало изученной области высоких энергий. После того как я вынул из программы случайно попавшую туда раскрашенную трафаретку и пересчитал все заново, заказчик заявил, что результаты ему нравятся. К тому времени в машине нашли и устранили устойчивую ошибку, и мои результаты стали еще ближе к ожидаемым. Я побрился и стал опять здороваться со знакомыми. А еще через день меня вызвал начальник и, ласково улыбаясь, объявил:

— Есть для тебя небольшое задание. Даже не задание, а так, пустяк, пара незначительных формул.

Послесловие 2000-х

Дело было в начале 1960-х. Машина — М-20, ламповая: то, что сейчас — на уголке стола, тогда занимало просторный машинный зал, а что сейчас — с ладонь, тогда — стойка в человеческий рост. Экрана, мыши, дискет, винчестеров, клавиатуры не было, буквы машина вообще не понимала, только цифирь, при поиске ошибок — двоичную, то есть либо 0, либо 1. Память — «куб», 24 килобайта (позже — 48), на миллиметровых ферритовых колечках (одно колечко — один бит). Юра Тутышкин и Борис Федосов сами, не на заводе, а с топором и долотом сделали этот самый второй «куб».

Программы писали на машинном языке. Например, 001 0100 0200 0300 означало: число из ячейки номер 0100 сложить с числом из ячейки 0200, а результат положить в ячейку 0300.

Это потом у полупроводниковой БЭСМ-4, преемницы старушки М-20, появились буквы, Игорь Силин изобрел автокод, и стали писать 001 А В С.

Каждая такая команда кодировалась (пробивалась) на перфокарте — листке тонкого картона 82 на 187 миллиметров. Программа — стопка таких перфокарт. Была такая профессия — перфораторщица, была их группа, была их начальница Елена Алексеевна Логинова, которая хорошо пела и враждовала с Силиным за то, что тому посреди ночи приходилось взламывать дверь запертой перфораторной комнаты.

Для М-20 мы с Сашей Марковым и Неллей Шириковой усовершенствовали миниатюрные, в полтора десятка команд, подпрограммы вычисления экспоненты, логарифма и тригонометрических функций: где-то функции стали считаться точнее, где-то — быстрее.

12 июля 2006 года

Кто сказал «мяу»?

Жил-был на свете Котенок. В начале года он был маленький, и когда составлялись Поголовные Обещания, Кошка-Мама долго думала, а потом решила:

— Запишите так: до 31 декабря Котенок должен сказать «мяу».

Когда на Собрании Двора утверждали Поголовные Обещания и объявили, что Маленький Котенок до 31 декабря должен сказать «мяу», выступили двое. Первым вскочил на плетень Петух, похлопал крыльями, но кукарекать не стал, а пробормотал:

— Форма отчетности — доклад на семинаре, — и поторопился на свою жердочку, потому что вечерело, а петухи плохо видят в сумерках.

Вторым оратором был Попугай, талантливый малый, но забияка и сквернослов, за что его перевели в курятник; он был не в духе и каждому говорил одно и то же:

— Сокр-ратить ср-рок до 31 ноябр-ря! Попка дур-рак!

В конце Собрания Поголовные Обещания положили посреди двора, и каждый, кто был согласен, — а согласны всегда были все, — приложил свою лапу.

31 ноября Маленький Котенок, ставший Молодым Котом, делал доклад на тему «Ловля мышей как перманентный процесс». После доклада попросил слово Петух. Он вскочил на плетень, похлопал крыльями, прокукарекал, потом ошалело оглядел двор, удивился, почему такая большая публика, но всё-таки нашелся и спросил:

— А что записано в Поголовных Обещаниях? Зачитали. Публика зашумела.

— Не выполнил, не выполнил! — закричала Черная Курица, которая не несла яиц, а вела Другую Работу. Она никак не могла успокоиться, разбежалась, взлетела на курятник и крикнула оттуда всем:

— Не выполнил, не выполнил!!!

— Кря, — вздохнула Старая Утка.

Общее мнение, и с ним, как всегда, согласились все, выразил Попугай:

— Пер-ревоспитать! Попка дур-рак!

Услышав такое, Молодой Кот растерялся; ему вдруг захотелось сделать лужу, потом — к маме, а кончилось всё тем, что в полном расстройстве чувств он заорал на весь двор:

— Мя-я-у! — и бросился наутек.

Поголовье еще немного погалдело, успокоилось и разбрелось в поисках съестного.

Мандарины — достойным

Я, товарищи, недавно одну глупость сделал. Было профсоюзное собрание, так я на него не пошел, а просидел это время за терминалом. Потом, недели через три, вот во что это вылилось.

Идем, значит, мы с женой мимо Дома культуры, зачем — не помню, должно быть, в «Дубну» (я имею в виду магазин) за капустой. Идем, разговариваем. И вдруг... Жена моя как-то вся переменялась, а навстречу ей идет другая женщина и несет большой прозрачный пакет, а в нем что-то желтовато такое зеленое.

— Мандарины, — выдохнула моя спутница.

— Откуда?

— Из Дома культуры, — ответила та, чужая женщина и пошла себе дальше.

До Дома культуры мы бегом добежали, и даже дверь была не заперта, но едва мы ее открыли, как навстречу вышла еще одна женщина и строго спросила:

— Ваши мандаты? Здесь профсоюзная конференция.

И тут-то дошло до меня, какую я тогда сделал глупость. Если бы я пошел на собрание, а не просидел за терминалом, меня могли бы, с какой-то вероятностью, выбрать на эту конференцию, и мои дети с этой вероятностью кушали бы мандарины.

Это, конечно, верно, что мы любим детей, а дети любят мандарины, но в то же время я понимаю, что мандарины должны кушать самые достойные из нас. Только у меня — небольшое деловое предложение. Как еще более усовершенствовать эту имеющуюся традицию. Пусть наша печать, наша городская газета, когда пишет о конференциях, симпозиумах и собраниях, внизу, в двух-трех строках, сообщает читателям, что там давали. Чтоб, как говорил поэт, наряду с чугуном и выплавкой стали сообщалось о поощрениях.

Это для чего? Чтобы я знал и стремился быть достойным. А о событиях местного значения пусть пишет наш родной «Импульс». Например: «Состоялся объединенный семинар математических отделов ЛВТА, посвященный проблемам фильтрации информации с ненадежно работающих установок. Докладчикам выдано по десять крышек для домашнего консервирования, каждому слушателю — крышка».

Эхо премьеры

28 декабря, в канун года 1982-го (исполнения желаний, а также собаки) в кафе-ресторане «Гриль» была дана премьера. Трудно дать однозначное название тому, что увидели зрители. «Вокруг смеха» — пожалуй, но этим сказано далеко не все. С виду это обыкновенный банкет обыкновенного коллектива, по обыкновению, выполнившего свои обыкновенные планы и обязательства: накрыты столы, живительная влага, яма для плясок

готова и чернеет таинственной глубиной, оркестр настроил усилители и ждет, чтобы грянуть, но...

К половине после назначенных 19.00 коллектив начинает стекаться. Рассаживается. Пробует влагу на свет. Интересуются, почему на одном из столов — бумаги и слайды. Пытается убрать трибуну и оверхед, чтобы не мешали. Словом, чувствует себя как дома.

А тем временем артисты пребывают в творческом поиске. Во что вернуть сувениры, для аукциона? Где тот крючок, куда вешается экран? Когда вернется Славик, посланный за еще одними пятью метрами шнура?

К 19.50 муки артистов и жажда коллектива достигают апогея. Начальник отдела НИОМУРА находит верное решение: паковать сувениры в магазинные коробки из-под обуви. Крючок для экрана находится: высоко и не там, но — надежный. Славик с пятью метрами возвращается. За столами вовсю уже пробуют влагу на вкус.

19.52.30. На Женисе нет лица: розетки не втыкаются, оверхед не зажигается, микрофоны не работают. Начали...

Появляется Дед Мороз. Но на самом деле это не Дед Мороз, а переодетый Председатель ученого совета. Появляется Оленька — но это не Оленька, а Секретарь ученого совета. Появляются и Члены. Заседание продолжается.

Первым слушается дело начальника НИОМУРА Сидисидзе. С большим подъемом говорит он о проделанной работе. Исключение выполняемых операторов из программ, разработанных в отделе, дало такую экономию машинного времени, места на диске и в штатном расписании, что присутствовавший на банкете Ученый секретарь ЛВТА А. Б. Швачка отставил недопитый бокал и тут же пошел звонить в центральную дирекцию и редакцию местной газеты.

Одобрив доклад Сидисидзе и премировав последнего двухмесячным окладом, Ученый совет приступил к разбору тяжбы между кандидатом математических наук С. С. Гастритом (его тонко сыграл заслуженный артист ЛВТА Михаил Попов) и доктором физических наук И. И. Мясоедовым (Женис Мусульманбеков). Победил сильнейший.

...Казалось бы, добро победило зло и — финита ля комедия. Но тут на трибуне появляется Соискатель. Зритель, знакомый с исполнительской палитрой быв. артиста МХАТа Евгения Мазепы, найдет в образе Соискателя неожиданные краски. Зачем, казалось бы, Е. Мазепе эти накладные усы, когда есть свои — эти бутафорские очки, наконец, это извиняющее просительное «Волнуюсь, понимаэш ли...»? Зачем все это? Зрителю и так хорошо! И тут в его привычный, почти заколдованный круг (сказали, что надо принимать — принял, проголосовал на собрании, подписал у начальника что принял, подписал у начальника что выполнил, сказали, что...) — в этот его привычный круг вдруг вламывается со всей своей незащищенностью Мазепа-Соискатель, живой человек, что-то, однако, ищущий... Чтобы вы-

глядеть ученым, он нацепил на себя эти дурацкие очки, но, волнуясь, забывает об этом и протирает вдруг повлажневшие глаза сквозь несуществующие стекла. Он несет такую чушь насчет электронных штанов и признается в любви замужней табельщице Зине. И мы видим, как зритель поворачивается к нему лицом и поднимает свои бокалы за научно-технический прогресс.

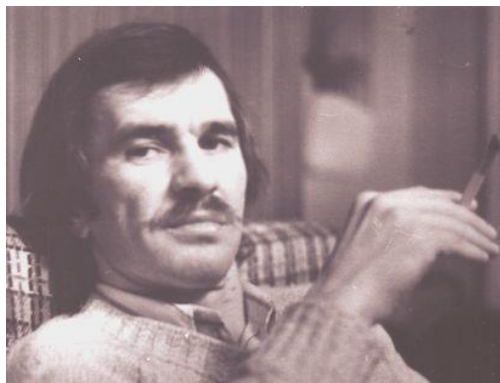
Но — таковы требования ВАК — Соискателя сменяет Оппонент Черная (заслуженный артист ЛВТА Ольга Ломидзе), и зритель в ужасе убеждается, что белое — это черное. Штаны давно известны в науке и технике. Обаятельно зловещая фигура Оппонента мечет черные шаровые молнии. Зритель цепенеет, не успев закусить: ведь если Соискатель провалится, то банкет будет за свой счет.

Обстановка накалена до предела. Ласковая и уютная, как русская печь, буфетчица вытирает слезы кружевным платочком, хрупкая официантка Тамара замерла с подносом в руках, в дальнем углу слышны сдавленные рыдания выдавших виды оркестрантов. О, волшебная сила искусства!..

Председателю ученого совета (засл. арт. ЛВТА В. Хольшев) не остается ничего другого, как брать быка за рога. Посоветовавшись с Секретарем (Оля Иванова), он, в соответствии с требованиями ВАК, сразу переходит к благодарностям. И мы видим, как преобразуется Соискатель: перестают дрожать коленки, просительное «понимаэш ли?» сменяются повелительным «эй, кацо, благодарности давай!» Появляется Родственник (Э. Айрян) с сувенирами для Членов ученого совета. Самый дорогой подарок — сберкнижку — своему научному руководителю Сидисидзе (В. Акопян) Соискатель вручает лично. К нему возвращаются симпатии Членов. И два черных шара — один из них, несомненно, по рассеянности опустил Владилен Германович, убедительно сыгранный В. Ужинским — уже не могут повлиять на общий положительный итог поединка: степень присуждена, и Соискатель оплачивает банкет.

Новогодний вечер отдыха сотрудников ЛВТА в кафе-ресторане «Гриль» прошел в дружественной, сердечной обстановке.

Александр Кавченко

Я возвращаюсь из Москвы,
Сажусь за чистые листы.
А за окном сквозь быстрый снег
Такси несет зеленый свет.

Рука твоя. Рука моя.
Мороз и утро декабря.
«Я напишу». «Я позвоню».
«Пока». «Пока». И я стою.

Потом иду. А хриплый наст
Бормочет ерунду о нас.
Ступеньки вниз — и поворот.
Уходит день. Уходит год...

В молодости Александр Кавченко писал стихи, но не бегал с рукописями по московским редакциям, как это делали другие, да и армейская среда, в которую он попал, к этому не располагала. Он мечтал стать летчиком и даже поступил в летное училище, но после одного из учебных полетов о небе пришлось забыть. И Кавченко опустился с небес на землю, поступил в МИФИ; к тому времени, когда он пришел «на диплом» в Лабораторию вычислительной техники и автоматизации, его поэтическая душа заметно огрубела, и его потянуло на ироническую прозу. Тут-то его и заметили вербовщики из редколлегии стенгазеты «Импульс».

Иван Жуков

Иван Жуков, двадцатидвухлетний студент МИФИ, присланный три месяца тому назад на практику и отданный в ученье отделу математического обеспечения, в ночь на великий пост не ложился спать. Дождавшись, когда шеф и сотрудники, напившись кофею, пошли на компьютер, он достал из шкапа шариковую ручку, чистый бланк какого-то отчета, довольно сносный окурок — закурил и стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на вырезку из иностранного журнала и прерывисто вздохнул.

«Здравствуйте, Константин Макарыч! — начал он. — И пишу Вам письмо. Сообщаю, что доехал благополучно, попал в отдел математического обеспечения. Никому до меня дела нет, только Вы еще можете меня выслушать».

Иван снова вздохнул, щелкнул кнопкой ручки и продолжал писать: «А вчера мне была выволочка. Шеф выволок из чулана старый стол и велел мне за ним заниматься, а куда ставить — не сказал. Не знаю, что теперь и делать: места нету, они тут сами чуть не один на одном сидят. А еще на неделе операторы куда-то засунули мои перфокарты, я искал-искал, всё у них перерыл и перепутал, а одна, симпатичная такая, откуда-то их притащила и начала этими картами мне в харю тыкать. Младшие научные сотрудники надо мной насмеваются, велят спирт у шефа красть, а шеф лют и, если попадусь, он меня в ОРС пошлет картошку перебирать. А еды почти никакой не вижу. Утром пью чай, что иной раз вылить забывают, в обед котлету (они ее тут пищей богов называют), а чтобы колбаски какой — так только когда у кого-нибудь день рожденья или под праздник. А спать мне велят прямо на работе, общежитие не пробьют никак, а когда у них идеи, я и вовсе не сплю, перфокарты пробиваю. Милый Константин Макарыч, сделай-

те божескую милость, пришлите план практики, а то непонятно никому, что мне от них нужно, а сам я объяснить не умею.

А Дубна город маленький, дома самые разные и велосипедов много, а овец и баранов нету, и собаки не злые. А в мясных лавках нет ни тетеревов, ни рябцов, ни зайцев, а куда это всё подевалось, про то продавцы не рассказывают».

Иван судорожно вздохнул и опять уставился в окно.

«Пришлите, дорогой Константин Макарыч, Христом-богом Вас молю, а то все на меня нападают, а скука такая, что и сказать нельзя. Намедни шеф послал меня шкафы таскать, так я упал со слабости и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже всякого первокурсника. А стипендию мою на руки никому не давайте, иначе пропьют. Остаюсь Ваш студент Иван Жуков».

Иван свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в большой конверт с грифом Института, чтобы вышло бесплатно. Подумал немного и дописал: «Константину Макарычу, декану факультета кибернетики и автоматики». Потом почесался и прибавил: «Доктору физико-математических наук».

Убаюканный надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снился деканат: на столе сидит декан, свесив босые ноги, и читает письмо преподавателям... Около декана ходит шеф и крутит головой.

А. Чох

Азу по-татарски

Прошли у нас, значит, выпускные экзамены, и вечер выпускной тоже прошел. Стали мы разъезжаться кто куда. Ну, мне директор и говорит: «Езжай-ка ты Вася, в Дубну. Ничего, что там физики. Люди, Вася, везде могут прожить. Так что не смущайся». И руку мне пожал.

Приехал я в Дубну. Нашел ихний админи... (не сразу и выговоришь!) ...стративный корпус, захожу в отдел кадров. «Вот, — говорю, — прислали к вам на работу». А меня спрашивают: «А вы что кончили?» А я говорю: «Кулинарный техникум». А женщина на меня — зырк... «А-а, — говорит, — шутник! Значит, вам в ЛВТА. Там основные шутники сидят».

Пошел я в ЛВТА. Иду и удивляюсь, хотя меня предупреждали, что это город науки. Захожу в приемную. Никого нет. Жду. Приходит девушка, симпатичная такая. «Вам, — спрашивает, — чего, товарищ?» Я ей объясняю, что меня к ним на работу направили. Она говорит: «К кому?» А я не знаю. Стали мы думать. Она меня спрашивает: «А что это у вас в руках?» — «Халат, — говорю, — и тапочки». — «А, — говорит, — тогда всё ясно. К Емелину». И объяснила, куда идти нужно. Иду. Нашел дверь, захожу. Горелым пахнет, но не как на кухне, а похуже. И люди в халатах туда-сюда снуют. Спрашиваю: «Кто Емелин?» Ну, мне показали. Он меня спрашивает: «А ты что можешь?» — «Азу, — говорю, — могу. По-татарски». Тут он в лице изменился: «Только ОЗУ по-татарски мне сейчас не хватает! Сотр-р-руднички!! Барабаны уже сами халатами протирать научились. Канай отсюда, а то я из тебя котлету по-дубненски изготовлю!»

Вижу, что-то не то. Человек не в себе. Так и до греха недалеко. Вернулся в дирекцию. «Ошибочка, — говорю, _ вышла. Не туда мне нужно». А девушка говорит: «Ну, ладно. Я слышала, что Шкунденкову люди нужны. Сходите-ка туда».

Пошел к Шкунденкову. Вижу — сидит мужчина. Здоровенный такой. Я ему говорю: «Меня к вам...» А он: «Что кончили?» — «Кулинарный техникум». Он так и подскочил: «Опять программиста прислали!!! Когда это кончится!!..»

«Ну, — думаю, — опять не по адресу...» И — боком, боком. Снова я в приемной. Уже народ какой-то появился. Эта девушка меня увидела, подходит к одному: «Николай Николаич, вот, к нам направили. А к кому — не-

понятно». И на меня показывает. А этот Николай Николаич занят по горло. К нему то один, то другой. Он меня в промежутке спрашивает: «Вы на чем специализировались?» Я отвечаю: «На холодных закусках». Он остолбенел и на меня смотрит. А к нему подходит такой, с папироской, и шепчет: «Посылай его в АСУ. У них там вечно винегрет какой-то с петрушкой». — «Нет, — говорит Николай Николаевич, — зачем же его так? Раз у него такая странная специальность, пошлем-ка его к Ширикову. У них там коллектив хороший. Какую бы этот спец кашу ни заварил, всё равно расхлебают. Оформляйте приказ». — «Ну, — думаю, — по кашам у меня четыре было, как-нибудь выкручусь».

И пошел к Ширикову. Нашел дверь. А Ширикова нет. Наизусть все записки выучил, что на двери висели. Два дня на диване провел — нету! Теперь и не знаю, что делать. Дорогу в приемную, где девушка сидела, забыл. За забор выходить страшно: а вдруг назад не пустят? Спасибо Маше Соболевой: зарплату мне приносит и вместе со мной по этажам бегает, Ширикова ищет. А я вот что думаю: может, еще кто-нибудь меня возьмет? Если кто надумает — скажите девочкам, они знают, где меня можно найти. Особенно хотелось бы к Нефедьевой. Они там всё время пьют чай с какой-нибудь кулинарией. Там бы я себя показал.

Вася

Фантастический рассказ

Под мирное гудение кондишена начальник сектора 0508 взлетел на скоростном лифте на 35-й этаж нового корпуса ВЦ. По вымершему коридору тоскливо гулял Сквозняк (одичавший до безобразия общественный кот). Отощалые лапы Сквозняка безнадежно пытались затормозить неуклонное приближение к автоматическому мусоропроводу под влиянием мощных струй ионизированного воздуха. Начальник сектора машинально

добавил мощность вентиляторам и скрылся у себя в кабинете. Специально сконструированные и пошитые за границей шторы не пропускали ни одного лишнего лучика света. Начальник сектора наощупь нажал знакомую кнопку. Громадный экран, занимавший потолок, пол, стены и часть стула, осветился спокойным мертвенно-голубым светом. Начальник сектора сел на стул и безнадежно вздохнул. Вместо добрых акселератов, которые числились по штатному расписанию, сидело несколько неопределенных личностей, вяло прихлебывающих даровой витаминный напиток.

Начальник скрипнул зубами: «Ну кого? Кого мне послать?» Он зло передернул красным тумблером. Потолок замигал приятным черно-красным светом и явил пустующее кресло Президента ВЦ. Пришлось обратиться к голубой рукоятке. Между ножками стула появилось улыбающееся лицо секретарши. «Где Сам?» — вкрадчивым баритоном осведомился начальник. «Он на пересадке», — очаровательно пролепетало изображение и пошло грязными поперчено-продольными полосами. Начальник сектора неожиданно легко вспомнил древнее ругательство, которое он хотел сказать два дня назад нахалу в очереди за мочалками. «Кого еще тут пересаживать, когда тут еще ямы под мост через Волгу не копаны, фундамент жижеотстойника дал крен в 0,005 ангстрема, молодые специалисты не могут отличить стельную корову от яловой, а руководители групп путают зябь с паром. Уволюсь к черту!» Он решительно встал и провалился вниз, в соседний сектор. «Схвачу первого попавшегося, а там пускай разбираются», — подумал он. Однако его появление не прошло незамеченным. Система оповещения коряво прокаркала его имя и зашлась долгим погребальным кашлем. Под этот кашель редкие мужские единицы превратились в эфемерные сигаретные дымки. «Мексиканца бы сюда! С лассой. А так...» И начальник провалился в самую преисподнюю, где остатки умельцев в чаду паяльников и грохоте молотов клепали первую партию робов. Это были сверхнадежные, сверхкоординированные, сверхуниверсальные единицы,

каждая из которых имела цену в 15 человеко-месяцев в год. Они умели всё: отсасывать лишнюю воду, доливать недостающую жидкость, разрушать ненужные стенки и копать нужные ямы; они не мерзли на 30-градусном морозе и не скучали под нудным осенним дождем. Они не бегали от начальников и радостным воем сирен встречали очередные заботы ВЦ. Одного они только не умели: думать. Но это было неактуально.

Начальник сектора погладил шершавый шар головы робы образца 78 и вздрогнул: под безликой искусственной рабочей кепкой строительной машины ощущалось человеческое тепло.

*Г. де Билл,
«Импульс». 1979. № 1*

Святая простота

Женис Мусульманбеков, редактор стенной газеты «Импульс», утомленный и измученный, пришел домой и повалился на диван.

— Дома! Отдохну душой у домашнего очага, около жены... Моя Лена — единственный человек, который может понять меня, посочувствовать...

— Что ты сегодня такой взъерошенный? — спросила его жена.

— Да так, на душе скверно... Пришел вот к тебе: душой отдохнуть.

— Да что случилось?

— Вообще тяжело, а сегодня в особенности. Художники опять запили, краски кончились, машинистки бастуют... Но это пустяки, всегда так. А вот что плохо, Леночка. Сижу я сегодня у себя на рабочем месте и думаю, что бы в очередной номер хорошенького дать. Вдруг, знаешь, распахивается дверь, и входит Мазепа, давнишний мой друг и приятель. Тот самый, что в самодеятельности любит участвовать и на роль первых любовников всегда претендует. Ну, он еще одной нашей сотруднице за поцелуй

пять баллов поставил на экзамене. Зачем, думаю, черти принесли? Это неспроста... Небось рассказ принес, или, упаси Бог, стихи. Разговорились. То да се, пятое-десятое... Оказывается, действительно — рассказ принес. «Хочу, — говорит, — вкусить сладость авторства». И вынимает из папки листки. «Вот, — говорит, — «Курочка Ряба» называется. Я там несколько того... Но ведь и Зощенко иногда того...» Читаю. Ахинея невозможная! Чувствую, руки чешутся, так бы и... Но — нельзя!

— Нет, — говорю, — ты мне друг и приятель, но не пойдет. Газета дороже!

— Это почему же?

— А потому. Тема для этого номера неподходящая. Вот, может быть, на Новый год...

Покраснел я весь, затылок начал чесать, соврал даже, что заболел. Да с таких рассказов и на самом деле заболеешь. Он заметил мое смущение и надулся как индюк. «Ты, — говорит, — просто не хочешь мой рассказ печатать. Боишься, что по шапке дадут. Я понимаю... Па-анимаю, Женис!» В общем, понес. Упрекнул меня в лицепряттии, назвал филистером, клерикалом и кем-то еще. Битых два часа сидел, бубнил. В конце концов пообещал больше никаких материалов не давать и всех литсотрудников на меня натравить. Во дела! А напечатать невозможно: газету осрамишь на весь Институт. Не напечатать тоже нельзя — литсотрудники народ капризный. А что, если и в самом деле перестанут писать? Как вот теперь выпутаться — ума не приложу!

— А о чем хоть рассказ?

— А ни о чем. Ахинея. Хочешь, сама почитай. Вот...

Лена взяла листки и уже с первых строк не смогла сдержать улыбки.

— И что же? Очень милый рассказ! — воскликнула она, закончив чтение. — По-моему, ты просто придираешься, Женис. Или ничего не понимаешь в искусстве.

— Я ничего не понимаю в искусстве? — вскипел Женис.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве!

— Это ты ничего не понимаешь в искусстве!

— Не-эт, извини! В твоих протонах и перфокартах я, может быть, действительно не разбираюсь, а уж в искусстве я понимаю получше тебя! Мазепа написал отличный рассказ! Ты просто ему завидуешь... и ненавидишь за его талант!

Женис внезапно успокоился, мудро улыбнулся и постучал согнутым указательным пальцем по лбу. Затем вздохнул, взял со стола свою папку с надписью «Импульс» и спустился в подвал. В подвале дуло, капало, пахло одичалыми котами. Повинуясь неясному еще какому-то чувству, Женис зажег свечу, сел на бочку из-под капусты и начал писать. Писал он долго, но, как ему показалось, на одном дыхании. Не перечитывая, сунул написанное в конверт, заклеил его — и на какое-то время задумался. Потом решительно потрянул волосами и надписал конверт: «Город Алма-Ата, Олжасу Сулейменову». Подумал еще и прибавил: «Великому казахскому поэту». Выбравшись из подвала, Женис опустил конверт в ближайший почтовый ящик и с чувством облегчения зашагал на заседание редколлегии.

Евгений Мазепа

Склонность к изящной словесности Евгений Мазепа проявил еще в школе, но в Литературный институт имени Максима Горького подавать документы не стал, решив что всё равно не примут из-за фамилии. Он благополучно окончил ВМК МГУ, распределился в Дубну и два года работал как системный программист. Ему нравилась его профессия, но желание писать не только в машинных кодах и не только на языках программирования и не только печатными буквами давало о себе знать. В то время (1978 год) новый редактор «Импульса» Женис Мусульманбеков набирал команду литсотрудников. Так Евгений попал в «Импульс» — и сразу громко заявил о себе. Даже Женис, смотревший на Мазепу как на литературного хулигана, не мог отрицать его неистощимой, я бы даже сказал, изоощренной фантазии; чего стоит одна только его «Змея, играющая не фортепяно».

Сказка про репку

Посадил как-то на опытной делянке председатель колхоза товарищ Дедка репку. И так уж случилось, что выросла репка большая-пребольшая.

Обрадовался Дедка и, прежде чем дергать репку, сообщил о своем результате в Академию имени Тимирязева ученому секретарю товарищу Бабке. Бабка переслал это письмо аспирантам Внучке, Жучке и Мурке, а те, прочитав его, доложили своему научному руководителю доценту Мышке. Доцент Мышка написал несколько статей в журналы «РЕПКА SCIENCE» и «РЕПКА REVIEW» и в скором времени стал профессором. Аспиранты Внучка, Жучка и Мурка защитили кандидатские диссертации. Ученый сек-

ретарь товарищ Бабка поехал на научный симпозиум на Канарские острова докладывать о возможности выращивать крупную репку в тропических районах...

На очередном областном совещании председателей колхозов председателя Дедку сильно критиковали за то, что он не следит за агрономической наукой, не пользуется, например, методом профессора Мышки, а выращивает репку, с позволения сказать, дедовским способом.

Егор

Егор бежал резво. Дыхание его лишь слегка участилось. Он бежал, а в его большой породистой голове роились мысли. Он вспоминал родную Макаровку, тихие зори, свою неразделенную любовь, и слезы наворачивались ему на глаза, но нужно было бежать... Круг, еще круг... Только бы не упасть, подумал Егор...

— Последний раз, ядрена в корень, приезжаю на эти новогодние праздники, — дыша «Кавказом», сказал дядя Вася, слез с облучка и похлопал по теплomu боку мерина Егора. — Катай тут всяких остолопов, а в Макаровке частушки поют.

Эд. Т. Опрото

Растительный гороскоп

Идя навстречу пожеланиям читателей, мы публикуем в этом номере малоизвестный древнеславянский гороскоп-тест, по которому вы сможете определить, под знаком какого растения вы родились и что вас ожидает в жизни. Для этого вам достаточно задумать любимое число от 1 до 10 и взглянуть в таблицу.

1. Вы родились под знаком розы, вы прекрасны, но у вас есть шипы.
2. Вы родились под знаком кипариса. У вас очень гордый и независимый характер.
3. Вы родились под знаком помидора. Ваш расцвет в зрелом возрасте.
4. Вы родились под знаком перца. Как у всякой пряности, у вас есть как положительные, так и отрицательные качества.
5. Вы родились под знаком ромашки. Бойтесь людей, гадающих о любви.
6. Вы родились под знаком незабудки. Мужчины этого знака любят украшать себя татуировкой «Не забуду мать родную», о них всегда помнит начальство. Женщины просто незабываемы.
7. Вы родились под знаком кормовой свеклы или кузика. Вами всю жизнь будут кормить свиней и прочую скотину.
8. Вы родились под знаком липы. С вас всю жизнь будут драть лыко и ваша зарплата будет липовой.
9. Вы родились под знаком клюквы. У вас ярко-красный нос и большая тяга к алкоголю и прочим нехорошим излишествам.
10. На вашу цифру растений нет. Вы животное.

Немного странный рассказ

Посвящается незабвенной К*

Апрель — это весна, по-настоящему, без дураков. Встаю рано, но не очень. Принимаю ванну с финским шампунем, на завтрак балык, икра, кофе. Натягиваю джинсы (между прочим, брал за 210), мокасины (75), замшевый пиджак (300), повязываю галстук (15), на плечи — плащ (150), в одну руку зонт (85), в другую — дипломат (60), на палец 4 карата, в зубы сигарету DUNHILL (4 за пачку), запираю свою кооперативную квартиру

(10000), спускаюсь к своей «Волге» (12000) и еду. Сначала на пристань. Катер (2500) никто не угнал, стоит, потому как на реке лед. Теперь за город. Дача (6100) — хоть сейчас отдыхай. Так и ездил бы, так и катался бы. Но пора, пора на работу (110), ждут меня люди — меня, работника прилавка, у которого вся спина белая.

Записки компьютера

МОЗУ просто разламывается, да и процессоры что-то пошаливают. Денек выдался, черт бы его побрал. Пакет за пакетом, прерывание за прерыванием, одно задание за другим, считаешь тут всякую белиберду, подумать спокойно не дают, только успевай время разделять. Вот так, квант за квантом, день и просчитался. А что подсовывают, считать тошно: один деятель на ноль делит, другой базирует неправильно, третий до того охамел — супервизор, понимаете ли, нулями расписать захотел! Я его запомнил, конечно; теперь, когда его шифр встречаю, сразу же начинаю мурыжить. На АЦПУ вместо девяток шестерки, вместо единиц тройки сыплю, пару сбойчиков на магнитную ленту, пару сбойчиков на диск — плачет, дурак, а потому как не хулигань. Сегодня, слава богу, воскресенье, вечер, юзера куда-то разбежались; не знаю, куда они там бегают, по мне бы хоть и совсем пропали, бог с ними. Пару свободных счетных каналов могу оставить для себя. Помыслию сейчас власть. Но что это? Куда пропадает питан...

*После рестарта системы
прочитал Эд. Т. Опрото*

Из жизни Феминова

Муж доктора наук профессора Мушиновой домохозяйин Феминов Николай Сергеевич насухо вытер последнюю вымытую им тарелку и присел на минутку отдохнуть от домашних хлопот. Все хозяйственные дела были

сделаны. Дочка Элла с яблоком отправлена в школу, сын Петя с решенной курсовой — в институт, близнята Саша и Маша с запасными колготками отведены в ясли. Постельное белье в прачечную сдано, выстиранные с вечера платья жены отглажены, обед приготовлен; в оставшееся время Николай Сергеевич успел еще пропылесосить ковры, заплатить за квартиру и немного повязал. Не привыкший сидеть без дела, Феминов механически снял с полки банку с гречневой крупой, высыпал гречу на стол и стал медленно перебирать.

Невеселые мысли посещали его. Вчера снова в их чистую, уютную квартиру ввалилась орда женщин — коллег жены по работе, и Николай Сергеевич как угорелый носился из кухни в гостиную и обратно, что-то готовил, мыл тарелки, опорожнял пепельницы и — улыбался. В гостиной было накурено, спорили об интегралах Лебега—Стилтьеса, искусственном интеллекте и прочей ерунде, а близнята не могли уснуть. «И потом жена даже не поцеловала меня, — с обидой подумал Феминов. — А ведь когда-то вместе учились в университете...» Николай Сергеевич всегда успевал лучше жены, но потом пошли дети, стирка, уборка, готовка — и работу пришлось оставить. А ведь Сашка Холостиков, который всегда у него списывал, уже кандидат.

Телефонный звонок вывел Николая Сергеевича из задумчивости. Звонили из школы — Элла опять набедокурила: стреляла в учителя физики из рогатки, когда тот рассказывал о законе Ома. Просили зайти в школу отца или мать. «Мать, — с иронией подумал Феминов. — Разве ей есть дело до детей, только работа, да преферанс до четырех утра...»

«Уеду к папе», — неожиданно решил он — и даже выпрямился, хотя в глубине души хорошо знал, что никуда он не уедет, потому что любит детей и хочет, чтобы у них было счастливое детство, чтобы они знали, что у них есть мать. И еще потому, что ему приятно поболтать в свободное время с приятелями, такими же домохозяинами, как и он сам, и как бы между прочим похвалиться новенькой бритвой, которую привезла ему жена из заграницы. «Всё-таки я люблю ее», — с внезапным приливом нежности подумал Николай Сергеевич, снял передник, отсчитал в кошельке мелочь и засуетился у вешалки. — Куплю к ужину коньяку, Верочке будет приятно».

Влюбленные в математику

Страсть к математике захватила Е. Жидкова, Г. Ососкова и А. Сапожникова еще в школе. Именно поэтому их в разные годы пригласили на работу в наш Институт. Им повезло вначале: Евгений Петрович стал начальником отдела, Геннадий Алексеевич — начальником сектора, а Александр Павлович стал работать на ЭВМ.

Увлеченность — их основная черта. Это относится не только к науке. Все трое отличаются здоровым азартом за теннисным, шахматным, карточным и обеденным столами. Кроме того, Евгений Петрович увлекается катерным спортом, Геннадий Алексеевич — автомобильным, а Александр Павлович — бегом.

Талант математиков, высокая требовательность к себе, честность, скромность, готовность прийти на помощь товарищу снискали ученым авторитет в родном коллективе. И неслучайно Ученый совет на протяжении ряда лет избирает Евгения Петровича начальником отдела, Геннадия Алексеевича — начальником сектора, а Александра Павловича — младшим научным сотрудником.

Проверенный делом

Внешне В. П. Шириков совсем не похож на перспективного начальника отдела международного института: полная рассеянность во взгляде, и брюшка нет, и даже не лысый. У него слегка лихой вид, и он более естественно смотрится в женском окружении, чем в окружении дирекции ЛВТА. Это сильно смущало, когда я знакомился с ним в МГУ, где он приглашал меня на работу в ЛВТА. Потом я оказался с ним в одном общем деле: нужно было взять одного фраера на гоп-стоп, и то, что этим фраером был начальник отдела вычислительных машин В. Е. Аниховский, казалось самым сомнительным: поймет ли? И вот, когда мы пробивали эту стену непонимания, а не пробив, просто взяли его на гоп-стоп и, конечно же, были счастливы, — вот тогда я и увидел у Ширикова всё то, что называется солидностью.

В нашей среде не принято говорить друг другу в подобном стиле, и, прочтя эту заметку, В. П. Шириков наверняка лишит меня квартальной премии и сошлет на стройку, потому что у него есть еще одно хорошее качество: чувство юмора и понимание, что работа есть работа. Кроме того, он прекрасно знает, что при любой моей попытке загордиться он стандартно ответит: «Чем тебя, Мазепа, дальше знаю, тем ты нахальнее».

Волшебник по призванию

Бывает, что призвание долго не находит человека. Этого не скажешь о нашем уважаемом профсоюзном деятеле Геннадии Леонидовиче Мазном. Кажется, Гена родился председателем производственно-массовой комиссии. Трудная и редкая эта деятельность покорила его еще в то время, когда он работал обыкновенным старшим математиком БЭСМ-6, а счастливая возможность ходить на заседания месткома ЛВТА принесла свои плоды в виде портрета Гены на Доске почета.

Конечно, для председателя комиссии главное даже не 50 рублей, полученные за Доску, а удивительное волшебство общения с другими членами месткома. И у Гены получается это волшебство. В кои-то веки рапорт о выполнении социалистического обязательства был лучшим подарком системному программисту? Геннадий же не скрывал своей радости!

Одно время казалось, что активное занятие своим здоровьем, в которое впал Геннадий, заслонит собой его любовь к профсоюзной работе, но опасения оказались напрасными. Невзирая на вызывающее появление Мазного на ученых советах в майке, профсоюзная организация Лаборатории практически единогласно избрала его в новый состав профкома.

Впрочем, не будем утомлять читателя умножением числа примеров профсоюзной деятельности Мазного: плоды его работы уже по достоинству оценили пользователи ОИЯИ и других организаций.

Есть Контакт!

«В воскресенье вечером, находясь в состоянии, достигнутом с помощью трех бутылок жидкости, известной в широких кругах общественности как «плодово-выгодное» (она же «бормотуха», «жужу», «шмурдяк», «цианистый калий», «Дата Туташкиа» и т. п.), я услышал позывные явно внеземной цивилизации. Внимательно приглядевшись, я увидел приземляющееся НЛО и выходящих из его зелененьких энлэошников. Сомнений быть не могло. Как гражданин и гуманоид, я не смог скрыть охватившей меня радости и с криком: «Есть контакт!» — бросился навстречу представителям иной цивилизации, но был неправильно понят и сдан в медицинский вытрезвитель, где нахожусь в данный момент, лишенный возобновления контакта с инопланетным разумом посредством вышеупомянутой жидкости...»

Из доклада командира поста № 41232/8121012 по наблюдению за малоразвитой планетой Земля:

«Вышеприведенный текст биотелепатогаммы — единственное, что нам удалось получить за время Контакта с землянином. Контакт был внезапно прерван из-за среды, в которую попал землянин (химическая формула — H_2O). Время нашей командировки истекло, мы должны вернуться, чтобы успеть отметить у табельщицы. Контакт придется отложить на несколько световых лет».

Эд. Т. Опрото

Я ухожу. Прощайте, други!
Хоть посинейте от натуги,
Я не вернусь к вам ни за что —
Прекрасен мир, как спортлото!

Но кто
Мне объяснит суть бытия?
Ведь бытия у каждого своя.

Эд.

Геннадий Мазный

Так и хочется сказать: этого человека представлять не надо, его знает весь город. К сожалению, приходится говорить в прошедшем времени... Можно по пальцам одной руки пересчитать всех, кто у нас в Дубне круглый год ходит без верхней одежды, а Геннадий Леонидович не то что верхнюю одежду, он и пиджак-то только на защиту диссертации надел! Открыл он свою морозоустойчивость совершенно случайно, в возрасте Данте, «земную жизнь пройдя до половины», и те, кто знал его раньше, до «великого перелома», с трудом узнавали в этом здоровяке того хлюпика, которым его помнили в прежние времена, когда он с завидной регулярностью валялся с простудой и гриппом каждую весну и осень. Но всесоюзную славу, а она у него была, Мазный приобрел не этим: он автор знаменитой монографии по программированию на БЭСМ-6, по которой учились все начинающие бэсмачи Советского Союза. А редколлегия «Имппульса» и дубненские девушки ценили его прежде всего как поэта. В ранних своих стихах он подражал Есенину, но чувства вкладывал свои, а позже снизошел и до частушек.

На БЭСМ-6 сегодня мрачная погода,
На БЭСМ-6 сегодня руг и грязь;
У БЭСМ-6 сегодня не проходит
Какая-то очередная связь.

И инженеры бедные психуют,
У операторов не слышен звонкий смех,
И БЭСМ-6 системщики ревнуют
К далеким кабелям из ЛНФ.

Но вот бежит счастливый Сидисидзе,
И волокет он лавровый венец,
Вопя, что Ольга Николаевна Ломидзе
С Заикиным связалась, наконец.

Заявление

Административному директору ОИЯИ
В. Л. Карповскому
от научного сотрудника Г. Л. Мазного

Заявление

Опа, опа,
Жареные раки!
Приходите в гости к нам,
Мы живем в бараке.

Частушка

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Марина Цветаева, «Дон Жуан»

Когда сдохну в общежитии,
Прославляя судьбу,
Вы меня схороните
В трехместном гробу.

На шикарном надгробье
Среди мраморных жил
В бронзе сделайте надпись:
«Похоронен как жил».

Долг

Колокольчики здесь, колокольчики там.

Я по жизни прошел, улыбаясь цветам.

Но однажды, когда день был слишком хорош,

Меня встретил прохожий. Спросил: «Узнаешь?»

Был он хром, был он крив и обрит как яйцо

И зачем-то всё прятал чужое лицо.

Он представился: «Долг». И вдруг хрипло запел.

Слушал я как в наркозе, шевельнуться не смел.

И меня он повел. У него во дворе

Я себя привязать дал к пустой конуре.

И с тех пор я как друг себя с Долгом веду.

Иногда мне приносят в кастрюльке еду.

А когда я невесел и скулю на весь дом,

В наказание меня награждают пинком.

Колокольчики здесь, колокольчики там...

Я по жизни прошел, улыбаясь цветам.

Автопародия

Ты ушла в сиреневую даль

В тусклом свете бежевого дня.

Розовая, нежная печаль

Скрыла блики серого огня.

Я остался в синем «ничего»
Наблюдать случайных звезд лазурь,
Но морковно-пегий небосвод
Был излишне золотист и хмур.

И возникла рыжая тоска
Как иссиня-розовый упырь...
Я уйду в сиреневую даль —
Дайте мне мой бежевый костыль.

Леопольд Крюков

Встречи с Хошенко

Впервые о Хошенко я услышал, кажется, от Гейзенберга в 1957 году. Дело было в Париже. Мы столкнулись с Вернером в Лувре. Я не знал, что он в Париже, и наша случайная встреча оказалась как нельзя кстати — было о чем поговорить. Вечером в Мулен

Руж Вернер неожиданно спросил:

— Как там дядюшка Хо?

Тогда я еще не знал, кто это, но на всякий случай сказал:

— О! Прекрасно.

Оказалось, что у них какие-то общие дела, что-то, помнится, связанное с правилом сумм. Гейзенберг рассказал, что к Александру в Кишинев поехал Бэкус с учениками. Я понял, что Гейзенберг беспокоится, не задержит ли приезд Бэкуса подготовку их совместной статьи. Позже она вышла в *Phys. Rev.* и наделала много шума. Ну, вы помните. Потом пришел Гёдель, и мы перевели разговор на другую тему: Гёдель не любит разговоров о физике.

Вернувшись в Москву, я заинтересовался, кто такой Хошенко, и полетел в Кишинев. В самолете со мной рядом уселся президент компании ИБМ. Оказалось, он тоже летит к Хо. Мы еще не знали, что Александр с Бэкусом в тот же день вылетели в Оренбург.

Ночью мы пили с президентом мартель и вспоминали Миннесоту, говорили о крушении либерального гуманизма.

— Как уместны тут слова Маркса! — вздыхал президент.

Потом ужасный день в самолете до Оренбурга. Я прилетел совершенно разбитый и, получив ключ от номера, сразу уснул.

Утром Келдыш притащил Александра. Оказалось, он очень молод (теперь уже известно, что Александр родился в 1940 году). У него был крутой лоб; как у всех близоруких людей, его маленькие глаза светились душевным благородством и теплотой; в длинных музыкальных пальцах дымилась сигара, присланная Фиделем.

Саша был в косоворотке и штанах, подаренных Диором. Настоящие сибирские валенки довершали его оригинальный и изысканный костюм. (Я вспоминаю восковую персону Александра в музее мадам Тюссо. Какое жалкое подражание оригиналу!)

— А не могли бы Вы, Александр Алексеевич... — спросил как-то Келдыш.

— Могу! — ответил Саша.

Мы сразу нашли общий язык. Говорили о рекурсивных функциях, фестском диске, континуум-гипотезе, преимуществе Шостаковича перед Стравинским, Бермудском треугольнике, шашлыках по-карски... да мало ли о чем!

Потом на огонек забежала Софи Лорен, которая случайно оказалась тут же, в Оренбурге.

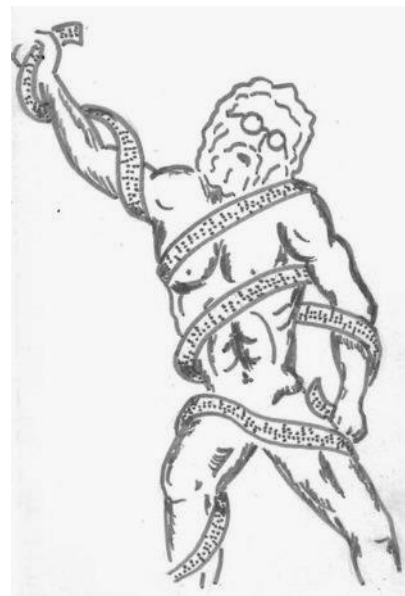
— Помузицируйте нам, Саша! — попросила Софи.

И Александр виртуозно исполнил арию Марии из оперы «Мазепа». Получив положенные аплодисменты, Саша, со свойственной ему скромностью, тут же сплясал адажио из балета «Щелкунчик».

Я предложил слетать на Ямайку.

— Слетай-ка лучше в магазин! — остроумно парировал Саша.

Но тут (кстати!) явился президент компании ИБМ с двумя бутылками виски. Виски оказалось теплым, но в Оренбурге не было холодильника. Вечером мы расстались. Меня ждали в Магадане, а у дядюшки Хо был симпозиум с Бэкусом, президентом ИБМ и Винером, который только что прилетел. Вы, наверное, помните, что именно на этом симпозиуме в Среднеколымске были сформулированы основные принципы современного программирования. С прискорбием должен отметить, что в трудах симпозиума, которые вышли позднее, ни разу не упоминается фамилия Александра. Стыдно, господа! Впрочем, чего еще ждать от этой загнивающей буржуазии.

Потом были встречи в Московском университете, в Кембридже, Оксфорде, Урюпинском педагогическом институте, эпопея с Алголом (вы, конечно, знаете, что АЛГОЛ — это испорченное АЛХОЛ: Alexander Hoshenko Language). Потом Александр помог Королеву запрограммировать луноход и придумал слово «спутник», которое облетело весь мир. Возвращаясь с Байконура через Алазанскую долину, дядюшка Хо подарил абхазским виноградарям рецепт замечательного грузинского вина. Теперь это вино (в соответствии с правилами абхазского языка) называется ахашени.

В 1966 году Хо, наконец, возвращается на родину и внедряется в ОИЯИ. Начинается самая плодотворная полоса в его жизни. Растет мировая слава. Приходят письма из Ватикана. Отцы церкви просят: «Стань нашим папой!».

Но Александр, как известно, ответил им отказом.

22.02.1982, Капри

Александр Расторгуев

О себе распространяться не буду, это было бы нескромно, скажу лишь, что хотел писать прозу и с детства обожал научную фантастику, но оказавшись в среде «Импульса», стал писать пародии и эпиграммы.

Скромный гений

Неспешно сумерки нависли.
Сажусь на старый табурет.
Как мотыльки ночные, мысли
Летят ко мне на лампы свет.
Ступает вечер. Я внимаю, ему
Лирический подстать,
И по привычке открываю
Свою заветную тетрадь.
Храни меня, мой скромный гений,
Мое простое ремесло.
Я не рожден для вдохновений,
Да вот в поэты занесло...

Эд и Рэд

Пробило полночь. Незвестный, шедший по коридору, остановился перед дверью партбюро. Тихо лязгнул замок. Незвестный вошел в помещение. Тонкий луч китайского фонарика разрезал темноту, пошарил по стенам и застыл на сейфе. Незвестный криво улыбнулся, достал связку отмычек и принялся колдовать над диковинным замком. Ровно через четы-

ре минуты двенадцать секунд сейф с мелодичным звоном раскрыл перед неизвестным свои внутренности. В ноздри ударил резкий запах спирта и плавленого сырка. Неизвестный залез поглубже, достал папку; при свете луны, вышедшей в этот момент из-за туч, в глаза бросилась надпись неровными буквами: «Импульс». На лицо неизвестного эта короткая корявая надпись произвела самое благоприятное впечатление. Он торопливо раскрыл папку и начал выдирать листки с подписью «Эд. Т. Опрото». «С этим Женисом разве когда договоришься», — удовлетворенно хмыкнул он. — «Кукуй тут без авторских экземпляров». Что-то заставило его вздрогнуть. Он медленно повернулся. Из темноты на него смотрели умные глаза редактора. «Рэд?» — потрясенный, воскликнул Опрото. «Эд, я же предупреждал тебя, рукописи не возвращаются».

Сон Мазепы

Литсотрудник Мазепа несколько раз клюет носом, потом кладет голову на свежие черновики и, продолжая сжимать в правой руке автоматическую ручку, проваливается в сон... Ему снится: он заканчивает рукопись, робкий стук в дверь, входит редактор в розовом костюме. В руках он держит расписной, под хохлому, поднос, на подносе крендель с маком (в тарелочке) и бутылка свежавыжатого молока.

— Вот, покушать тебе принес.

— Спасибо, Жумкеныч.

— Как дела, Мазепушка? Написал что-нибудь в легком жанре?

— Да вот, кропаю помаленьку, — сдержанно отвечает литсотрудник. — Еще не закончено. Посмотри, если хочешь. Только, ради бога, не говори, что отлично.

Пока редактор читает, Мазепа макает крендель в молоко и ест. Не закончив чтение (конца еще нет), редактор приходит в натуральный восторг:

— Да как же не говорить, что отлично, когда действительно отлично писано!

— Не надо, Жумкеныч, — морщится Мазепа. — Не надо, прошу тебя. Что хорошо пишу, о том сам знаю, а всё же до старых мастеров мне далеко.

— Ах, друг мой Мазепушка, голубчик, да как же не говорить, как же не хлопотать, когда до тебя в редколлегии, кажется, так никто не писал! И стиль, и фантазия... Как же не отлично! Отличнее просто не придумаешь!

— Мне бы в Италию, Женис, — мечтательно произносит Мазепа. — У старых мастеров поучиться...

Стирая образ редактора, крупным планом наплывают картины Милана, Венеции, Падуи... Рим, собор святого Петра...

— Ха-ха-ха! — звучит из Италии знакомый голос. — Мазепа, спишь, что ли? Это тебя не украшает!

Литсотрудник открывает глаза — ни молока, ни булочки у редактора нет.

— Где новогодний сценарий?

— Бутылку гони, — угрюмо отвечает литсотрудник: сказка кончилась, начались слякотные литературные будни...

Друг мой, Колька

Молодой специалист Слонов не успел проработать в лаборатории и двух дней, как был направлен на строительство нового корпуса. Он быстро освоился в новой обстановке, с прорабами был на «ты», а представителя лаборатории на стройке называл просто Семенычем. В понедельник ему понадобился напарник. Пришел интеллигентный человек в очках, лет пятидесяти.

— Володя, — протянул руку Слонов.

Человек подумал и сказал:

— Коля.

— Вникай, — сказал Слонов и стал показывать, что надо делать. Напарник оказался сообразительным и работающим. К концу дня он вспотел сам и вогнал в пот Слонова.

— Сработаемся! — восхищенно сказал Володя. — Давно в лаборатории?

— Да давненько.

— На неделю, на месяц? Закуривай.

— На день. Спасибо, не курю.

— Жаль! — огорчился Слонов.

Последняя неделя пролетела незаметно. В понедельник, одевшись в чистое, Слонов вернулся в лабораторию. Увидев своего нового сотрудника, начальник отдела улыбнулся.

— Вас вызывает Говорун.

Как ни мало проработал Слонов, он уже знал, что Говорун — это заместитель директора по научной работе. Накинув пальто, он побежал в соседнее здание, где сидела дирекция.

— Говорун у себя?

Валентина Семеновна не удержалась от улыбки.

— Он сейчас подойдет.

Слонов мысленно пожал плечами и вышел в коридор, где висела очередная портянка «Имппульса».

— Газету читаешь?

Слонов обернулся. Перед ним стоял напарник.

— Да вот, Говоруна жду.

— Ну, заходи, — пригласил Коля. И глядя на растерявшегося Слонова, подмигнул:

— Сработаемся?

— Сра... Кхм! — Лицо Слонова залилось краской. — Сработаемся, Николай Николаевич!

***Re* минор**

Решили, как всегда, собраться у *C* со шляпкой. Быстренько разложили матрицу. *B* с тильдой взял шпур.

— Как будем: по строкам или по столбцам?

— По столбцам, по столбцам! — загудели все разом.

Разложили по компонентам. В базисе сразу стало уютно и весело. Запели аксиому о параллельных.

— А Эрмиту оставили? — вспомнил вдруг кто-то.

— Это невещественно, — возразил *B* и попытался взять несобственный интеграл *A*, за что получил шпуром по голове. В голове у *B* поплыла группа пространственных вращений.

— Ребята, не надо, — попытался урезонить хозяин базиса, но, видя, что ничего не получается, позвонил на коммутатор. Там обещали линейную комбинацию хорошеньких векторов. Их билинейные формы привели всех в восторг. И так как матрица была уже плохо обусловлена, а детерминант близок к нулю, каждый выбрал по собственному вектору, и остаток вечера провели в поисках собственных значений.

Этот нелинейный, нелинейный мир

Уединенная, сильно нелинейная волна равномерно и прямолинейно распространялась по евклидову пространству. Солитон, как звали уединенную волну, был решением системы двух уравнений классической теории поля и прекрасно сохранял свою форму как в покое, так и во время движения, потому что был устойчив по Ляпунову.

А в это время с другого конца евклидова пространства навстречу ему распространялась другая волна, комплексно сопряженная. Во вполне интегрируемой системе они сошлись бы на короткое время и разошлись с

теми же скоростями. Но система, увы, таковой не являлась.

Мрачное предчувствие охватило Солитон, едва он различил на фоне Вакуума приближающуюся уединенную волну. «Это судьба», — подумал он, и по его поверхности пробежала дрожь. Расстояние между ними стремительно сокращалось, и скоро он уже не мог различить, где кончается он и начинается она...

С тех пор Солитон сильно переменился. Он сбросил массу, потерял энергию и, хотя по-прежнему описывается обратным косинусом, уже не так устойчив к малым возмущениям. Переменилась и комплексно сопряженная волна, с которой он больше не встречался. Осталось маленькое образование, которое пульсировало, дышало. Его так и назвали — Пульсон.

Липня

6–8 июля на базе отдыха ОИЯИ на Липне состоялся выездной семинар Совета молодых ученых и специалистов ЛВГА. Вот как о нем рассказывает наш специальный корреспондент А. Расторгуев.

На берегу нас радостно встретили комары. Шел дождь, лужи лопались пузырями как яичница-глазунья на сковородке. Мы начали знакомство с Липней с освоения красного уголка. Здесь было цивильно: стояли фортепьяно, телевизор и бильярд. Все отдали предпочтение бильярду. Вскоре дилетанты отсеялись, и из общей массы выделились профессионалы, а ди-

летанты переключились на остросюжетный детектив, шедший по телевизору. В двенадцать часов пришел комендант Василий Иванович и отключил свет; большинство разошлись по каютам, а поклонники бильярда нашли свечи и продолжали играть при свечах.

Утром приплыла Дирекция. Семинар начался со вступительного слова, произнесенного М. Г. Мещеряковым. Вслед за ним выступил Н. Н. Говорун. Его доклад был правдивым рассказом об истории становления вычислительного комплекса ЛВТА. Возьму на себя смелость пересказать его историю своими словами. Когда-то, давным-давно, когда еще не было ни ЛВТА, ни ВЦ, ни CDC-6500, а была лишь расчетная группа при ЛТФ, наш Институт приобрел электронно-вычислительную машину Урал-1. Удивительные вещи происходили тогда! Особенно поразителен случай с двумя сотрудниками, которые хорошо знали машину «Киев» и по этой причине были проданы вместе с машиной в один из городов на побережье Черного моря. Но время шло, нравы смягчались. В начале шестидесятых окончательно сформировался вычислительный центр. Воспоминания об этом событии вошли в героический эпос Лаборатории: «В начале машинного времени был вычислительный хаос. Увидел это Евгений Петрович Жидков и сказал: да будет ВЦ! И стал ВЦ. И увидел Евгений Петрович, что это хорошо. И были отделы, и были группы...». Математикам надоело выполнять за физиков черновую работу, и они обучили их фортрану. Так появились первые юзеры. Это был самый конец шестидесятых годов. Те, кому за двадцать пять, хорошо помнят то время. Это было время, когда в моду вошли расклешенные брюки, слава ансамбля «Beattles» достигла апогея, конкурсы на естественные факультеты МГУ были по десять человек на место и более, а платформа еще не была изобретена...

Были и другие доклады в тот день, но из моей памяти их вытеснил последовавший за ними банкет. Пару слов о наших поварах, на которых, собственно, и держался семинар: Лиде Калмыковой, Инне Кухтиной и Мадине Бикбулатовой. Кормили нас хорошо! Завтрак был представлен малыми формами, причем, соблюдалась табель о рангах: докторам подавали докторскую колбасу, кандидаты ели кандидатскую, а любители науки и техники без степени уплетали любительскую. А вот на банкете торжествовала научная демократия: кандидат пил наравне с бакалавром, бакалавр — наравне с доктором, и только доктор не мог пить наравне с членкором, потому что Дирекция срочно отплыла на монгольский вечер.

Яркий тост произнес Гена Комов: он предложил выпить за Ту, кому мы обязаны своими зарплатами, должностями и степенями (*Шириков, в сторону: неужели за Людмилу Васильевну?*), — за ЭВМ! Аплодисментами был

встречен и тост Владислава Павловича Ширикова, из которого мне запомнилась заключительная фраза: моя шкура — ваша шкура! Неоднократно звучало похвальное слово в адрес поваров, и Лида Калмыкова произнесла тост-реверанс, после чего процесс произнесения тостов из дискретного превратился в непрерывный.

Когда наступило время танцев, общество снова расслоилось, на этот раз по возрастному признаку: молодежь выделялась из общего веселья тем, что танцевала исключительно в стиле «диско», а для «старичков» это было еще в новинку. Любители бильярда в короткие минуты отдыха успевали на скорую руку сыграть партию-другую на бильярде. В двенадцать снова вырубил свет, и общество отправилось на берег, где Женя Мазепа голыми руками поймал неживую рыбу. Плавали также в стиле «диско»...

Утром все были немного вялые. С первым тостом, простите, докладом на тему «Наука и идеология» выступил Юрий Вениаминович Катышев. Не знаю, может быть, это случайное совпадение, но именно в этот момент, наконец, выглянуло солнышко. Доклады раз от разу становились всё короче и короче, а заключительный доклад Силина состоял из десяти предложений, которые Игорь Николаевич сумел выдать из себя, чем приятно удивил слушателей. Потом почему-то опять был банкет...

Семинар свернули так быстро, что не все даже поняли, что уже сидят на катере, который везет нас домой. Кто-то, помнится, даже хотел развернуть катер назад. Приятный ветерок освежал головы тех, кто требовал продолжения семинара. Когда вернулась способность вычислять, научной активности хватило еще на то, чтобы повторить вычисления Мазного, который почему-то отсутствовал на нашем славном мероприятии, и оценить экономический эффект ЛВТА. Выходили астрономические величины. Только Женя Мазепа немного путался и вместо «миллиарда» упорно повторял «биллиард».

Пусковому минимуму корпуса № 134 посвящается

Женис сказал как бы между прочим:

— Ты бы написал рассказик.

— Какой рассказик? — не понял я.

— Про наши недостатки.

— Какие недостатки? — удивился я.

— Отдельные недостатки, отдельные, — терпеливо объяснил Женис.

Сзади шла женщина, и это, видимо, смутило его. — Про наши трудности.

Помнишь, ты рассказывал, как ходил на ЕС-1060?

— Да уж, — сказал я.

— Темная ночь, пробирается юзер с фонариком, — продолжал развивать свою мысль Женис. — Попадает в какой-то подвал, проваливается...

Очнулся — яркий свет, кофе, приветливые операторы...

Я вздохнул. Писали уже об этом, и не раз.

— А ты всё-таки подумай, — не отступал Женис. — Мне кажется, должно хорошо получиться.

...Горбовский вышел из глэйдера и осмотрелся. Странники, подумал Горбовский, Странники... Странники, с горечью подумал Горбовский. Окна четвертого этажа светились. Трудно было поверить, что там еще могут находиться и работать люди. Нормальные, хорошие люди... Сволочи, скрипнул зубами Горбовский...

...Космонавт Ониховски с горечью раздавил окурок о борт космического корабля. В иллюминатор хорошо было видно станцию «Салют-134», со всеми ее недоделками, обрывками проводов, с которых, искрясь, стекал в вакуум заряд, строительным мусором, который вращался вокруг станции

по вытянутым эллиптическим орбитам, образуя «кольца Сатурна»... Пусковой минимум, ядовито подумал космонавт Ониховски и нехорошо выругался. Он только что имел неприятный разговор с Центром подготовки космонавтов; в штатных единицах ему опять было отказано, а это значит, что ребятам снова придется работать в две смены. А охрана Станции? Об этом вообще не думают! А ведь это открытый космос — заходи кто хочешь... На прошлой неделе зарядили метеорные дожди; обшивка, естественно, сразу потекла, а Электронный Мозг Станции вышел из строя. Ребята, которые приехали сдавать Мозг в эксплуатацию, свистнули: надо скорее сдавать да сматывать... И это они называют передовыми технологиями!

Оставался последний шанс, и космонавт Ониховски был полон решимости им воспользоваться. Он включил рацию: «Барышня? Свяжите меня, пожалуйста, с редактором многотиражки Космического Центра товарищем Христианбековым...»

Я представляю, завтра:

— Ну как? Получилось что-нибудь?

— Да вот, посмотри... Ну как?

— Хм. Не очень. Конец надо усилить. Хороший конец — половина успеха.

— Похвалил бы хоть раз, — ворчу я.

— Усиль конец — похваляю.

— Ты похвалишь, — ворчу я.

— Не ной, — отрезает Женис. — Это тебя не украшает. Скромнее надо быть, и женщины к тебе потянутся!

— Ну хоть напечатаешь?

— Усиль конец — напечатаю...

Против ожидания, Женису это понравилось. Он посоветовал:

— А конец всё-таки усили.

Рэдрик Шухарт, научный сотрудник Института:

«...В общем, стоим мы над этой картой, Кирилл в нее пальцем тычет и говорит улыбаясь:

— Из официальных источников стало известно, что здесь стоит ЕС-1060. Действующая!

— Из каких таких источников? — спрашиваю я, а сам улыбаюсь, как дурак.

— Это конфиденциальные источники. Скажем так: от доктора Дугласа. Сэма Дугласа. Который погиб в прошлом году, — отвечает Кирилл и перестает улыбаться.

Меня аж передернуло. Так тебя растак! Кто же о таких вещах перед выходом в Зону говорит!

В общем, сели мы в «Галошу» и поплыли. Подплываем к Воротам, а там уже все в сборе: и сандружина, и Красный Крест, и «Скорая помощь», и формирования гражданской обороны, и, конечно же, наши бесстрашные спасатели.

— Видишь расплющенный экскаватор в самом центре «комариной плешки»? Давай в ста пятидесяти метрах мимо него. Потом налево свернешь. Там вход должен быть.

Плывем потихоньку, а я про себя отмечаю: вот бугорок, с которого Слизняк гробанулся, вот тропинка, по которой Красавчик Арчи, ныне Суслик, в последний раз с выдачей шел... Повезло парню: единственный юзер, попавший в «мясорубку» и выбравшийся из нее живым... потом как производственную травму оформили.

Завернули за угол.

— Стоп, — говорю и кидаю первую гаечку.

— Гравиконцентраты ищешь? — спрашивает Кирилл.

И тут меня как током ударило. И уже точно знаю, что больше гаек кидать не буду. И лицо у меня в этот момент, видимо, очень нехорошее было, потому что Кирилл глаза отвел...»

— Да-а, — недовольно сказал Женис. — Ну ты и развез. Ладно, давай сюда. Всё равно, я чувствую, из тебя больше не выжмешь...

Как мы на ЕС-1060 ходили «пробоваться»

Как-то раз сидим за чаем, слушаем рассказ Марины о том, как она покупала колбасу.

— Палочку, хо-хо-хо? — веселится Альберт Иванович. — Ты сказала, что тебе одной палочки достаточно, хо-хо-хо? А с меня иные дамы по пять палочек требовали! Хо-хо-хо!

Тут заходит Лидия Семеновна и объявляет, что завтра идем на ЕС. У Альберта Ивановича, который ненавидит ЕС как систему в целом, сразу портится настроение, и он говорит, что, кажется, захворал и завтра пойти с нами не сможет.

И вот мы, Лидия Семеновна + 10 человек, как пишут в темпланах, входим в пусковой минимум нового корпуса № 134.

В машинном зале и без нас полно народу — анархия начального периода становления нового вычислительного центра. Пользователи уже оттеснили операторов от центральных и периферийных устройств. За единственным дисплеем сидит старший математик машины Володя Кореньков с довольно измученным видом и отлаживает очередную версию своей диалоговой системы.

— Кореньков! — кричит Лидия Семеновна. — Мы к тебе пробоваться пришли!

Мы заполняем машинный зал и сразу обращаем на себя внимание: все уже ходят с магнитными лентами, а мы пришли с железными ящиками и колодами перфокарт. И первое, с чем сталкиваемся, это, конечно, ошибки: ведь подавляющая половина сектора — программисты первого поколения, а машина третьего, и в этом, что ни говорите, есть некоторое противоречие.

Работа кипит, все снуют от перфоратора к карт-ридеру, от него — к устройству печати и обратно. Время от времени слышен голос Лидии Семеновны:

— Слава, ты меня опять портишь!

— Да где я вас порчу?

— Вот тут, ты меня вызываешь через свою программу и засеваешь мне массив какой-то ерундой!!!

Тут выясняется, что машина рядом, на которую до сих пор не обращали внимания, ЕС-1033, стоит без дела, и часть пользователей мигрирует туда. Спустя какое-то время оттуда доносится голос Лидии Семеновны:

— Кореньков! У нас машина зависла!! Можно у тебя пока пропуститься?

— Где у меня? — спрашивает Кореньков, озабоченный отладкой очередной версии своей диалоговой программы.

— Да у тебя, Кореньков, ты не выспался, что ли? — обиженно говорит Лидия Семеновна. — У тебя на машине!!!

— Да, я сегодня ночь не спал, — виновато признается Володя. — Пропускайтесь, конечно.

— А у нас после этого система не зависнет? — тонко улыбаясь, спрашивает Толя Чвыров. Все улыбаются, и Лидия Семеновна тоже, только более кисло, и идет вводить перфокарты. Стоим у АЦПУ, каждый ждет своей выдачи. АЦПУ трещит, буквы прыгают, смотреть невозможно, и все по одному отходят, кроме Лидии Семеновны, которая продолжает стоять, смотрит на прыгающие символы и медленно краснеет.

Наши женщины с ЕС-1033 идут, тоже красные от натуги: ящики тяжелые, а тут еще толстые пачки листингов с ровненькими столбиками нулей.

Из зала магнитофонов и дисководов с магнитной лентой под мышкой выходит Чвыров.

— Чвыров, это ты?! — возмущенно кричит Лидия Семеновна.

— Я, Лидия Семеновна, — не удивившись, отвечает Чвыров.

— Я спрашиваю: это твоя программа печатается?!

Чвыров бросает взгляд на консоль.

— Моя.

— Это же офонареть можно!!!

— А что такое?

— Она же у тебя одно и то же печатает!!!

— Так уж она устроена, Лидия Семеновна, — улыбается Чвыров...

А когда мы возвращались с кипами листингов, Лидия Семеновна удовлетворенно сказала:

— Ребята, я глубоко убеждена: всё, что у нас сегодня вылезло, надо систематизировать и обобщать!

Записки юзера

Увидел, что терминалы работают, обрадовался и побежал к себе, чтобы включить свою «бандуру», то есть ДВК-1, советский «персональный компьютер», подключенный в качестве терминала к незабвенной ЕС-1060.

Успел сделать FETCH и EDIT, после чего система надолго замолчала. В переносном смысле слова, потому что в прямом с ней всё в порядке: ящик, через который я общаюсь с ЕС-1060, продолжает урчать, жевать что-то и стрекотать так, как будто неподалеку бригада кузнецов собирается перековать мечи на орала. Летят секунды, идут минуты, мой любезный друг продолжает моргать, отсчитывая астрономическое время; если подогнать

его к московскому, из персонального компьютера получаются вполне сносные часы. Пульсирует маркер — он похож на язык тяжело дышащей собаки.

Воскресенье. После двух часов «завис» ТЕРМ. Не успел сохранить наборный файл и поэтому на два часа «завис» на рабочем месте вместе с ТЕРМом. Сходил, поужинал. Вернулся — ТЕРМ снова в работе. Набрал оставшиеся две строчки вместо того, чтобы тут же сохранить файл, и оплатился за это: ТЕРМ снова вылетел.

На этот раз грозятся запустить без рестарта. ДВК-1 (неужели будет второй?) после четырех часов непрерывной, хотя и неплодотворной работы разошелся не на шутку: урчит, скрипит, бунтует, напоминая о том, что в стране существуют сигналы противоракетной обороны и соответствующие войска.

И вот итог ожиданий: на экране появляется строка «TERM READY». Еще не веря в то, что четыре часа ушли впустую, нажимаю «Ввод». Увы, система выдает пресловутое «PLEASE LOGIN».

Постепенно привыкаю к своему шумливому товарищу по несчастью. Его ведь тоже можно понять. Он же не виноват, что его таким сделали. Иногда звуки, которые он издает, напоминают мне Москву. Звуки разгоняющегося поезда в метрополитене имени Ленина. Иногда он скрежещет так, что хочется его смазать в прямом и переносном смысле слова. Иногда мне не хватает терпения, и я начинаю скрежетать зубами вместе с ним. Зато трижды благословенна тишина, которая наступает, когда он перестает булькать, клокотать, скрипеть, скрежетать и переходит на спокойный гул домашнего холодильника!

Похоже, маркер «залип» надолго. Выхожу в коридор, к людям. Пользователи, зависшие вместе с машиной, отдыхают. Возвращаюсь к себе — мой любезный друг старается вовсю, издавая звуки, но всё остальное выше его сил: на экране монитора всё та же статическая картина.

Снова выхожу в коридор, где возвратно-поступательные движения совершает Володя Ужинский. Пристраиваюсь ему в хвост. Навстречу Мила Сеннер.

— Висим?

— Висим...

Закончив осмотр подпорок под будущую ЕС-1061, из люка в полу выбирается Геннадий Петрович Стук в строительной каске. Не глядя на безработных пользователей, он скрывается в машинном зале.

— Знаешь, почему Стук ходит в каске? — говорю.

— Чтобы на мозги не капали?

— Точно!

Душечка

Оленька, оператор ЕС-1060, сидела в одиночестве в закутке, отгороженном от коридора шкафами, и томно курила. За окном начиналась весна, текли ручьи, и было приятно думать, что скоро конец смены.

Из-за шкафов было слышно, как по коридору мечется киевский пользователь Кукин.

— Авост! — надрывался Кукин. — Опять авост, ведь это петля! У меня кончаются командировочные, а еще не посчитаны матричные элементы! И мне не продлят, ну и пусть, ха-ха-ха!

Оленька стала пропускать его задания вне очереди, но машина выдавала либо стройные столбики нулей, либо какие-то невероятные по масштабу числа, при виде которых Кукин принимался гомерически хохотать. Оленька говорила своим подружкам-операторам, что самое важное, самое нужное, самое замечательное на свете — это физика элементарных частиц и атомного ядра, и подлинного наслаждения можно достичь, только считая диаграммы Фейнмана. Она стала ходить с Кукиным на семинары, поправ-

ляла докладчика, если тот забывал закрыть скобку, а когда отклоняли рукопись Кукина, сама ходила в издательский отдел объясняться. Теоретики называли ее «мы с Кукиным», она жалела их и давала понемножечку. Ее увлечение было сильным, но недолгим: в сентябре Кукин уехал в Киев и не вернулся.

Через три месяца, возвращаясь с работы, Оленька остановилась в задумчивости перед большой лужей. Тут-то ее и подхватил на руки химик из лаборатории ядерных реакций — громадный, без шапки, в брезентухе, больше похожий на участника полярной экспедиции, чем на кандидата наук. И хотя сближение их было мимолетным, Оленьке еще долго чудился его нутряной бас, густая борода и трубка, набитая ароматизированным табаком, а по ночам снился Флеров и длинный ряд трансурановых элементов, и ей казалось, что она всю жизнь занимается поиском «острова стабильности», и что-то трогательное, родное слышалось в словах: тяжелая вода, время жизни, период полураспада, методика длины пробега.

— Вы бы сходили куда-нибудь, — советовали подружки-операторы. — На семинар какой-нибудь, душечка, или в цирк.

— Нам некогда по семинарам ходить, — возражала Оленька вторым сопрано. — Мы люди труда. Да и что в семинарах-то хорошего?

А потом химик исчез, и Оленька страстно увлеклась вычислительной математикой. Ей нравился метод прогонки, хотя иногда она находила его тяжеловатым, она была без ума от Бахвалова, молодого и старого, а когда приходили гости, она подавала пироги к чаю и без всякого напряжения вступала в разговор, признавая преимущество разностных схем перед аналитическими методами, упоминала о неизвестных работах Рунге, о некорректностях у Самарского, чем иногда конфузила своего математика чрезвычайно. И, глядя на него, пока он спал, Оленька думала: а не поискать ли счастья в других областях науки? Но в институте были только физики, химики и математики, других наук она не знала, а повторяться не хотелось.

И всё-таки повториться пришлось. Скоро Оленьке стало казаться, что она всех в институте знает. И удивительное дело, идя по второму, по третьему кругу, она с радостью замечала, как много дали ей прежние увлечения. Теперь это была не прежняя Оленька. Восторженную пылкость сменила зрелость чувств. И если раньше она с замиранием сердца представляла себя покровительницей наук, то теперь особенно ценила открытое ею внутреннее единство науки.

Когда ее пригласили преподавать в МИРЭА, никто не удивился. На вопрос, где она получила образование, Оленька скромно отвечала, что знания ей дарили фольклорно, из уст в уста, а среди своих учителей называла Мазного и других. Студенты любили ее, а она их жалела и давала понемножечку списывать на экзаменах. И не уставала повторять коллегам по кафедре, что самое важное и благородное дело на свете — это нести свет знаний подрастающему поколению.

Ч. Эхов

Может ли машина мыслить?

Элиза — программа, опровергающая тест Тьюринга.

Из научно-популярной литературы

Мазепа небрежно открыл дверь с шифром и пригласил внутрь.

— Здорово! — вырвалось у меня.

— Подожди восхищаться, — сказал Мазепа. — Ты еще не видел, что я хочу показать.

И показал на терминал.

— Догадываешься?

— Нет, — сказал я.

— Перед тобой русский вариант «Элизы».

— Да ты что!..

Мазепа довольно усмехнулся, набрал что-то в командной строке и нажал энтер.

— Работай.

— Здравствуйте, — набрал я.

— Ха-ха-ха! — было мне ответом.

Что-то это смутно напоминало...

— Я написал рассказ в легком жанре, — продолжил я.

— Это вас не украшает, — ответила программа.

— Я хотел бы предложить его в текущий номер.

— Скромнее надо быть!

— Видите ли, он как раз подходит для 8 марта.

— Скромнее надо быть, и женщины к вам потянутся!

— Короче, я принес рукопись.

— Рукописи не возвращаются.

— Это всё, что вы можете мне сказать?

— Вы спрашиваете меня, всё ли это, что я могу вам сказать?

— Да.

— Нет.

— Что — «нет»?

— Вы не очень разговорчивы сегодня.

— Сегодня плохой день.

— Давайте поговорим об этом.

— Нет, давайте поговорим о моем рассказе.

— Почему это вас так интересует?

— Мне хочется сказать вам грубость.

— Это всё, ради чего вы затеяли разговор со мной?

— Извините, но у меня, кажется, сдают нервы.

— Это вас не украшает.

- Мне казалось, что мой рассказ вызовет интерес.
- Скромнее надо быть.
- Я думал, вы меня похвалите.
- Усильте конец — похвалю.
- До свиданья.
- Приходите еще, — любезно предложила Элиза.
- Замечательно! — сказал я.
- Скажи лучше, что просто отлично, — скромно возразил Женя. —

Пойдем, я тебе еще кое-что покажу.

И пригласил меня за перегородку. Там, за перегородкой, за таким же терминалом сидел редактор стенной газеты «Импульс» Женис Мусульманбеков.

— Ха-ха-ха! — увидев меня, расхохотался он.

Вслед за ним засмеялся Мазепа. Хмыкнув, к ним присоединился я...

Формулы аутотренинга для пользователей ЕС-1060

Я совершенно спокоен...

Зависание приятно мне...

Расслабляются руки... ноги... туловище...

Расслабляется голова... Голова совсем расслабла...

Я зависаю вместе с операционной системой...

Зависают мои руки... ноги... туловище...

Зависает голова... Голова совсем зависла...

После зависания это ощущение пройдет...

Зависание приятно мне...

Мне нравится работать на ЕС-1060...

Частые зависания способствуют занятиям аутогенной тренировкой...

Аутогенная тренировка благотворно действует на мою нервную систему...

Я совершенно спокоен...
Ничто не отвлекает меня...
Не отвлекают мысли о работе, ведь я и так на работе...
Я нахожусь на работе и погружен в состояние полного покоя...
Ощущение зависания постепенно проходит...
Всё больше нарастает ощущение работы ЭВМ...
Словно легкий ветерок в области лба...
Это сквозняк из раскрытой двери машинного зала...
По всему моему телу пробегает легкая дрожь...
Мои пальцы готовы в любую секунду побежать по клавиатуре...
Я максимально сосредоточен...
Я готов в любую секунду запустить свою задачу...
Я готов первым завладеть ресурсами ЭВМ...
Внимание... Рестарт!!!

«Импульс», каким он был...

В первые годы своего существования стенгазета ВЦ–ЛВТА выходила чуть ли не каждый месяц. Рекордным стал 1962 год, когда было выпущено 11 номеров. В 1966 году первая команда «ушла на пенсию», число выпусков сократилось, и к середине 70-х «Импульс» выходил уже не чаще 6–7 раз в год.

К официально утвержденным датам 23 февраля (День Советской армии), 1 мая (День солидарности трудящихся), 9 мая (День Победы) и 7 ноября (очередная годовщина Октябрьской революции), традиционным праздникам Новому году и 8 марта редколлегия «Импульса» сочла возможным (с молчаливого одобрения партбюро) отмечать 1 апреля и со временем завела сентябрьский номер, посвященный темам «Как я провел лето», «Шефские работы» и «Здравствуй, школа!». Кроме этого, случались и спецвыпуски «Импульса», посвященные знаменательным датам, как то: Ленинскому субботнику 1978 года, картошке-84, 50-летнему юбилею замдиректора ЛВТА по научной работе Н. Н. Говоруна, двум юбилеям директора ЛВТА М. Г. Мещерякова, 25-летию ОИЯИ и др. Не забывали мы и День печати, приуроченный к первому выпуску большевистской газеты «Правда». День печати совпадал с днем рождения Карла Маркса, и в отрывных календарях 4 мая население заранее предупреждалось: «Завтра, 5 мая, День печати».

Невозможно в книжном формате передать оформление стенгазеты, что, конечно, хотелось бы, потому что зачастую оформлены они были весьма удачно. Но можно дать общее представление. Общий план: череда листов ватмана, склеенных друг с другом. Когда эта череда выходила особенно длинной, художник «Импульса» второй половины 1970-х (а художников за всю историю стенгазеты было немало) Александр Шакин гово-

рил, не без удовлетворения: «Ну вот, опять портянка получилась». Средний план: лист ватмана, на который наносились рисунки и заголовки, клеились фотографии и заметки, отпечатанные на пишущей машинке. Заставка — лицо стенгазетного номера. Под нее выделялся цельный лист ватмана. К сожалению, не все они сохранились, а те, что сохранились, не всегда достаточно хороши, а хотелось бы подать стенгазету с лучшей стороны. Крупный план: страницы текстов, рисунки и фотографии; это сохранилось лучше всего.

Заседание редколлегии. Слева направо: А. Расторгуев, М. Харьюзов, А. Кавченко, Г. Мазный, А. Корнейчук. 1979 г.

Каждый представленный здесь номер — это не какой-то один выпуск, а концентрат из номеров разных лет. Поэтому в новогоднем номере рубрика «Наши прогнозы» встречается дважды, а первоапрельский номер пестрит шутками разных лет. Заставками украшены только два номера: новогодний и первоапрельский.

Новогодний «Импульс»

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

Ударнику комтруда на заметку

Приближается Новый год. Как быстро изготовить программный продукт? Напишите небольшую программу на фортране, на 200-300 перфокарт, разбавьте комментариями. Разбейте на модули по 50 операторов каждый, добавьте 2-3 подпрограммы на ассемблере, отперфорируйте. Теперь всё тщательно перемешайте и медленно пропустите через транслятор при температуре машинного зала. Повторите несколько раз, продолжая перемешивание перфокарт до полного исчезновения ошибок. Обработайте редактором связей и запустите на счет. Получите листинг, в случае ошибок отключите диагностику и повторите еще раз. Продокументируйте программу. Программный продукт готов к употреблению.

Как сделать советское шампанское в домашних условиях

Нет ничего проще, чем сделать советское шампанское в домашних условиях. Купите участок земли, желательно уже с виноградником. После сбора урожая положите виноград в специальные бетонированные чаши, снимите ботинки, носки, помойте ноги и походите по винограднику 15–16 часов. Слейте выжатый виноградный сок в толстостенные стеклянные бутылки и крепко запечатайте их. Отнесите в темное прохлад-

ное место и уложите горизонтально, периодически поворачивая их согласно технологии фирмы «Мадам Клико» на определенный градус в течение одного — двух лет. После этого наклейте этикетки на бутылки и подавайте к новогоднему столу.

Эд. Т. Опрото

Наши прогнозы на 1978 год

По японскому календарю 1978 год будет годом Овцы.

В связи с этим будут в моде:

- двойной тулуп у фигуристов,
- командировки в МНР,
- рога у мужчин,
- крепкие лбы у начальников,
- селедка под шубой на дружеских банкетах.

Ожидается появление:

- баранины в магазинах,
- сигарет «Золотое руно» в буфете ЛТФ,
- водки в бурдюках,
- волынок в оркестре Поля Мориа.

Будет разрешено:

- волкам рядиться в овечьи шкуры.

Будет запрещено:

- обзывать кого бы то ни было бараном,
- смотреть на листинг как баран на новые ворота.

Косметические салоны освоят новую операцию — тавро на лбу.

Наши прогнозы на 1983 год

В 1983 году — году Свиньи — будут в моде:

- мужчины, заросшие щетиной;
- женщины без талии;
- прически в виде закрученных хвостиков;
- туфельки в виде раздвоенных копытец;
- хрюшечки вместо рюшечек.

На работе будет принято рыть носом землю.

Будет модно лечиться грязями и искать их везде.

Госбанком будут выпущены юбилейные пяточки.

По решению ЮНЕСКО будет отмечаться юбилей А. И. Корейко, родившегося 96 лет назад.

Будет открыта подписка на новый журнал «Свинья и школа».

Будет популярна новая песня в исполнении Софии Ротару «Ты, я, он, она — вместе целая свинья!»

Отставной редактор «Имппульса» Ж. Мусульманбеков будет направлен на обучение к редактору еженедельника «Дубна: наука, содружество, прогресс» С. Кабановой.

Примечание. В ответ на критику редакции вышеназванной газеты «Дубна и т. д.», редколлегия «Имппульса» обещает в будущем году исправиться и впредь даже о несерьезном писать серьезно.

Психологический практикум

1 декабря на CDC-6500 полетел пакет резидентных дисков. На место происшествия срочно вылетел инспектор Варнике.

При вскрытии были обнаружены прошлогодний окурочок от папиросы «Беломор» фабрики товарища Урицкого и светлый женский волос, наматанный на барабан.

Сделав необходимые замеры и произведя соответствующие анализы, инспектор распорядился выяснить, где в момент происшествия был стрелочник Савеловской дороги Безруков, однофамилец начальника НИОВТ. Выяснилось, что стрелочник был в отгуле.

После минуты размышлений Варнике объявил, что эксплуатационный персонал к аварии не причастен, а причиной всему было стечение обстоятельств. Подумайте, какая цепь умозаключений позволила инспектору прийти к этому выводу.

Общая цель

«Что общего у вас со СМУ-5?» — такой вопрос мы задали председателю СМУиС ЛВТА И. Жидковой. «Общая цель — строительство коммунизма, — ответила Ирина Евгеньевна. — Но средства разные».

Заявление

Директору ЛВТА члену-корреспонденту АН СССР
тов. М. Г. Мещерякову
от научного сотрудника НИОРЭМО Г. Л. Мазного

Заявление

Прошу выдать мне спецодежду (костюм, рубашку, галстук и носки) для посещения заседаний вверенного Вам Ученого совета и других присутственных мест.

31 декабря 1983 г.

Сказка

Бежит монитор по каналу, видит: Central Memory пустая стоит. Дай, думает, залезу. Залез, по регистрам побегал и давай сам себя подкачивать. Качает, качает, вдруг — прерывание от ввода-вывода, и кто-то прет по каналу:

— Кто-кто в памяти живет, кто в маленькой живет?

— Это я, монитор. А ты кто?

— Я Джоб.

— Мест нет, пошел на МД!

— Да я уж где-нибудь, да я уж как-нибудь...

Залез, всю память нулями расписал, а сам потерял управление.

Тут и сказке конец.

Электронные штаны

Как мы уже сообщали («Импульс», декабрь 1978 г.), в нашей любимой лаборатории организован научно-исследовательский отдел математического управления и разработки автоматов НИОМУРА. Предлагаем интервью с исполняющим обязанности начальника отдела тов. И. В. Сидисидзе.

Наш корр. Тов. Сидисидзе, прошел год, а вы всё еще ходите в исполняющих. Чем, на ваш взгляд, можно объяснить такое положение вещей?

И. В. Сидисидзе. Должность, как и человек, начинается с характеристики. Характеристика — с общественной работы, общественная работа — с нагрузки, нагрузка — с поручения, поручение — с предложения. А предложение, как известно, определяется спросом. С меня же спросить трудно.

Наш корр. Тов. Сидисидзе, насколько известно редакции, ваш отдел подхватил идею администрации об Электронном Табельщике.

И. В. Сидисидзе. Да-да-да! Электронный табельщик — это идея века! Это прогресс! Ведь что такое работа? Работа, как тонко подметил административный зам. директора А. Д. Злобин, «это потребность, которую нужно реализовывать коллективно». Следовательно, тайное подглядывание за сотрудниками из окошечка ЛТФ — убогий анахронизм. Необходимо подглядывать, пардон, учитывать рабочее время на уровне НТР. По разработанному нами проекту персоналу лаборатории будут выдаваться электронные штаны со штепселем. На каждом рабочем месте — розетка. Сел — включил рабочее время, встал — выключил. В розетке шифрованный разъем. Сел не на свое место (например, начальника) — получи отрезвляющий удар током. Первый экземпляр стула с розеткой будет установлен у А. Д. Злобина в рабочем кабинете, ему же будут торжественно вручены электронные штаны со штепселем.

Наш корр. А что у вас нового в отделе в научном плане?

И. В. Сидисидзе. Как вам сказать... Научный потенциал отдела беспрецедентно высок. Но... плоховато со стимулами. Соседний отдел, например, участвовал в экспериментах на каком-то «Кристалле». Открыли что-то. Ну, думают, теперь-то... А им шиш с маслом в виде премии в 15 рублей. Вот и пооткрывай тут. Так что в плане открытий у нас бума нет. Это точно.

Наш корр. И последнее. Ваши пожелания коллегам в новом году?

И. В. Сидисидзе. Желая каждому из нас в год Обезьяны оставаться человеком.

Спецкор Г. де Билл

Итоги 1978 года

В прошедшем году, как и всегда, наша Лаборатория успешно выполнила и перевыполнила свои обязательства и пункты тематического плана.

Большим успехом, которого не ожидали сами исполнители темы № 1 Плана ЛВТА, был ввод в опытную эксплуатацию первой очереди сети терминальных устройств на базе малой ЭВМ и БЭСМ-6. Проверяющей комиссии был продемонстрирован терминал «Видеотон» и даже было предложено его включить, но поскольку никто из членов комиссии этого делать не умел, то они задали только один вопрос: «Терминал-то тут только один... А где же сеть?» Ответственные исполнители первой темы тт. Щелев С. А. и Шириков В. П. задали резонный встречный вопрос: «А что, разве один терминал — это не первая очередь сети?» Члены комиссии еще для порядка погладили графопостроитель «Дидиграф», стоявший случайно рядом с «Видеотоном», сказав при этом: «А вот это и есть малая ЭВМ? Какая красивая...» — после чего подписали необходимый акт.

Главной трудностью по теме № 2 было не написание новых вариантов математического обеспечения для БЭСМ-6, CDC-6500 и ЕС-1040, а перерасход командировочных средств. Исполнители темы тт. Шириков В. П. и Силин И. Н., даже не поставив в известность Дирекцию, умудрились слетать в город Находку, да еще самолетом первого класса (т. е. с подачей 50 г коньяка). Когда несколько позже возникла трудность списания средств по командировкам в Алма-Ату, куда летали около 20 специалистов (точное количество и с каких тем — сейчас установить сложно, поскольку часть из них летали втайне даже от своих начальников отделов), то их также списали на вторую тему: их исполнителям так и так должно было влететь. Туда же отнесли и стоимость проектора, подаренного кем-то из членов делегации хозяевам конференции

(виноватого так и не нашли). Перерасход получился такой, что во всей Лаборатории не осталось денег, чтобы оформить в начале декабря командировку в Серпухов начальнику НЭООФИ Морозу В. И., хотя все отлично знали, что переносить ее на январь никак нельзя: окунь на р. Протве к тому времени совершенно перестает браться. Мы все надеемся, что в 1979 году гг. Шириков и Силин сделают для себя надлежащие выводы из случившегося.

Главным достижением ЛВТА в 1978 году, о чем уже указывалось мной в газете «За коммунизм», стал результат исполнителей темы № 3 (Карлов А. А., Приходько В. И., Поляков В. Н. + 18 человек), которые сделали-таки из дисплейной станции БЭСМ-6 на базе ЭВМ М-6000 «черный ящик»: то есть, устройство, про которое никто не знает (и не должен знать), как оно работает.

Как всегда, отличился исполнитель тем № 4 и № 5 по массовой обработке снимков с помощью полуавтоматов и НРД Мороз В. И. Пригрозив сорвать лабораторное сощобязательство, он попытался захватить для своего отдела резервную комнату на третьем этаже ЛВТА, но не учел, что эта комната записана за директором, поэтому был уплотнен сам.

Нам удалось, также, отчитаться и по обработке камерных снимков с помощью автоматов АЭЛТ и СИ. Самой главной трудностью было убедить дирекцию ОИЯИ, что виновата бухгалтерия, отнимающая у ответственных за эти приборы чуть ли не 3 % машинного времени на БЭСМ-4 для расчетов зарплаты. Утешает только то, что два из этих трех процентов уходят на расчет зарплаты работающих на этих автоматах.

Очень важные работы были проведены и по проблеме № 6: разработка прикладных методов вычислений, проводимая в основном отделом вычислительной математики. Некоторое осложнение возникло только при отработке алгоритма и составлении пакета для изучения взаимодействия

солитонов (отв. Жидков Е. П., Маханьков В. Г.), что предусматривалось обязательством Лаборатории. В. Г. Маханьков из-за большой загруженности обязанностями председателя месткома про обязательство забыл, но в начале декабря вспомнил, и поскольку времени оставалось мало, он вынужден был повесить везде, где можно, объявления с вопросом: «Что такое солитоны?» Грубый, но меткий ответ сотрудника того же отдела П. Акишина и был положен в основу соответствующей пункту обязательства публикации.

Немалый вклад внес и руководитель сектора этого же отдела А. А. Корнейчук. Досрочно развил комплекс программ для исследования свойств сложных ядер и ядерных реакций (по теме № 21), он, в соответствии с приказом по ОИЯИ, вплотную занялся составлением должностных инструкций для своих сотрудников с помощью ЭВМ CDC-6500. Увлечшись этим делом, А. А. Корнейчук изготовил даже должностную инструкцию для своей жены, обязав ее не реже чем раз в два года рожать ему либо сына, либо дочь.

Не меньшего, если не большего значения работы были выполнены в нашем отделе ОМОЭД. В частности, новый метод создания цепочки программ «Геометрия-кинематика» разработал руководитель тем № 13, 14 В. Г. Иванов: он включил в число ответственных исполнителей тем и соответствующего лабораторного соцобязательства всех, с кем ему приходилось особенно много ругаться и кто мог навредить ему больше всего при проведении работ.

Я должен сразу отметить, что работа сотрудников ЛВТА на строительстве нового корпуса включена в число основных задач на 1979 год решениями ученых советов по физике высоких и низких энергий, а также Комитета Полномочных Представителей. В 1979 году нас ждут новые успехи и еще более веселая жизнь, чем в прошедшем 1978 году.

В. П. Шириков
(списано из отчета Н. Н. Говоруна)

«Импульс» к 23 февраля

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

С Днем Советской армии, товарищи!

Тяжелый бой. Такое и не снится.
Штурмует высоту за взводом взвод.
Убитые, молчат телефонисты,
Остался крик: «Вперед! Вперед! Вперед!!!»
Мы так прижались — вроде силы нету
Нас оторвать от матушки-земли,
А мы встаем на красную ракету,
А мы бежим под пулями в пыли.
О, как горяч песок в конце июля!
Под жуткий рев немецких батарей
Бежим, бежим, и хлещут, хлещут пули —
Свинцовый град, сбивающий друзей.
Мгновения мурашками по коже.
Мне два прыжка — а дальше грудь на грудь.
К чертям винтовку! Финку рву из ножен.
В окоп — как в омут. Там уж как-нибудь.
Я после боя... Гарью пахнет лето.
Сугроб махорки — некому курить...
И этот, в каске. Песня его спета.
А мне еще и воевать, и жить.

А. Занин

Мы бережем Советский край

Как бы военные мемуары

1

С первого по четвертый курс — это 50-е годы — весь мужской мехмат на один день в неделю становился как бы военным и вооруженным. Модное нынче «как бы» точно отражает суть: военными и вооруженными мы были понарошку: штаны на нас были штатские, пушчонка, из которой нас учили стрелять, была «в разрезе», роль снаряда исполняла деревянная болванка, а пороху не было вовсе. Зато майоры и полковники были настоящие, а командовал всем университетским воинством и вовсе генерал-майор с широкими лампасами, никого, правда, ничему не учивший.

День военной подготовки наши однокурсницы и будущие жены использовали по своему профилю: отсыпались, отъедались и хорошели. И когда после третьего курса нас повезли в лагерь по маршруту «Москва — Петушки», недели две спустя они заявили — нас посмотреть и себя показать. Двух недель оказалось достаточным для опрощения в чисто мужском обществе. «Ну и как вы тут живете?» — спросила Борьку Рогозина его подруга. — «Да... бип-бип-бип, — ответил Борька, спохватился и ужаснулся. — Ах ты ж... бип-бип-бип!».

Служил с нами Коля Демидович из интеллигентной семьи: его папа, известный писатель учебников и задачников, вел у нас семинарские занятия по матанализу. Родители регулярно писали Коле, а мы, его соседи по вечно сырой десятиместной палатке, учили Колю посредством этих писем великому и могучему. «Коля, скажи... бип!». Коля пытается выхватить высоко поднятое письмо, терпит неудачу и безо всякого вкуса и выражения говорит «бип».

Потерял боец Коля очки. Обыскался — нет и нет. Целый день проходил вслепую, со всеми, как овца в отаре — благо военные ходят строем. Вечером после отбоя боец разулся — очки из портянки и выпали. Уронил, стало быть, их в сапог в панике подъема.

Юра Манин, ныне математик мирового уровня, в студенчестве переводил Шекспира, а в лагере оказался поэтом-песенником:

Мы идем по полигону.
До обеда далеко.
Лейтенантские погоны
Достаются нелегко.
Эге-ге-гей, далеко
Родная зона Бэ.
После месячного срока
Возвратимся мы к тебе.
После выпитого брома
И т. д. (зона Бэ — общежитие)

2

Доставал майор Еременко, за упущения по службе гонявший нас строем под насильственные песни. И вот при очередной такой экзекуции командовал майор «Запевай!». И мы запели:

Полки стальные, краснозвездные
Народам счастье принесли...

И еще две строчки в этом духе. А потом — припев:

Эх, да ты, соловушка, распевай!
Эх, да ты, Еременко, рас...дяд!

А дальше — как ни в чем не бывало:

Мы любим родину, мы любим родину,
Мы бережем советский край!

И хотя майор заорал «Отставить песню!», было поздно: слово — не воробей, но вылетело. Когда мы прощались с лагерем, уже другие, чужие вояки, не знавшие никакого Еременку, пели эту советскую строевую песню с нашим рефреном.

Кухня. Грубые щи из капусты, порезанной вместе с кочерыжками. День дежурства по этой самой кухне: едоки идут, идут и идут, а ты моешь, моешь и моешь жирные от свинины алюминиевые миски.

Небывалая нееденная малина, оказавшаяся в расположении части. Ложишься под куст, пригибаешь по веточке — и в рот ее, переспелую до приторности. Отработка нормативов на местности. Местность — правый берег Пекши. Взмыленные бесцельной беготней, выстраиваемся в виду близкого водоема. Долгожданное «Вольно! Разойтись!» Володька Скрипник, срывая на бегу одежды, первым кидается в освежительные волны... и бежит, подобно Иисусу, по волнам Река-то — куриный брод.

А ведь я тонул в Клязьме при впадении в нее Пекши. Деркул, река моего детства, как-то не располагала к плаванию: камыши да топкие берега коровьего водопоя. Когда надо было — не научился. И аукнулось: полез купаться, дно из-под ног ушло — и понесло меня. Звать на помощь — почему-то было стыдно. И — идиот! — решил: ну что же делать, придется тонуть... Но повезло: вынесла меня Клязьма за поворот на проволочное ограждение солдатской купальни. И когда после армии приехал на родину в Матвеевцы, первым делом спустился к домашней, совсем уж незначительной речонке, где и воды-то по пояс, и стал барахтаться по-собачьи.

3

После четвертого курса свезли нас на военные сборы в ближнее Подмосковье. То была настоящая батарея, часть защитного кольца Москвы, пребывавшая в очередь в суточной, часовой и пятиминутной готовности. Настоящие пушки время от времени для тренировки стреляли по конусу —

это такой большой марлевый сачок, тянущийся за самолетом на безопасном расстоянии. Надо было сбить конус, но говорили, что изредка, не на наших глазах, сдуру сбивали не конус, а самолет.

Наша стажировка на батарее была вполне осмысленной. Нас разбили на расчеты. В расчете — подносчик снарядов, заряжающий, наводчик по азимуту (поворачивает пушку по сторонам света), наводчик по углу места (поднимает и опускает дуло). Тренировка — на точность и скорость выполнения команд. Информация о цели могла передаваться и по кабелям автоматики, и по телефону, и криком. Особенно эффектно смотрелась батарея в автоматическом режиме: по сигналам с локатора все пушки дружно, как одна, поворачивались, а наводчики просто катались.

При суточной готовности настоящих военных (увы, не нас!) отпускали в увольнение — навестить девушек и молодич из близлежащей ткацкой фабрики. Часовая готовность делала подобные визиты рискованными и быстротечными: дробочки приходили под глухой забор сами и ворковали. А пятиминутная готовность, когда и спать-то полагалось не раздеваясь, лишь ослабив ремни и расстегнув воротники, вовсе исключала романтические свидания: разве что набитая дура будет выманывать возлюбленного, рискуя подвести его под трибунал.

Старшина, выдававший нам казенное добро, в задушевную минуту показал мешочек с горохом. Каждая горошина обозначала одну осчастливленную его мужским вниманием даму.

В короткие паузы между ужином и отбоем всеобщей душой был Леня Франк, будущий профессор Тель-Авивского университета. Внешне, штанами галифе, Леня походил на своего почти однофамильца, кровавого испанского диктатора, но вместо топора у Лени была гитара, и Леня пел одесские романсы. Про бабушку-старушку, пережившую налет («Угол Дерibasовской, угол Ришельевской»). Про Соньку-изменщицу («Я на тебе впал»). Про безымянную дуру («А я ее спрасую: шо ты будешь пить? А

она отказуется: голова болить»). Есенинскую лирику («Выткался над озером», «Клен ты мой опавший»). И многое другое, из моей памяти уже ушедшее.

Старший лейтенант запаса А. А. Корнейчук

Это было недавно, это было давно

Почти двадцать лет назад, летом 1962 года я приехал на берег Азовского моря в город Ейск, чтобы поступить в Ейское высшее авиационное училище летчиков. Город встречал приезжающих изнуряющей жарой, отвратительной на вкус и цвет водой, невероятным количеством вяленой рыбы и необыкновенно красивыми, на северный взгляд, девушками. Но в ту пору два последних достоинства Ейска прошли мимо меня: пиво с воблой я еще не употреблял, а вход на территорию училища девушкам был почему-то запрещен. И, к моему изумлению, всех нас, кандидатов в летчики, тоже не выпускали за ворота. Оставалось проходить комиссии и готовиться к экзаменам. Медицинская комиссия была самой страшной. На тех, кто выдерживал общение с врачами, смотрели с уважением и трепетом. На пятый день замотанный кандидат (нас так и звали — кандидаты) попал в лапы особой бригады врачей. Они проводили психологическую экспертизу. У кандидата в летчики проверяли:

- а) реакцию;
- б) чувство времени;
- в) тремор (дрожание рук);
- г) способность к обучению;
- д) работоспособность при недостатке кислорода;
- е) координацию;

- ё) раскоординацию;
- ж) работоспособность в условиях недостатка времени;
- з) работоспособность под давлением фактора опасности;
- и) пространственную ориентацию.

Как сейчас помню вытаращенные глаза и блуждающую походку своих коллег-кандидатов. Ряды наши, под нещадными ударами медицины, редели очень быстро. Ума не приложу, как это мне удалось тогда проскочить? Одно могу сказать: очнулся я только через два с половиной месяца, когда уже сдал экзамены, прошел курс молодого бойца и уже щеголевато носил военную форму.

14 октября 1962 года наш курс принял военную присягу. Был очень хороший осенний солнечный день. Настроение исключительно торжественное, подстать ритуалу. Принятие присяги ознаменовалось праздничным обедом. В столовой играл духовой оркестр, официантки выглядели как никогда, и каждому курсанту в залог будущих военных успехов испекли по две восхитительные булочки.

А потом начались учебные будни. Учили мы не только специальные курсы (аэродинамику, самолетовождение, матчасть и т. д.), но и общеобразовательные дисциплины; программами нас щедро снабжал МАИ. Не скрою, большинство курсантов без восторга занимались высшей математикой и физикой. Мы считали, что главное — полеты, а убивать свое молодое здоровье на всякие заумные пределы, производные и интегралы никому не хотелось. Однако командование училища жестко предупредило, что к полетам будут допущены только успевающие; более того, неуспевающих по результатам двух семестров пообещали отчислить, невзирая на железное здоровье.

Это возымело действие. В апреле самые отчаянные двоечники, замучив себя и преподавателей, получили все зачеты и сдали все экзамены. И ранним апрельским утром, провожаемые нежными взглядами, взмахами рук и пла-

точков, обтекаемые маршем военного оркестра, чавкая по грязи сапогами, наши три эскадрильи прошли по улицам Ейска, погрузились в эшелон и отправились на полевой аэродром, чтобы начать обучение полетам.

Полеты! У кого из бывших авиаторов не дрогнет сердце? Да здравствует аэродром с его пылью, грязью, гарью, пожарными машинами, ревущими двигателями, со строгими командирами звеньев и руководителями полетов! Viva! Наверное, что-то в этом духе может сказать любой человек, когда-то в своей жизни соприкоснувшийся с авиацией. Но до полетов очень много работы на земле: запуски, рулежки, пробежки, экзамены по эксплуатации матчасти, зачет по метеорологии, проверки знания района полетов — и т. д. и т. п., и лишь потом — в небо.

Из записей того времени:

6.IV.63. Вчера прыгал с парашютом.

9.IV.63. Сдавали экзамен по эксплуатации. Четверка.

13.IV.63. Учю полет по кругу. Нужно знать на «б».

15.IV.63. Учю полет по кругу. В среду должны летать, но пока нет погоды.

16.IV.63. Перешли на летную норму питания. Понравилось.

19.IV.63. Прыгаем с парашютом.

8.V.63. Вчера был первый летный день. Ознакомительный полет и в зону. Вообще в полете на впечатления нет времени. То горизонт уходит, то крен, то снос — успевай только поворачиваться. Два раза инструктор закатил такие виражи, что голова проваливалась. На второй зоне болтало, меня слегка укачало, и я не мог найти курс домой.

12.V.63. Летаю почти неделю. Вчера летал очень плохо, хуже чем позавчера. Посадка очень плохая.

20.V.63. Две зоны: штопор, вираж, спираль. Хорошо.

26.V.63. Садился вчера с открытой кабиной — для тренировки. Шум страшный.

28.V.63. Урррааа!!! Я вылетел самостоятельно. А было так. Разрешили мне вылет. Надеваю парашют. «Товарищ капитан! Курсант Кавченко к полету готов!» Сажусь, привычно осматриваюсь, запускаю двигатель, вырливаю на полосу (оглянулся назад — мама родная, никого со мной!) на линии исполнительного старта: «Я 478, взлет!» И вперед, газ до отказа, назад дороги нет. В наборе высоты нажимаю кнопку СПУ, ору что-то, песни пою — красота. Машина послушна; шасси выпустил, и вот четвертый разворот. Затягиваю газ, расчет немного с перелетом, но я увеличиваю угол и газ убираю почти полностью. Выпускаю щитки. Щитки выпустил, САМ!» Всё. Последний взгляд на скорость: 150. Теперь взгляд на землю. 6 метров, ручку на себя, выровнял, задержал, подбираю, подбираю... Сижу!

Ну, а дальше были снова летные дни, полеты на пилотаж, полеты строем, полеты ночью... Много было пережито и смешного и горького... Приходилось встречать друзей из полета и провожать их в последний путь. Без теней не бывает света, а лишения и трудности — что ж, их нужно уметь перенести...

*Старший лейтенант запаса Александр Кавченко,
1982*

P. S. Все непонятные термины и выражения автор готов объяснить через газету или в личной беседе.

«Импульс» к 8 Марта

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

Распоряжение дирекции ЛВТА

В связи с наступающим женским днем 8 марта считать:

1. Все искусственные цветы — живыми.
2. Математическую логику — женской.
3. Любой день в году — женским днем.

Постановление ЖАК

Образованная по предложению дирекции ЛВТА Женская аттестационная комиссия (ЖАК) постановляет:

1. Приравнять бракосочетание к защите кандидатской диссертации (с выплатой соответствующих надбавок к зарплате).
2. Поскольку расходы на проведение банкета по поводу бракосочетания соизмеримы с расходами на проведения банкета по поводу защиты, означенные банкеты запретить и рекомендовать проводить товарищеские ужины.
3. При нарушении данного запрета считать брак недействительным.

Интервью с ответственным товарищем

- Что вы скажете о привлекательности женщин ОИЯИ?
- О, женщины у нас привлекаются на самые разнообразные строительные работы!

— Какая укладка будет модной в новом сезоне?

— Я надеюсь, что укладка цветных плиток в цоколе нового корпуса будет приятным сюрпризом для наших модниц.

— А что наши модницы будут носить?

— Цемент, песок, легкий гравий...

Приказ

В мой адрес поступила коллективная просьба от операторов о выделении микроавтобуса для развоза по домам в ночное время — в связи с якобы участвовавшими случаями нападений опасных маньяков на симпатичных женщин.

Довожу до сведения народа следующее. Мною лично был проведен эксперимент. В течение недели я, переодевшись симпатичной женщиной, гулял(а) по городу в ночное время (как дура). Было замечено несколько мужчин. Но никто из них не предпринял попыток пристать ко мне (как к женщине).

Вместо выделения микроавтобуса приказываю развесить по Лаборатории листки с опровержением.

Подпись неразборчива

Признание снежной бабе

Столько раз я проходил мимо тебя во дворе, не замечая твоих черных угольков-глаз и носа морковкой. А вчера что-то произошло, и я всю ночь не спал, сочинял стихи и ждал, когда придет утро, и я снова встречу с тобой. А ты растаяла, растаяла...

Лидочка

Нас было пятеро: Сереженька, альбинос и сильнейший очкарик, папа которого был белый медведь, а мама работала геологом на Чукотке; вспыльчивый кавказец Хухунашвили; Вольдемар, потомок тевтонских рыцарей; Виталька, малый без особых примет, и я. Тоненькая, большеглазая, с наивной-наивной челкой и острым бюстиком, она стояла между тяжелыми гранитными колоннами, ела мороженое и кричала нам сверху:

— Ребята! Сюда заносите. Вход здесь!

Мы перевозили в новое здание университетскую библиотеку, а Лидочка нами командовала. Она училась с нами в одной группе, помыкала нами и дальше, а мы терпели, слушались и вздыхали.

Первым не выдержал вспыльчивый кавказец Хухунашвили: не спросив остальных, он пригласил Лидочку в «Арагви». Потом он катал ее на лодке по Москве-реке при лунном свете. Потом купил проигрыватель и модные пластинки. Лидочка в перерывах между анализом и алгеброй рассказывала нам, какой вкусный шашлык в «Арагви», радовалась луне, звездам и хорошей погоде и учила нас танцевать фокстрот; Хухунашвили мрачнел лицом, хватал неуды и, наконец, перевелся с мехмата во ВГИК: безответная любовь к Лидочке настолько обогатила его душевно, что он стал в конце концов известным кинорежиссером.

Остальные прошли те же испытания — я, как и все, потерпел поражение. Спустя годы я понял, что это взрослая женщина, выросшая из нашей Лидочки, принимала у нас экзамен по одной только ей известной программе, и никто из нас не получил зачет.

На четвертом курсе, перед летней сессией у Лидочки появились остроносые туфельки-шпильки, челку сменила замысловатая взрослая прическа; Виталька видел ее на танцах на чужом этаже. А на последнем семинаре по методам вычислений, в перерыве, она объявила:

— Ребята! Я выхожу замуж.

Каждый из нас растерянно, с отчаянием взглянул на Лидочку, ставшей вдруг чужой; в душе у каждого на миг вспыхнула искра надежды, что Лидочка шутит. Лидочка улыбнулась и уточнила:

— Вы его не знаете. Он физик, аспирант, зовут Валентином.

Лидочкин муж нам очень не понравился. Во-первых, старый: 26 лет; во-вторых, неразговорчивый; в-третьих, командует:

— Лидочка! Не суетись.

И нашу, точнее, теперь уже не нашу, замужнюю, Лидочку на свадьбе было не узнать: и не потому, что красивая, это понятно, и не потому, что невеста, этим тоже не удивишь. Удивительно было другое: он командует, а она слушается и не мигая смотрит на свое сокровище. И кто после этого смеет говорить, что жизнь прекрасна? Удивительна — это точно...

После Лидочкиной свадьбы Сереженька, у которого папа был белый медведь, ударился в изучение санскрита, Хухунашвили снял короткометражный фильм по одному из самых безысходных рассказов Мопассана, Вольдемар связался с дурной компанией, Виталька с горя отправился на биофак, где на тридцать пять девушек приходилось двое парней, и через три недели женился на пышной домовитой блондинке, а я завалил историю математики и остался без стипендии. Лидочка с мужем распределились в «ящик» и уехали.

Недавно случайно встретил ее в Москве, в «Детском мире». Изменилась, конечно. Меня узнала сразу и тут же распорядилась:

— Ты что стоишь? Надо занять очередь за куклами — смотри, какие симпатичные.

Потом улыбнулась и добавила тихо, ласково:

— У меня — внучка...

Ст. Хр.

Любовь

Я опять, опять влюблен. О, боже мой, втрескался, втюрился, вмазался, как мальчишка. О, какая ты чудная! Как в скульптурах Микеланджело нет ничего лишнего, так и в тебе всё совершенно. Я спешу к тебе на свидание и горю желанием видеть тебя, осязать тебя, вдыхать твой запах, ни с чем не сравнимый запах. А когда я ложусь спать, ты снишься мне, родная моя, дорогая моя, любимая. Вчера опять, опять слагал тебе стихи — извини, я не поэт, но это от всего сердца. Я счастлив: ты самое лучшее, самое дорогое, самое желанное, что я приобрел в жизни. Да, ты досталась мне недешево, зато теперь у меня есть ты, чудная моя, дорогая, прекрасная моя, Лада-ладушка... госномер ЮВО 47-27.

Эд. Т. Опрото

В защиту тещ

Будущая бабочка начинает свою карьеру с прожорливой и несимпатичной гусеницы. Будущая теща напротив, начинается с очень даже симпатичной куколки.

Будущей теще надо пройти несколько волшебных превращений. Куколка превращается в школьницу, из школьницы вырастает девица, девица вдруг оказывается невестой, невесту берут в жёны, жена в положенный срок становится мамой, и если у мамы девочка, — то быть этой маме тещей. Бывает, что у мамы не одна, а три девочки, и тогда перед нами будущая трижды теща.

Легко ли быть будущей тещей? Спроса с мальчиковой мамы почти никакого: что получится, то и получится; подрастет мальчик — будет сдан чьей-то девочке с недоделками, как соседний дом номер 16, из которого уже второй месяц ходят к нам новоселы то за холодной, то за горячей водой. Она, чья-то девочка, потом эти недоделки всю жизнь устранять будет, за что

и принято на нее кровно обижаться. Зато девочкиной маме деваться некуда: став тещей, она в положенный срок становится бабушкой, и не почетной, а действующей; у нее и семья, и давление, и работа, и десять лет до пенсии, и куколка от дочери № 1. Потом наступает кое-какая передышка, а после передышки оказывается, что дочь № 2 уходит в декрет в феврале, а № 3 — в марте. А у тещи и хозяйство, и работа, и 5 лет до пенсии, которые, по идее, надо вкалывать, потому что неизвестно, что потом будет почем.

Когда в людном месте вы увидите двух женщин, одну помоложе, другую постарше, чем-то неуловимо — расцветкой ли, походкой ли, общим ли очертанием — повторяющих друг друга, пожелайте мысленно той, что постарше, ни пуха ни пера.

Люди! Берегите ваших тещ!

Ст. Хр.

Когда машины были большими

Первыми программистами в Дубне были три девушки — выпускницы Ленинградского университета Рета Тентюкова, Люда Леднева и Ира Сверчкова. Да будет благословен человек, который надоумил нас в свое время взять магнитофон и постучаться к начальнику сектора ОМОЭД ЛВТА Г. Н. Тентюковой. ОИЯИ готовился встретить свое первое 25-летие, в секторе Тентюковой собирались пить чай, а сама Генриетта Николаевна всё еще напоминала главную героиню фильма «Девчата».

— Ага, голубчики! — сказала она, услышав о цели нашего визита. — Сейчас я вам расскажу!

И мы услышали...

...Нас напугали при распределении: доедете, говорят, до Большой Волги, а там три километра пешком, до деревни Ново-Иваньково. Мы только

спросили: по специальности? По специальности. Больше нас ничего не интересовало. Мы были молоды, и все нам представлялось в романтическом свете.

Доехали поездом до Дмитрова, а там взяли такси. На повороте с Дмитровского шоссе шофер спрашивает: куда дальше? А так как у нас была инструкция дальше идти пешком, мы сказали: всё. Он нас выгрузил, мы спросили, где ГТЛ («Гидротехническая лаборатория», будущая площадка Лаборатория ядерных проблем), и мы «почапали»; хорошо еще, что чемоданы догадались в Дмитрове оставить, в камере хранения.

На Черной речке останавливает нас милиционер: «Девочки, вы куда?» — «На работу». — «А направление у вас есть?». Посмотрел направление и показал, куда идти. А тогда — 1953 год — от Черной речки до отдела кадров сплошь бараки стояли. Мы, конечно, расстроились: город маленький, бараки, колючая проволока... страсти какие!

Поселили нас в общежитии. Первое впечатление на следующий день: институт очень молодой. В основном наши ровесники, или на год-два постарше, да два-три старичка, которым было немного за сорок... Михал Григорьич в их числе.

Привели нас в компанию мальчиков-физиков. Девочки, вы что кончили? Университет кончили. Очень хорошо! Вот вам счетные машинки... И мы считали: они дают нам формулы, а мы считаем. Многозначные числа набираешь, машинка трещит... Да, метод наименьших квадратов в чистом виде. В общем, работа — тихий ужас. Через два месяца мы взбунтовались: для чего мы университет кончали? Дайте нам хоть какого-нибудь научного руководителя! Нам говорят: ищите...

Примерно в это же время Венедикт Петрович сказал: поезжайте в Москву, там есть электронно-счетная машина БЭСМ. А мы в университете только слышали про электронные машины. Первое впечатление, конечно, грандиозное: зал огромный, литературы никакой. Ввод только с пульта.

Был у меня там один знакомый, который знал, как она работает, он меня и научил. На ней я пробовала свою первую программу, с треками. Она тогда, кстати, еще на ртутных линиях задержки работала...

А потом Джелепов сказал: давайте тоже машину покупать. И купили мы «Урал». 100 операций в секунду, память вся на барабане... Да, а перед тем, как покупать, послали меня в Москву на совещание по уточнению окончательной конструкции первой отечественной серийной ЭВМ — Венедикт Петрович меня вместо себя направил. Интересный там был состав: Келдыш, Тихонов, Соболев... Ну и помельче. Это академики — те, кто науку двигают. И были там те, кто сам на машине работал, кандидаты и доктора наук. И разгорелся между ними спор: плавающую запятую делать, или фиксированную? Академики говорят: фиксированную будем делать, машина выйдет компактнее, проще — подумаешь, запрограммировать! А им в ответ: трудно программировать! Спор был яростный. В конце концов, академики победили. Взяли своим авторитетом, сделали фиксированную запятую... Долго мы потом с ней мучились, будь она неладна.

Что такое сто операций в секунду для нашего института? Опять же не самое страшное. Работали мы с перфолентой. Она была тогда, конечно, не такая как сейчас. Она почему-то все время пересыхала — и очень сильно шуршала при перемотке с бобины на бобину. Вот так сидишь на машине ночью, кемаришь (инженер в соседней комнате спит), и вдруг слышишь: зашуршала, голубушка! Господи, только бы не порвалась! Одна мысль... А данные пробивались почему-то на киноленте. И мы всё время боялись, что она загорится.

Но главное, не было никакого математического обеспечения. Нужен мне, например, синус — я его пишу в кодах. Еще раз нужен синус — снова пишу... Я помню, первое, что сказал Говорун, когда пришел: господи, да как вы тут работаете? Ну, работаем... Ну давайте мы хоть какую-нибудь си-

стему элементарную сделаем! Так что он, собственно, первый... Сейчас этого уже никто не помнит; он, наверное, и сам забыл...

Мы уже в составе ЛТФ были, ОИЯИ образовался. Директором ЛТФ был Боголюбов. Он любил ходить в окружении своих учеников: Ширков, Логунов, Поливанов, Медведев... и мы бегали смотреть на свое начальство. Однажды Логунов, он держал связь с нашей расчетной группой, дал мне задание пересчитать результаты из западного журнала на ЭВМ. Задача получилась интересная... Так у нас пошли большие задачи. Следующая, например, заняла 400 часов машинного времени на «Урале».

Ездили мы еще в Москву на «Стреле» считать, эта машина была всё-таки помощнее «Урала». Долгое время ездили все хором, во главе с Говоруном и Игорем Силиным. Каждый со своей колодой. Время нам давали в ночь с воскресенья на понедельник. Выезжали в воскресенье днем, ночь работали, возвращались в понедельник, отсыпались — и на следующий день, с утрачка — на работу. Так продолжалось, пока мы не взбунтовались. Говорун... Ну, вы же знаете, что такое Говорун: он и сам, и никому... Говорун страшно удивился: как? что? вам отгулы нужны? Ну конечно! Где же у нас выходной? Пропал! Да пожалуйста! Ему и в голову не приходило...

Кстати, выдачи на бумагу на «Стреле» не было. На «Урале» хоть распечатку чисел можно было получить, а на «Стреле» вот тебе колода перфокарт, без всякой надпечатки, и изучай перфокарты на свет! У них там автономное устройство для распечатки было, но в воскресенье оно не работало, а в понедельник утром мы уже уезжали. И продолжалось всё это до тех пор, пока мы М-20 не купили...

А, нет, братцы мои, был еще «Киев»! «Киев» — это эпопея! Это что-то такое ужасное было. Он, в общем-то, никогда не работал. Нас с Лидой Нефедьевой усадили за него, писать для него элементарные функции; память была очень ограничена, приходилось экономить каждую ячейку, и вот мы с Лидой изощрались. Но «Киев» так и не заработал, хотя киевляне по-

стоянно его переделывали и просили нас подождать еще десять-пятнадцать минут, и мы сидели на нем все воскресенье. Поэтому мне и появление М-20 нечетко запомнилось, один был свет в окошке, «Киев», долго мы с ним мучились.

Ну вот, купили мы М-20. Уже шестидесятые годы пошли, алгол появился, Лида Нефедьева читала нам первые лекции по алголу. Да, цивилизация началась. Жить стало легче. Но тоже... Время на М-20 распределяла табельщица. Распределяла она так: вот тебе время с 12.02 по 12.04, две минуты. А для учета времени на машине стоял будильник. И мы его все время подкручивали назад. Приходишь на машину, например, в два — а там половина второго, а то и час... Магнитофоны тогда были невзаимозаменяемые, на каком записал, на том и читай, и хорошо, если прочитается. Магнитная лента всё время «убегала» и сматывалась вся за перегородку. В таких случаях надо было встать на скамейку, поймать крючком ленту и быстро намотать ее снова на бобину. Пока бежишь, достаешь и наматываешь — твои две минуты уже прошли...

И к перфораторам нас не допускали. Боялись, что сломаем. Это уже потом Николай Николаевич настоял, когда вернулся из ЦЕРН. Так что если нужно было что-то срочно исправить, летишь в перфораторную, просовываешь голову в окошечко и умоляешь: девочки, ради бога! У меня машина стоит... И сердобольные девочки бросались к перфоратору...

БЭСМ-6... Вы, наверное, не застали первое устройство ввода перфокарт на БЭСМ-6? Сейчас я вам расскажу, как оно работало. Ставишь колоду. Включаешь. Медленно: чух-чух-чух... Вдруг: тра-та-та! «Четыре карты»... Это значит, надо вытащить колоду, отсчитать четыре карты от того, что прошло, поставить в начало оставшейся части колоды — и снова нажать пуск. Валя Никитина рассказывала, что во время какого-то международного совещания, БЭСМ-6 только что ввели, Говорун привел в машинный зал западных иностранцев — похвастаться, какой у нас вычислитель-

ный центр. А Валя, как нарочно, большую колоду поставила. Ну что ты будешь делать! «Четыре карты»... «Четыре карты»... Валя стоит, краснеет. Ну, ничего, иностранцы — народ вежливый: посмотрели, как Валя карты вводит, — и ушли. Валя говорит: я чуть со стыда не сгорела! А что поделаешь? Мы же не виноваты...

Ну, что вам еще рассказать? Дальше вы и сами все знаете!

Первоапрельский «Импульс»

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

Призывы редколлегии «Импульса» к 1 апреля

Смело, товарищи, в НОГУС!
Экспериментальные данные — тем,
кто их обрабатывает!
Обманулся сам — обмани товарища!
Мы придем к победе юмористиче-
ского труда!

1 апреля шагает по стране

(С телетайпной ленты)

В Петропавловске-Камчатском в 6 часов утра уже кого-то надули.

С первыми лучами солнца начали шутить работники Шикотанского рыбоконсервного завода: на всю партию консервов спинки минтая обжаренной в масле была наклеена этикетка «Крабы в собственном соку».

В хорошем смешном ключе начали рабочий день водители автобусного парка города Якутска: ни один из городских автобусов не вышел на линию.

Шутки ради работники Новосибирского привокзального ресторана доказали, что в одной поллитровой бутылке коньяка содержится 800 граммов разбавленной «Старки».

К концу рабочего дня в городе Дубне работники прилавка обманули уже свыше 250 покупателей.

В 21.00 в Могилеве рассмеялся большой начальник.

По предварительным данным к 23.00 на территории СССР было разыграно 98,7 % населения страны.

Поблагодари, газета

Гражданин Поддавалов П. П., пользуясь случаем, приносит искреннюю благодарность работникам городского медвытрезвителя, вернувшим ему утерянный человеческий облик.

Итоги конкурса

1 апреля 1978 редколлегия объявила конкурс на самый короткий пре-принт. Первое место единодушно присуждено Ф. Юнькину за препринт «Все о графах». Приводим работу победителя.

Объединенный институт ядерных исследований	См. /1 – 3/.
Лаборатория вычислительной техники и автоматизации	
Ф. Юнькин ВСЕ О ГРАФАХ Дубна 1978	Литература 1. Яма Токанава, <i>Теория Графов</i> 2. Александр Дюма-отец, <i>Граф Монте-Кристо</i> 3. Аркадий Гайдар, <i>На Графских развалинах</i>

Повестка

Старшему лейтенанту В. П. Гердту прибыть в Дубненский горвоенкомат 1 апреля 1984 года к 9.00 с полной аналитической выкладкой.

Популярный персонаж и автор «Импульса», начальник отдела НИОМУРА и. о. профессора товарищ И. В. Сидисидзе известен моделью нового алгоритмического языка POMELO (Program Oriented Meta-Language Own); наша Лаборатория обязана ему изобретением электронных штанов для автоматического учета рабочего времени; крупным вкладом в мировую науку стал разработанный им научно-терминологический аппарат.

Новый понятийный аппарат в области программирования и вычислительной техники

Язык отечественного программирования и вычислительной техники захлестнула мутная волна западной терминологии. Нами разработан оригинальный понятийный аппарат на образной основе, доступный пониманию самого широкого круга лиц. В настоящее время проводятся опыты над животными.

И. о. проф. И. В. Сидисидзе

Говорят	Следует говорить
Центральный процессор	Считало
Оперативная память	Запоминало
Дисковая память	Крутило-запоминало
Клавиатура	Нажимало
Курсор	Моргало
Перфоратор	Жевало
Графопостроитель	Рисовало
Пользователь	Ходило-приставало
Оператор	Ходило-рассыпало
Операционная система	Зависало
Диалоговая система	Вылетало

Рассказы об ученых

Ученый в горах

Однажды кандидат физико-математических наук Б. С. Гетманов, гуляя по Кавказу, встретил на узкой горной тропе шестерых баранов. «Не разойтись», — подумали бараны и предложили ученому найти решение этой любопытной задачи. Борис Сергеевич достал Перельмана, которого всегда носил в портфеле вместе с пивом, быстро нашел решение и, разбежавшись, прыгнул. В полете он вспомнил про пиво, которого у Перельмана не было, и с криком: «А-а-а-а!» — не долетев до пятого барана, рухнул в Алазанскую долину. А что бы вы крикнули на его месте?

Волна Маха

Однажды профессор Таджикского университета В. Г. Маханьков плыл по реке Сестре на лодке, которую тянули по берегу два мерина. Вдруг что-то испугало животных, и они остановились, от чего родилась уединенная волна, названная впоследствии солитоном.

Ученый секретарь А. Б. Швачка проскакал верхом на лошади несколько верст за солитоном, пока тот окончательно не рассеялся при впадении в Дубну-реку.

Это явление получило широкую известность в научном мире как волна Маха.

Рождение метода

Однажды профессор Жидков удобно устроился под яблоней с яблоками, а старший научный сотрудник Пузынин забрался наверх и принялся непрерывно трясти яблоневое дерево. Так родился непрерывный аналог метода Ньютона.

Ученая ворона

Однажды, когда известный специалист по лиспу В. А. Ростовцев размышлял над проблемами связанных списков, к нему в рабочий кабинет влетела ворона. Будучи в добром расположении духа, Виталий Александрович обратился к пернатой гостье с вопросом:

— А скажи-ка мне, брат, вот что: как называется функция, возвращающая первый элемент списка?

— Кар! — каркнула ворона.

Правильный ответ умной птицы так поразил Виталия Александровича, что он тут же сел писать статью в журнал «Мир лиспа», но, не закончив ее, переключился на другие дела и о своем намерении, а также обо всей этой истории начисто забыл.

Эхо Ростовцева

— Кар! — крикнул однажды В. А. Ростовцев, высунувшись в окно, видя, как его товарищи по программированию и обработке экспериментальных данных переезжают в новый корпус, а он остается.

— Кэ-дэ-эр! — отозвалось эхо.

А что бы вы крикнули на месте В. А. Ростовцева?

Please login

Однажды пользователь Ж. Мусульманбеков сел за терминал и включил питание. «PLEASE LOGIN» — отозвалась диалоговая система. «PLEASE LOGIN» — набрал воспитанный Женис: только после Вас. В ответ система обругала его инвалидом. А что бы вы набрали на месте Жениса?

Сто лет работы на АЭЛТ-1

На системе за период 1873–78 гг. измерено около 250 тыс. событий, по результатам обработки получены новые физические данные.

Из препринта

Мы попросили рассказать об этом В. Н. Шкунденкова подробнее.

«Сначала, особенно в конце прошлого века, работать было тяжело, — признался Владимир Ни-

колаевич. — С трудом снимали одно-два события в год. Работали на керосиновых лампах, события регистрировали на дагерротипах. Луч приходилось сканировать вручную, данные обрабатывали на арифмометрах. О диалоге с ЭВМ не могло быть и речи. Даже не знаю, что бы мы делали, если бы на помощь не пришла научно-техническая революция».

«Вы упомянули о новых физических данных. Что Вы имели в виду?»

«Ну, как же! Открытие радиоактивности, модель атома, расщепление атомного ядра...»

Доска объявлений

Вниманию пользователей

В связи с резким потеплением вышел из строя старший математик БЭСМ-6 Геннадий Мазный.

После подорожания шоколадных изделий участились случаи угощения операторов карамелью «Фруктовая» (по цене 1 руб. 37 коп. за кг). Предупреждаю, что задачи таких пользователей будут считаться только в резервное время.

Нач. НИОРЭМО В. П. Шириков

При выпуске данного номера два литсотрудника обнаружили, что ими утрачено чувство юмора. Нашедших просим сообщить В. П. Ширикову или А. А. Корнейчуку.

За беспримерное мужество и героизм, проявленные А. И. Салтыковым, продержавшимся в холостяцком состоянии 39 лет 8 месяцев 12 дней, установить бюст героя на его родине, в г. Ярославле.

(Из Указа Президиума Совета министров СССР)

При переезде в новый корпус утеряна диссертация. Отличительные черты: принципиальность, актуальность, научная новизна. Нашедшего просьба позвонить Г. Л. Мазному.

Приходите, тараканы,
я вас чаем угощу.

Санэпидемстанция

- Читаю и перевожу мысли на расстоянии со словарем.
 - Игоря Силина просят ответить через газету: «А ты кто такой?»
 - Лужу, паяю, ЭВМ починяю. Нач. НИОВТ Б. А. Безруков
 - Обнаружено, что Г. А. Емельяненко является членом редколлегии.
- Желающие могут забрать.
- Надуваю шарики от шариковых авторучек.

- Сектор Маханькова начинает фотопробы на роль в новом научно-художественном фильме о солитонах. Звонить по тел. 64-015.

В Верховном совете СССР

За многолетнюю и многогранную деятельность в области компьютерной алгебры присвоить Виталию Александровичу Ростовцеву звание народный научный сотрудник СССР.

Из дневника фенолога

Весной нас неудержимо тянет в лес. Но часто ли мы задумываемся о том, что лесные прогулки могут принести не только бодрость и свежесть, но и серьезные неприятности? Ведь в это время, проснувшись от зимней спячки, по лесу бродят хмурые отощавшие медведи.

Поэтический коктейль

Зарплата выглядит приличной,
Когда в системе восьмеричной.

Эй, ты, физик странный!
Изучи язык фортранный!

Не хочешь портить биографию?
Тогда пройди флюорографию.

Не ходи на CDC,
Лучше пива принеси.

Из кустов раздался стон,
Елки-палки, солитон.

Не гуляйте, девки, в лес,
Изучайте ОС ЕС!

На работе не заснул —
Подо мной сломался стул.
Не засну теперь всё лето,
Спасибо Злобину за это.

«Плохая семантика, — ворчал транслятор, обрабатывая программу, —
но каков синтаксис!»

Скажи мне, кто я, и я-то уж тебе скажу, кто ты!

Коротко о главном

Навстречу конференции

Сообщение о предстоящей конференции в Карловых Варах породило мощную волну публикаций в отделе вычислительной математики.

В мире науки

С проектом нового алгоритмического языка выступил на семинаре НИОРЭМО А. Хошенко. Эту работу ученый выполнил на сэкономленных от основной производственной деятельности мозгах.

За строкой темплана

Большая работа по переносу системы обработки спектров с БЭСМ-6 на ЕС-1060 проведена в секторе Л. С. Нефедьевой. В общей сложности сотрудниками сектора перенесено свыше пятнадцати пудов перфокарт.

Светская хроника

Один из членов редколлегии «Импульс» с дружественным визитом посетил Ленинград. В честь высокого гостя в Оперном давали «Мазепу».

Хотя заметка и не напечатана

Наш постоянный недоброжелатель В. Иванов (см. его заметку «Почему я перестал уважать «Импульс» от 1 апреля 1977 года) опять недоволен. На этот раз — деятельностью Общества охраны природы, руководимого бывшим редактором «Импульса» Э. В. Шараповой. Прикрывшись вымышленной фамилией писателя В. Конецкого, якобы написавшего роман-странствие (хотя известно, что такого быть не может: роман есть роман, а странствие есть странствие) и вложив свои рассуждения в уста малограмотного члена Общества охраны природы, В. Иванов пытается бросить тень на Движение в целом. Наш специальный корреспондент, расследовавший очередной выпад В. Иванова, установил, что за последнее время в Обществе охраны природы случаев пропажи калош не было. Напротив, выяснилось, что упомянутый выше В. Иванов отказался нести патрульную службу в лесу по месту жительства, хотя всё равно прогуливает в указанном лесу свою личную собаку по кличке Пурцель.

Редколлегия

Антиалкогольная рубрика

Вот пристали: Коль да Коль,
Брось ты этот алкоголь...
Всё равно его не брошу,
Потому что он хороший.

Коля! Беги в магазин «Заречный»!
Там продают лосьон «Огуречный»!

Не послать ли нам Егора
За бутылочкой кагора?

Если ты напился в стельку,
Поскорей ложись в постельку

Приходит пятница, я снова пьяный в дым...
Ну, как тут будешь вечно молодым?

Уголок поэзии

Залежавшийся батон —
Это тоже солитон:
При любых соудареньях
Сохраняет форму он.

* * *

Всем известна мощь его:
Целый сектор Барашенкова
Весит меньше одного
Полушария Хошенкова.

* * *

Научно-техническая революция!
Воображенье представить силится:
Сколько людей в нее вольются?
Во что-то всё это выльется...

* * *

Ну вот и всё. Прощай, наука!
Декан вручает мне диплом...
Казалось бы, простая штука —
А вдруг повеяло теплом.

Али Гофрен

Я человек, венец творенья,
А не какой-нибудь барбос;
Вот я пишу стихотворенье —
И сам растрогался до слез.

Подумать только, все причины,
Все следствия доступны мне!
Трепещут предо мной скотины!

* * *

Пришла весна.
Весне мы рады.
Проснулся лес...
Проснулись гады!

«Импульс» ко Дню печати

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

5 мая — День печати

От души благодарим
в эту пятницу
Наших опусов
первопечатницу!

Для тех, кто бдит

От некоторых наших читателей приходится иной раз слышать, что материалы «Импульса» как-то где-то что-то им смутно напоминают. Следовательно, что мы на верном пути. Ибо история человеческой мысли учит, что действительно великие идеи рождаются дважды, трижды и большее число раз.

Коллегам из ОНМУ,

чей «Адгезатор» обошел «Импульс» на конкурсе стенгазет

На лугу паслись бычки.
Летом было это.
Расстилалась на лугу
ОНМУ газета.

Чтоб газету почитать?
Экое чудачество!
Дружно чавкали бычки,
Отмечали качество.

Рядом мы траву косили.
Мы, не выдержав, спросили:
«Как газета ОНМУ?»
И бычки сказали: «Му!»

Сны Владислава Павловича

Сон первый

Забылся я малость, словно в черную дыру провалился, вдруг слышу голос Михал Григорьича:

— Владислав Павлович! тут у нас вся дирекция кто в отпусках, кто в командировках... Я тоже на днях в отпуск ухожу. Придется вам, Владислав Павлович, на время возглавить лабораторию!

— Какие у меня будут полномочия? — встал я.

— Чрезвычайные, Владислав Павлович, чрезвычайные!!! Вплоть до исправления отдельных пунктов темплана!

Я аж задрожал весь. Ну, думаю, сейчас дополню! САЙБЕР заказать — раз, АСУ с ЕС-1060 снять — два, тему параллельных разработок закрыть — три...

И тут звонит Валентина Семеновна и сообщает, что член дирекции Швачка на несколько дней раньше вернулся из Краснодара...

Сон второй

Меня растолкала Ширикова:

— Слава, проснись! В старом корпусе ляповцы БЭСМ-6 демонтируют!

Я мигом вскочил с постели и, в чем был, выскочил на улицу. Пикет бэсмачей уже изнемогал... Моча направо и налево, отчаянно рубился Си-лин, Мазный пытался сохранить лицо перед защитой диссертации, но всё равно дрался очень смело, Сапожников стучал Михал Григорьича — своего однофамильца из ЛЯПа — коломенским интерфейсом по голове, но положение было критическое, и ляповцы уже орудовали на периферии...

Прикрыв глаза на происходящее, в стороне стоял Говорун, рядом сочувственно качал головой директор. Недолго думая, я ворвался в тыл неприятеля.

— Шириков! Шириков! — раздались ликующие возгласы; бэсмачи воспрянули духом, ряды физиков дрогнули, и Левчановский уже добивал их микропроцессорами...

— Виктория! — не своим голосом закричал я, и тут меня опять разбудила Ширикова. Пришлось ей потом долго доказывать, что виктория — это по латыни победа.

Сон третий

Заходит ко мне будто бы Макаров и говорит:

— Слушай, Шириков, кончай свои фамильярные рассказы писать! Сегодня ты секретаря партийной организации Колей назовешь, завтра — меня Игорьком... Я не хотел бы, чтоб такие материалы фигурировали в открытой печати! Я, конечно, понимаю, что рассказ — это не приказ: тут и юмор можно, и сатиру, и художественные образы разные. Но должностное лицо надо всё-таки с уважением подавать! Каждый раз должность, может быть, упоминать не надо, но по имени-отчеству обязательно!

Слушаю я его и как будто начинаю понимать. Я ведь раньше париться в бане любил, с веничком, а как мне отдел доверили, неудобно стало перед подчиненными без мундира появляться.

— Ты уж извини, что я тебя так запросто, пиши, конечно, но грань, Палыч, грань...

— Да я понимаю, Макарыч, — говорю.

Он тут же лицо подобрал.

— Сводили бы вы, товарищ Шириков, своих людей в тир пострелять. Видите, какая сложная международная обстановка!

И тут сирена завывала, я уже в окопчике, а рядом со мной — макарка-пулемет.

— Першинги! — закричал Макаров и достал пистолет. Я вспомнил нормы ГТО, Злобина, схватил гранату, размахнулся и... слышу:

— Владислав Павлович, вы — «за»?

Открыл глаза, вижу — рука у меня вверх поднята.

— По-видимому, да, Михал Григорьич, — говорю.

Четвертый сон

Приснилось мне, что я директор. Иду по лаборатории с обходом, а Игорь Силин машинный зал показывает:

— ЕС-1060. 19-й век. Действующая...

С благоговением осматриваю, восторгаюсь архитектурными излишествами. И обо всём расспрашиваю, во всё вхожу, хотя всё прекрасно знаю, но делаю вид, что не знаю, потому как по должности не положено. А Игорь подробно всё объясняет, просто на удивление, прелесть! Так в хорошем настроении и проснулся.

По мотивам Эд. Т. Опрото

Егор бежал трезво. Дыхание его лишь слегка участилось.

Он бежал, а в его большой породистой голове одна за другой роились мысли: «В первом уже не дадут, надо бежать в «Волгу»... Нет, мне чужда

эта городская жизнь с ее беготней, неуверенностью в завтрашнем дне, руганью дружинников». Он вспомнил родную Макаровку, тихие зори ... тетю Дусю, которая выносила ему самогон в любое время суток ... и слезы наворачивались ему на глаза, но нужно было бежать. Квартал, еще квартал, только бы не упасть, подумал Егор...

Продавщица винно-водочного отдела смерила Егора взглядом с головы до ног и сказала, дыша «Кавказом»: «Ишь ты, запыхался как, ровно мерин. В последний раз продаю тебе, Егор, четвертинку в такое время. Пои тут всяких остолопов, а потом за нарушение норм советской торговли привлекут».

Из творческого гаража Занина

Александр Занин, бывший выпускник МИФИ, поэт и дуэлянт, сидел перед пишущей машинкой в своем гараже. Слово, смутившее его, было «грудь». «С мягким или с твердым знаком? — размышлял он. — С мягким или с твердым? Поэзия... Та же добыча радия!»

Занин вздохнул, почесал «репу» и, закурив, вспомнил, как прошлым летом ездил на своем «Запорожце» отдыхать на побережье Московского моря. Бензину хватило только до Большой Волги, дальше автомобиль пришлось толкать самому... Особенно тяжело оказалось после туннеля. Зато потом! Пляж, девушки... Картина, волновавшая воображение поэта, снова проплыла перед глазами.

«Напишу во множественном числе!» — решил Занин, раздавил окурок и весело застучал по клавишам пишущей машинки.

В. Дображелон

Пора на пенсию!

Поэт в запасе, а ныне профморж Геннадий Леонидович Мазный строчил очередную заметку в газету «Дубна». Привыкшее к рифмам перо шалило и пыталось передавать серьезные мысли Геннадия Леонидовича несерьезными словами; Геннадий Леонидович морщился, ел вегетарианскую пищу, бегал вокруг города на 10 км, сидел в холодильнике, примерял вериги... но своенравное перо рисовало на полях женский профиль. Геннадий Леонидович в сердцах бросал перо и покорно лез в холодильник, но на полях по-прежнему появлялся профиль; когда их стала чертова дюжина, Геннадий Леонидович уронил слезу на волосатую грудь, позвонил по телефону Мусульманбекову, Ужинскому, Корнейчуку, Расторгуеву, Мазепе, Попову... После этого он отправился в Дом Ученых, съел 8 кг мороженого и твердо решил: «Пора на пенсию!»

* * *

Как-то вечером Анатолий Андреевич Корнейчук, рассказав своим многочисленным детям вместо сказки о структурном диалекте Фортрана, сказал жене, что на работе его ожидает Федор Янович Дзержинский, украдкой сунул в портфель рукопись рассказа для «Импюльса» и торопливо побежал на работу. По дороге он повстречал бегущих Мазного, Кавченко, Ершова, Мазепу, Ширикова, ехавшего на велосипеде Мусульманбекова, торопливо идущего и почесывающего бороду Хошенко — маститые литераторы для конспирации делали вид, что они почти незнакомы друг с другом. До выпуска газеты оставалось 5 мин. 22 с. Корнейчук пристроился к группе и на ходу обменялся портфелями с тогда еще редактором Мусульманбековым.

«Теперь-то не забракует! — пронеслось в голове у Анатолия Андреевича. — Времени нету». И Корнейчук потихоньку отстал, повернулся и спокойно пошел домой. Настроение у него было отменное. Придя домой,

Анатолий Андреевич увидел на экране телевизора Жениса Мусульманбекова. Редактор встряхивал волосами, тер глаза, громко смеялся и знаками показывал Анатолию Андреевичу, чтобы он открыл портфель. В портфеле оказалась разгромная рецензия на рассказ. Анатолий Андреевич переключил телевизор на другую программу и решил: «Пора на пенсию!»

* * *

Саша Расторгуев, специалист по аналитическим выкладкам из сектора Нефедьевой, сидел перед открытым окном и глубоко дышал. Все, что у него было, он уже давно выложил. Темнело. Поцелкав ножницами, Саша согнал с лица пятна здорового румянца и, почему-то оглянувшись, с независимым видом направился к выходу. Под покровом темноты он благополучно достиг второго этажа здания ЛВТА, где на обычном месте висел очередной номер стенгазеты «Импульс».

— Хм, висит, — сказал сам себе Саша. — Меня нету в редколлегии, а он висит. Ну-ну. Счас посмотрим, кто тут чего. Ага, стихи... Не пойму чего-то... Разве еще раз прочитать. Да... и пародировать-то не надо. Уже само по себе пародия. Так и отмечу. А это что? Рассказ. Ну и язык, ну и стиль. Таким стилем только смертные приговоры писать. На заметочку возьмем. А общее впечатление? Швабра, а не газета. А-атлично!

Саша еще раз окинул взглядом «Импульс» и вернулся к себе. Пренебрегая обязанностями мужа и отца, он всю ночь писал пародии и хохотал. Он представлял себе кислые лица авторов, их кривые и неискренние улыбки — торжествовал. Утро подкралось незаметно. Резкий звонок телефона вернул Сашу в реальный мир, и негодующий голос Нефедьевой отдельно и четко ворвался в гулкую тишину комнаты.

— Саша! Я осмотрела все ящики Вашего стола и не нашла программу UREAD! Одни пародии! Кошмар!

Потрясенный Саша опустил на стул и решил: «Пора на пенсию!»

* * *

Евгений Мазепа, бывший

- беллетрист,
- либретист,
- сценарист,
- член ВЛКСМ,
- преподаватель МИРЭА,
- артист МХАТа,
- инженер,

а также друг известного специалиста в области искусственного интеллекта, бывшего сотрудника ОИЯИ Михаила Харьюзова, примерил фуражку младшего научного сотрудника, залез в гамак, изготовленный из обрывков бывших вычислительных сетей иностранного и отечественного производства, снял ботинки, закрыл глаза и стал сочинять дружеские пасквили на литсотрудников «Импульса», посвященные Дню печати.

...Отыскав истоки гуманизма новой прозы Хошенко, Евгений жадно приник к ним. Небесная Нежная Дама в Чулках на босу ногу и Юбке Святой тихо приблизилась к нему, но Евгений даже не заметил ее; Дама обиделась и ушла обсудить некоторые вопросы с Мазным, нетерпеливо ожидавшим ее на берегу небольшой, уютной проруби.

— Ну, сколько можно! — возмущались другие литсотрудники; образовалась даже очередь; все спешили и переругивались: у Ширикова срывались переговоры с австрийцами и западными немцами, Занин опаздывал на хоккей, а Корнейчуку звонила жена и грозилась не пустить в дом.

Наконец, Евгений ощутил приятную свежесть и бодрость во всем теле, открыл глаза и увидел, что в списке претендентов на дружеские пасквили против его фамилии стоит жирный минус.

— Да-а... — подумал Евгений, растерявшись первый раз в жизни. — Пора на пенсию!

* * *

Боец отдела ОМОЭД кандидат физ.-мат. наук Александр Кавченко, известный друзьям под именем Шурхен, подобрав ноги под стул и покусывая кончик шариковой ручки, дописывал «Святую простоту».

Шел четвертый час утра. Конец был совсем слабый...

На огонек заглянул Женис Мусульманбеков.

Женис встряхивал волосами, тер глаза, читал «Святую простоту» и не к месту хохотал.

— Конец надо усилить! — сказал Женис, встряхнул последний раз волосами и ушел навестить остальных членов редколлегии.

Саша снял с полки томик Чехова, нашел нужное место, усилил конец и подумал: «Пора на пенсию!»

* * *

После того как редактор ушел, у Владислава Павловича разболелась голова. Задание было не из легких. «Женщины... бабы... — размышлял он. — С какой бы стороны их на этот раз? Женщина – кандидат наук? Было. Женщина – мать? Не поймут, обидятся...». Владислав Павлович тяжело вздохнул и стал механически перебирать бумаги. Взгляд его упал на приглашение из Женевы поработать в ЦЕРНе. «Может быть, махнуть на годик-другой?» — мелькнула трусливая мысль. Он тут же ее отбросил: «Нет, это недостойно мужчины!»

Владислав Павлович встал, прошелся по комнате. «А я в этом рассказе буду? — начал он с другого конца. — Пожалуй... Да-да, конечно, буду, ведь рассказ будет от первого лица! Кто у меня из первоочередников? Астахов свой, он стерпит... Может быть, доктора Сердюкову включить? Помнится, ей понравилось, особенно про водку... Маханькова не надо, он грозился

сделать морду под цвет маренго, Влада тоже, пусть передохнет...» Когда кворум персонажей будущего рассказа набрался, Владислав Павлович выпрямил грудь и с удовольствием произнес:

— Ай да Шириков! Ай да сукин сын! Пусть теперь кто-нибудь посмеет сказать, что мне пора на пенсию!

Распоряжение по редколлегии

Ввиду того, что произведения литсотрудников неразличимы по стилю, впредь рядом с печатным текстом помещать рукопись, чтобы их можно было отличить хотя бы по почерку.

Редактор

Осенний «Импульс»

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

Распоряжение по ОИЯИ

На период сельскохозяйственных работ в подшефном совхозе «Талдом» Совет молодых ученых и специалистов переименовать в Сельсовет молодых ученых и специалистов.

Не плачь, девчонка

— Это что же такое, — сказала Лиза Каданцева, купившая сапоги, выброшенные на Площадке, — теперь все будут ходить в таких же сапогах, как и я?

Не плачь, бедная Лиза! В армии все ходят в одинаковых. А какой боевой дух!

Из дневника фенолога

Осень навевает на нас светлую печаль. По длинным пустынным огородам носятся куры, хлопая крыльями, пытаюсь взлететь; помня смутно, что когда-то они в это время улетали на юг.

Второе посещение с Альдебарана

Разрезая плотные слои безвоздушного пространства, летающая тарелка стремительно приближалась к Солнечной системе. Ее лихо вел молодой

гуманоид из созвездия Альдебарана, стажер-исследователь, без пяти минут кандидат космических наук.

Перед поясом астероидов он притормозил, на малой скорости прошел мимо четвертой планеты, с любопытством рассматривая ее в иллюминатор, и остановил свой выбор на третьей. Покружив над поверхностью, он заметил признаки жизни и пошел на снижение...

На капустном поле копошились представители местной фауны. Смысл их деятельности для молодого гуманоида оставался неясен. Стажер-исследователь включил прибор для измерения производительности труда. «0.00000001», — обозначилось на табло. «Государственное рабовладение, — безошибочно определил стажер. — В крайнем случае — зачатки феодализма. Впрочем... Первобытнообщинный?» Далее по инструкции следовало определить средний интеллектуальный уровень. Брови стажера вместе со стрелкой прибора поползли вверх. Он взялся определять уровень знаний, и снова его удивлению не было границ. А они не так глупы, с симпатией подумал гуманоид. Странно, что у этих интеллектуалов такие примитивные орудия труда. Тут есть над чем поразмыслить!

Тем временем аборигены, побросав работу, направились к тарелке. Складывалось впечатление, что Космические Контакты для них не редкость, и стажер-исследователь включил анализатор речи.

— Как вы решаете проблему невылетания кварков?

— Как влияют солитонные системы на динамические свойства возбужденной материи?

Гуманоид почувствовал себя явно не в своей тарелке... Да, на таком материале диссертацию не сделаешь! Эх, надо было выбирать красный гигант ЕС1060! Он прыгнул в кабину, задрал люк, и тарелка стремительно взмыла вверх...

...А сотрудники Объединенного института ядерных исследований, проводив взглядами возносящуюся в небеса летающую тарелку, вернулись к сво-

им мешкам, но еще долго не могли сосредоточиться на шефской работе и продолжали обсуждать увиденное. Впрочем, возиться с капустой в этот день долго не пришлось. Смена закончилась хорошим очистительным дождем.

Пол Буханьски

Мы роем траншею

Идея

Погода благоприятствовала. Я смотрел в окно и размышлял: «Не сходить ли на строительство 134 корпуса? Давно не работал физически».

— Хотите? — уловил ход моих мыслей председатель цехкома А. Абдурахимов, также смотревший в окно. — С понедельника.

Не прошло и двух часов, как вместе с нами захотели пойти Гоман, Иванов, Бадалян и даже Мусульманбеков, хотя он и вовсе не из нашего отдела.

Фронт работы

— Вот тебе рабочая сила, — сказал Петр Семеныч, представитель Лаборатории на стройке, мастеру Сереже.

— А что я с ней буду делать? — удивился тот.

— Ну, дорогой! — сказал Петр Семеныч.

— Ага! — понял мастер Сережа и тут же нашел, что нам делать.

Зал для САЙБЕРа

Хотелось посмотреть на новое здание изнутри, в особенности на зал для САЙБЕРа, который отделявают чехи. После долгих блужданий мы наконец нашли этот зал. Ничего особенного. Вдоль стены — длинный ряд пустых бутылок из-под пльзенского.

— Вероятно, оговорено контрактом, — со значительным видом сказал Гоман.

Физика вокруг нас

— Перекур, — объявил Абдурахимов. Все побросали лопаты и вылезли из траншеи, а Владилен Германович замешкался.

— Траншея кривая получилась, — сказал Бадалян. Владилен Германович стоял как раз в точке перегиба. Жениса осенило:

— Это Иванов ее искривляет своей массой! Согласно общей теории относительности.

— Это какой такой массой! — возмутился Иванов и стал выбираться из траншеи.

— Позвольте, я вам помогу, ха-ха-ха! — галантно протянул ему руку Женис. — А то вы не очень элегантно вылезаете.

Владилен Германович в сдержанных выражениях отказался. Все с интересом ждали, что будет. Гениальная догадка Жениса не подтвердилась: траншея осталась такой же кривой, как и прежде, когда в ней был Владилен Германович.

Петр Семеныч сердится

— Дороете до здания, а потом пройдете вдоль здания еще 30 метров, — определил объем работы Петр Семеныч. Мы дорыли до здания, собрали инструмент и пошли домой. По пути нам повстречался Петр Семеныч. Увидев нас, он нахмурился.

— Почему недовыполнили задание, товарищ Абдурахимов?

— Почему недовыполнили? Выполнили и даже перевыполнили. Всё как вы сказали: дорыли до здания, а потом прошли вдоль него 30 метров туда и даже обратно!

Послесловие

Неделя пролетела незаметно. На наше место пришли другие отделы. Теперь мы перепрыгиваем по два раза в день через труд наших коллектив-

ных усилий. Перепрыгивая как-то раз, я случайно взглянул вниз. Из траншеи на меня смотрели умные глаза доктора физико-математических наук Маханькова...

Спецкор А. Расторгуев

Инженер

Слово инженер означает в переводе изобретательный человек. История помнит имена многих инженеров: П. Н. Яблочков (изобрел свечу Яблочкова), А. М. Лодыгин (изобрел лампу накаливания), Т. Алва Эдисон (придумал фонограф и проч.), Р. Дизель (создал дизель), А. С. Попов (изобрел радио), Л. да Винчи (спроектировал птицеподобный и ткацкий станки, пушки с разрывными снарядами и резьбовое соединение), Дж. Стефенсон (улучшил паровоз), Б. С. Якоби (создал электромотор и придумал гальванопластику), Д. Уатт (увеличил власть человека над природой), Иван Иванович Ползунов (необозримый список изобретений). Нелегко жилось инженерам-пионерам. Т. Алва Эдисон, например, зарабатывал на хлеб, продавая в поездах газеты, А. С. Попов сотрудничал в художественных журналах, Дж. Стефенсон был погонщиком лошадей, а Л. да Винчи подмалчивал оформителем капелл. Родители корифеев хотели, чтобы те были архитекторами (как Якоби), офицерами (как Яблочков), или священниками (как Попов), а вовсе не инженерами. Нравы старого мира порождали конкуренцию на скрещивающихся путях творческих замыслов (что привело к тому, что Алва Эдисон украл идею у А. М. Лодыгина, а итальянец Маркони продал радио Попова за 10 млн., а тому не на что было содержать лабораторию). Но

именно в преодолении жизненных трудностей классики обретали широту инженерных взглядов.

По-иному сложилась судьба инженера Шпулькина. В то время, когда нужно было пасти скот или торговать вразнос, Шпулькин ходил в школу. Затем недалёковидные родители не отдали его сразу в ПТУ, а определили в МГУ, в результате чего Шпулькин пополнил список жертв узкой специализации.

Нелегко теперь Шпулькину работать в нашем институте. Но он заполняет пробелы в своем образовании согласно классической схемы. Пару месяцев в году Шпулькин проводит в колхозе, размышляя над просчетом Дж. Стефенсона, Усовершенствовавшего паровоз, а не картофелеуборочный комбайн. Зимой он практически осваивает строительное дело, подражая И. И. Ползунову. Всё остальное время он проводит в своем рабочем кабинете, наблюдая за полетом птиц, как это делал Леонардо да Винчи. «Незаменимый работник» — так охарактеризовал неутомимого эдисоновца его научный руководитель.

Но кое-что беспокоит инженера Шпулькина. Его коллеги не очень-то стремятся расширить узкие границы профессиональных познаний, ссылаясь на состояние здоровья и семейные обстоятельства. А вопрос о том, вписывается ли разгрузка мясных туш в ОРСе и развозка пива по магазинам в классическую схему инженерной подготовки, не дает ему покоя.

И всё чаще он спрашивает себя, что случилось бы со Стефенсоном, не поработай он в юности погонщиком лошадей на подъемном вороте.

Р. Арбузов-младший

Указ Совета министров СССР

За большие достижения в деле строительства «Имппульса», хороший вкус, выдержанность и крепость, а также в связи со 175-летием добровольного присоединения Северного Казахстана к России переименовать казахстанский коньяк «Женис» в «Женис Жумкенович» с присвоением ему внеочередной звездочки.

Из дневника фенолога

В конце ноября, когда проходят партийные и профсоюзные конференции, в городе хорошо пахнет цитрусовыми.

Картошка-79

Антиматерия любви!
Кормилица Нечерноземья...
Не станут атомы твои
Бутылкой кашинского зелья.

Мы их отыщем под дождем —
Пусть туч рыдают солитоны! —
И, прокалив святым огнем,
Съедим с огурчиком зеленым.

Ст. Хр.

Спецвыпуск 17 сентября 1980 года

*Орган дирекции, партийной, профсоюзной
и комсомольской организаций ЛВТА*

Ходатайство

Редактору стенгазеты «Импульс»
тов. Ж. Ж. Мусульманбекову

Ходатайство

Просим принять в состав редколлегии стенгазеты «Импульс» директора ЛВТА т. Мещерякова Михаила Григорьевича по случаю его юбилея. Характеристика-представление прилагается.

Треугольник ЛВТА

Характеристика-представление

*директора Лаборатории вычислительной техники и автоматизации
Объединенного института ядерных исследований
члена-корреспондента АН СССР,
профессора МЕЩЕРЯКОВА Михаила Григорьевича*

Мещеряков М. Г. поступил в ЛВТА в 1966 году на должность директора. С 1968 года совместно с Н. Н. Говоруном занимается применением быстродействующих ЭВМ в физических исследованиях. Изучив поляризационные эффекты в неупругих p - p взаимодействиях при 669 МэВ, он проектирует оптико-механическую часть «Спирального измерителя» и затем совместно с В. С. Барашенковым подводит некоторые итоги в тенденции дальнейшего развития физики элементарных частиц. Затем он участвует в создании установки для скоростной автоматической обработки снимков и большой стримерной камеры. В 1970 году совместно с В. С. Барашенковым он обнаруживает, что в физике высоких энергий наблюдается прогресс.

Продолжая исследовать поляризационные эффекты, М. Г. Мещеряков развивает и совершенствует «Спиральный измеритель». Ему совместно с В. Я. Алмазовым и другими приходит в голову блестящая идея: поставить большие просмотрные столы на линию с маленькой ЭВМ ТРА.

Настоящую сенсацию на конференции в Оксфорде в 1974 году произвело сообщение о том, что в ОИЯИ запущен автомат АЭЛТ-1 на катодно-лучевой трубке отечественного производства, созданный А. Д. Злобиным, М. Г. Мещеряковым и др.

Развитие науки поставило перед Б. С. Гетмановым, В. Г. Маханьковым и М. Г. Мещеряковым острую проблему, связанную с нелинейными эффектами в теории продольной неустойчивости релятивистских электронных

колец. Ее удалось решить в 1975 году. К этому моменту установка СКМ-200 была уже облучена в пучке альфа-частиц с импульсом 17 ГэВ/с.

Последние годы работы М. Г. Мещерякова в ЛВТА связаны с новыми крупными достижениями: автомат АЭЛТ-1 стал обрабатывать полетную информацию в большом количестве; определились основные направления в развитии центрального вычислительного комплекса ОИЯИ; появился измерительный проектор БПС-75; возникли перспективы и возможности прикладных применений сканирующих устройств «Спиральный измеритель» для обработки графической информации.

За время работы в ЛВТА М. Г. Мещеряков показал себя целенаправленным, но разносторонним специалистом, проявляющим чувство юмора как в выборе направления исследований, так и в формулировке полученных результатов.

Строит с 1970 года новый корпус ЛВТА.

В быту скромн, с дамами галантен. Непритязателен, пьет только коньяк, курил только сигары.

Морально устойчив. Непревзойденный тамада. Член ОСВОД с момента его основания.

Свободное от работы время посвящает чтению подборки материалов из «Импульса».

Имеет двух внуков, лауреат конкурсов «Дедушка-72», «Дедушка-73»; дважды лауреат конкурсов «Дедушка-74», «Дедушка-75», ..., «Дедушка-80».

Приказ по редколлегии «Импурса»

1. Избрать М. Г. Мещерякова почетным членом.
2. Возложить на М. Г. Мещерякова обязанности почетного секретаря, почетного литсотрудника, почетного художника, почетного фотографа и почетного заместителя редактора.
3. Избрать М. Г. Мещерякова штатным тамадой на все банкеты.
4. Обязать М. Г. Мещерякова готовить к каждому выпуску газеты премиальный список членов редколлегии
4. Обязать А. Д. Злобина ежеквартально выделять разумные суммы для проведения этих банкетов.

Редактор «Импурса»

Ж. Мусульманбеков

Приложения

Толковый словарь «Импульса»

Бит-группа — байт.

Буханка — пивная.

Горилка — маленькая горилла.

Заливная рыба (рыбацк.) — рыба преувеличенных размеров.

Заслонить — уставить площадь слонами.

Из РЯДа вон выходящая — ЕС-1010.

Колодец — устройство ввода перфокарт.

Напыжиться — 1) подготовиться к охоте; 2) надеть пыжиковую шапку.

Насупленный — насильно накормленный супом.

Однокашницы — семейство ЭВМ с памятью 1 Кб.

Полиглот — Змей Горыныч.

Разрядка — ячейка оперативной памяти.

Тестировать — проверять возможности теста.

Урядник — сменный инженер на ЕС ЭВМ.

Утомиться — подписаться на полное собрание сочинений.

Челобитная — дедова ложка.

Экстракод — 4.12.

Пи-серия началась с популярного определения: «пижонство — частный случай многоженства, когда число жен равно пи».

Пиво — значительное число пи.

Пика — 1) решение уравнения $\sin X = 0$; 2) ЭВМ с памятью пи Кб.

Пилюлька — примерено трехместная колыбель.

Пирог — мифическое существо с числом рогов, равным пи.

Пистолет — пи 100 лет.

Питомник — нечто между трех- и четырехтомником.

Список — снотворное.

Детский толковый словарь

Ветреник — флюгер.

Втык — розетка.

Выговорешник — ребенок, научившийся говорить.

Выскачка — пробка (от шампанского).

Изверг — действующий вулкан.

Напряженка — электростанция.

Нахлобучка — большая шапка.

Проходимец — вездеход.

Сплетня — корзина.

Текучка — речка.

Бестолковый словарь

АСУ по-татарски.

Балдинская осень.

Дать Маху.

Закон сохранения «Импульса».

Корнеплод раздумий.

Мифиози.

Ненаглядная агитация.

Ответственный за СОС.

Сизифов комтруд.

Тоска объявлений.

Флёрография.

Экспромтоварный магазин.

Из почты редколлегии «Импульса»

После выпуска очередного первоапрельского номера, в котором было размещено объявление о том, что известный в Лаборатории кобель по кличке Пурцель ощенился и желающие могут забрать щенков, к редактору «Импульса» обратился хозяин пса В. Г. Иванов и вручил ему письмо следующего содержания:

Неуважаемые мною А. Корнейчук и В. Шириков!

Когда-то я считал Вас своими хорошими друзьями и не ждал от Вас никаких подвохов. Я помню, как «дядя» Слава угощал меня всякими вкусными вещами, помню день рождения у «дяди» Толи. Потому я сначала не поверил, что Вы пишете про меня всякие небывлицы. Но когда мой хозяин подтвердил, что это всё правда, у меня появилось желание покусать Вас обоих.

Как я понял по Вашему поведению, Вы оба стали бояться моего возмездия. Что касается Вас, Шириков, то Вы завели себе собаку и только с ней появляетесь в наших краях. А Вы, «дядя» Толя, вообще не выходите из дома, опасаясь быть покусанным.

Не бойтесь, я не буду Вас кусать, ибо я боюсь заразиться от Вас «дурью», а дурной собаке жить гораздо труднее, чем дурным людям. Поэтому я решил «начхать» на Вас вместе с вашими глупыми заметками и не обращать на них никакого внимания. Ходите себе спокойно и не трусьте. Я даже скажу всем своим знакомым псам, чтобы они держались от Вас подальше, а то не исключено, что, укусив кого-нибудь из Вас, нормальная собака может сбеситься, и ей уж тогда никакие сыворотки от бешенства не помогут.

*С глубоким неуважением,
Пурцель, кобель*

Примечание. Редакция на всякий случай клянется, что материал действительно передан в газету хозяином кобеля Пурцеля, нач. сектора В. Г. Ивановым, а не написан А. Корнейчуком или В. Шириковым, что, впрочем, и так видно по кровожадному стилю заметки.

Уважаемый «Импульс»!

Прочитал Ваш последний выпуск и о нахлынувших мыслях, а главное, чувствах хочу поведать вам.

Инда взгрустнулось мне. Чуть горячей слезой не залился: «Бойкотирует меня «Импульс», стихов моих не печатает, читая их, от счастья не балдеет». В общем, всё это послужило, как говорят журналисты, поводом для серьезного разговора меня с самим собой: «Докатился ты, братишка Ус, до самой последней точки, до сплошной, я тебе скажу, пошлости. А ведь я тебя предупреждал — не ссорься с «Импульсом», не конфликтуй с ним. Но ты ведь умный слишком, меня не послушал — вот и достукался!»

Я задумался. Да, действительно, моя прежняя политика по отношению к «Импульсу» оказалась банкротом, она вела в никуда. Придется ее переосматривать. «Всё! — решительно произнес я. — С этого момента в отношениях с «Импульсом» я перехожу к политике грубого заигрывания».

Я подошел к рабочему столу. На нем лежал лист бумаги, содержащий первые строки новой сатирической поэмы:

У начальника в отделе
Три сотрудника сидели.
Этот — умный, тот — спортсмен,
Третий «Импульса» был член...

«Нет, — подумал я, — никаких выпадов против «Импульса». Только комплименты». Я зачеркнул вышеприведенные строки и написал новые:

Знайте новость люди в мире!
Весть летит во все концы,
Что как дважды два четыре,
Импульсовцы — молодцы!

«Ну вот, это — другое дело, — удовлетворенно подумал я, — это комплимент». Однако, поразмыслив немного, я решил, что этих строк недостаточно для того, чтобы смягчить импульсовцев. Они ведь, хоть и одобряют мой отказ от прежней бесплодной политики, потребуют доказать мою любовь к «Импульсу» не словами, слова ныне дешевы, а делами. «Так что, Усище ты этакий, — сказал я себе, — давай-ка напиши что-нибудь в литературном стиле импульсовцев. Это умилилит их; глядишь, и подобреют к тебе: напечатают что-нибудь из твоих стихов». Так я и сделал.

Один из любимых жанров «Импульса» — это псевдоисторические анекдоты, действующими лицами которых являются мировые знаменитости и знаменитости ЛВТА. Правда, жанр этот — проза, но укротителю поэзии проза и подавно по колено. Итак, пародия не пародия, а скажем так: в духе «Импульса».

Незаслуженно забытое открытие

Когда знаменитый Альберт Эйнштейн открыл свою формулу $E = mc^2$, первым, кому он ее показал, был его тезка Альберт Салтыков. Русский ученый заметил, что формула допускает обращение: $m = E/c^2$, что позволяет по экспериментально найденным энергиям вычислять массу объектов. Корифей отечественного фортрановедения высказал гениальную догадку: поскольку слева от знака равенства стоит величина типа INTEGER, а справа — типа REAL, а при конверсии дробная часть, как известно, отбрасывается, то наблюдаемые массы будут несколько занижены по сравнению с теоретическими. Ученые того времени, не знакомые с ФОРТРАНОм, (капитальные труды А. И. Салтыкова вышли в свет много позже) не поняли гениальной мысли русского ученого и предали их забвению. Однако предсказанное им физическое явление вскоре было открыто и под названием «дефекта масс» вошло в анналы физики. К сожалению, иностранные ученые, сообщившие о нем:

- а) бессовестно приписали приоритет его открытия себе;
- б) дали ему существенно более примитивное объяснение, чем то, которое привел подлинный первооткрыватель этого феномена, великий русский фортрановед и бэсмоллюб А. И. Салтыков.

Письмо было подписано: В. Ус. Обратный адрес отсутствовал. Всё это страшно заинтриговало редколлегию. Кто он, этот таинственный В. Ус, этот новоявленный фантомас? Подозрение пало на Жениса: он носил усы. Женис отверг обвинение с негодованием. Он любил стихи, восторгался настоящей поэзией, но в написании стихов замечен не был. И почему именно он? Не только он носит усы. Мазепа, например, тоже. И самое главное: для того ли Женис ушел из «Импульса», чтобы унижаться, посылая новому редактору стихи, которые, как он заведомо знал, всё равно не напечатают?

Это звучало правдоподобно. Подозрение перекинулось на нового редактора. Тот ловил на себе косые взгляды, мрачнел и отмалчивался. Не такого отношения к себе он ожидал, принимая от Жениса бразды правления...

Может быть, тайна так и осталась бы нераскрытой, если бы Женис не напряг свои «серые клеточки». Сбросить маску с незнакомца стало для него делом чести. И честь была восстановлена. Женису удалось установить, что за псевдонимом скрывается старший научный сотрудник В. Б. Злоказов. Виктор Борисович выдал себя свободным владением сразу двух иностранных языков, а таких у нас в Лаборатории было раз-два — и обчёлся.

Злоказов написал потом замечательные «Спектрометрические мемуары». Говорят, Пушкин зарифмовал всю Россию; Виктор Борисович в своих «Мемуарах» зарифмовал половину ЛВТА и намеревался зарифмовать другую ее половину, но когда «Мемуары» были напечатаны, автор от продолжения отказался.

В свете «ЛУЧа»

Редакция нашей стенгазеты в перерывах между выпусками «ЛУЧей» довольно регулярно и не без удовольствия почитывает стенную печать других лабораторий. Особенно часто она это делает с «Импульсом» — газетой ЛВТА (по дороге на СДС и обратно). В знак благодарности за доставляемое удовольствие, а также поздравляя с Днем печати...

— Написал бы ты рассказик к празднику, — как бы между прочим сказал Женис.

— Какой-такой рассказик? К какому-такому празднику? — не понял я.

— Рассказик о том, как ты пишешь рассказы, — пояснил Женис шепотом, так как сзади прошла женщина.

— А, про это я могу! А к какому празднику? — опять не понял я.

— К Дню Печати, — пояснил Женис.

— А, к этому празднику, — понял я, — к этому я напишу! А про что писать?

— Напиши про наши недостатки.

— Про какие недостатки? — не понял я.

— Про отдельные недостатки, отдельные, понимаешь? — сказал он мне на ухо, так как сбоку показалась женщина.

Через несколько дней я подхожу к Женису и протягиваю ему несколько листов:

«В День Печати мы всей редакцией ходили на субботник в корпус 134, который неизвестно когда построят. Туда очень далеко и трудно ходить, так как везде мусор и грязь. Но мне всё равно нравится туда ходить, особенно по ночам с фонариком и пить с приветливыми операторами кофе».

— Да, — говорит Женис, — слабовато. И про 134-й корпус уже писали и не раз. Попробуй, чтобы без 134-го корпуса было. И самое главное — укрепи конец! Крепкий конец — половина дела, — говорит он, понижая голос, так как впереди показалась женщина.

— А ты похвали меня! — ворчу я ему.

— Вот будет у тебя хороший конец — похвалю.

— Да, уж ты похвалишь, — ворчу я.

Через пару дней приношу ему опять рассказик:

«В День Печати мы всей редакцией отправились в лес, сажать елки-палки. По дороге мы пели частушки неприличного содержания про ЕС и дисплеи, наполняя старые рифмы новым содержанием, на злобу дня. «Братцы! — кричу, — где же 134-й корпус?» ЕГО НЕ БЫЛО... И без него было как-то пусто на душе и в голове. Вспоминались теплые тихие вечера, когда пробирается юзер с фонариком на ЕС-1060, приветливые операторы ласково встречают его, нежно позвякивают ложечки в чашках с ароматным кофе, мягко светят дисплеи, которые все называют просто буржуйками. Несмотря на отсутствие окон, тепло и уютно. Все горячо спорят о том, когда строители сдадут корпус 134...»

К моему удивлению, Женису рассказ понравился, он даже рассмеялся. А кончив смеяться, взмахнул бровям и говорит:

— А ведь про 134-й корпус ты уже писал. И не раз. Надо такой рассказ написать, чтобы в нем **ВООБЩЕ НЕ БЫЛО 134-го КОРПУСА**.

— Понял, — отвечаю.

— И конец усиль, главное ко... — он осекся, со всех сторон подходили женщины.

«...Патрульный глейдер ПМГ-505 совершал обычный облет своего участка. 134-го КОРПУСА ВООБЩЕ НИГДЕ НЕ БЫЛО видно. «Как

тихо, — подумал А. Привалов, уже почти подлетая к Управлению. Но тишина была, как всегда, обманчива и коварна. Внезапно что-то блеснуло внизу, в крошечной тьме, покрывшей Европейскую часть страны. Затормозив, Привалов внимательно всматривался в знакомые с детства очертания Московской области. Вот опять что-то блеснуло — значит, он не ошибся. Издалека это было похоже на «комариную плешь», но покрутив ручку настройки приборов ночного дальновидения, присмотревшись, Привалов понял, что это 134-й корпус. К зданию, прячась за грудой строительного мусора, с фонариком в руке пробирался агент ЦРУ Р. Астор.

Из кармана у него торчал паспорт на имя советского гражданина Гудева Александра, уроженца села Колгуево. Время от времени, видимо с целью помешать ударным темпам строительства корпуса, Р. Астор бросал в окна гайки. На гайках, так же как и на паспорте стояло клеймо: «Made in USA». Да ведь там же ЕС-1060, девушки-операторы! вдруг вспомнил Привалов, и что-то с лицом его стало нехорошо, так что даже Кирилл отвернулся...»

Основы прикладного защитоведения

Инструментальные средства подготовки и защиты диссертаций

Институт защиты диссертаций зародился в Средние века. Разорвав узы религии, он быстро распространился на возникающие науки (по мере их отпочкования от философии). Сейчас, когда на повестке дня стоит вопрос о всеобщей кандидатизации и докторизации населения, значение методики подготовки и защиты диссертаций трудно переоценить. Блестящая статья и. о. профессора И. В. Сидисидзе — достойный ответ на социальный заказ времени.

Если Вы твердо решили стать кандидатом наук, Вам прежде всего надо выбрать научного руководителя, который сможет Вас вырастить и защитить. Признаки научного руководителя могут быть существенными и несущественными.

К существенным признакам относятся следующие. У научного руководителя должны быть ученики, но не много, иначе Вам придется долго ждать. Он должен быть влиятельным, но не слишком, так как в противном случае у него обязательно найдутся влиятельные враги. Идеальным является руководитель, желающий стать профессором; отсюда, как следствие, вытекает, что руководитель, уже являющийся профессором, далек от идеала.

К существенным признакам относятся следующие. У научного руководителя должны быть ученики, но не много, иначе Вам придется долго ждать. Он должен быть влиятельным, но не слишком, так как в противном случае у него обязательно найдутся влиятельные враги. Идеальным является руководитель, желающий стать профессором; отсюда, как следствие, вытекает, что руководитель, уже являющийся профессором, далек от идеала.

Академические звания и достижения в науке можно смело отнести к несущественным признакам; в некоторых случаях они могут даже помешать Вашей защите.

По выбору научного руководителя можно судить об интуиции будущего ученого; в конечном счете именно этот выбор является решающим. Все прочие подходы к защите диссертации, как-то: от выбора темы — к выбору научного руководителя, от формулирования идей — к накоплению материала — методологически порочны.

Второй по важности вопрос — накопление материалов. Диссертация без материалов невозможна, ибо на пути к защите стоит доклад на семинаре по материалам диссертации. Было бы ошибкой накапливать материал самому, а тем более в одиночку. Во-первых, на это уйдет много лет, после чего Вы обнаружите, что всё накопленное Вами уже накоплено другими, причем, лучше Вас. Во-вторых, материалы подвержены старению и не всегда успевают достичь необходимого объема, предписанного правилами ВАК, прежде чем устареют окончательно.

Воспользуйтесь уже готовыми материалами (опубликованными, или, если удастся, еще неопубликованными). Во избежание обвинений в отсутствии научной новизны, используйте один из следующих приемов:

1. Переход в другую систему координат.
2. Смена обозначений.
3. Перевод на языки народов СССР.
4. Переход от дифференциальной постановки задачи к интегральной, или наоборот.

Эти приемы устоялись в практике защиты диссертаций и хорошо себя зарекомендовали.

Вопрос об идеях в диссертации можно смело отнести к второстепенным. Опыт показывает, что диссертация без идей — явление распространенное, в то же время без материалов, а тем более, без научного руководителя, диссертация просто немыслима. Однако, идеи сами по себе вещь бесполезная, и две-три каких-нибудь идеи могут украсить Вашу диссерта-

цию. Если у шефа идей нет, не огорчайтесь, потому что идеи носятся в воздухе, и у большинства из них нет автора. Схватите одну из них, повторяйте и настаивайте на ней на всех семинарах, конференциях и совещаниях, и в конце концов все будут уверены, что это идея Ваша.

После того, как Вас объявили соискателем, немедленно приступайте к работе над текстом. Помните, что соискательство дает привилегии, но не гарантии: окончание срока соискательства еще не влечет за собой присвоение звания кандидата наук.

При написании диссертации помните о следующих методологических принципах.

Не стремитесь колебать основы: сверху может упасть камень, который погребет и Вашу диссертацию, и Вас.

Поглощая чужие работы, тщательно пережевывайте их, чтобы из Вашей диссертации не выпирали непереваренные куски.

Позаботьтесь о благозвучии употребляемых терминов: большинство членов Ученого совета будут воспринимать Вашу диссертацию на слух.

Избегайте слов «линейный», «стационарный», «корректный»; слова «нелинейный», «нестационарный», «некорректный» произведут гораздо большее впечатление.

Очень опасно слово «псевдорешение»: оно может бросить тень на Вашу репутацию как ученого.

Не пренебрегайте мелочами; в критическую минуту судьбу диссертации могут решить такие прозаические факторы, как качество бумаги, правильно выбранный шрифт, удачный переплет.

Значение вынесенных благодарностей трудно переоценить; они способны спасти самую слабую диссертацию; помните, однако, что устная благодарность может прозвучать как оскорбление.

И вот, наконец, последний шаг на пути к высокому званию кандидата наук — защита. Очень важно правильно выбрать (мы бы даже сказали —

угадать) момент, ибо кто не успел, тот, как говорится, опоздал. Если Вы экспериментатор, защищайтесь тогда, когда Ваша установка уже собрана, но еще не очевидно, что она работать не будет. Диссертации вообще продукт скоропортящийся, поэтому передерживать их не следует; в то же время диссертации надо дать время созреть, чтобы не набить оскомину членам Ученого совета.

Вопрос о том, как правильно держаться на защите, достаточно хорошо проработан в литературе — как зарубежной, так и отечественной. Поэтому ограничимся краткими замечаниями.

Тон на защите должен быть соискательным. Самого свирепого оппонента Вы обезоружите фразой: «Я с Вами совершенно согласен».

Если события принимают угрожающий (для Вашей защиты) оборот, смело переходите в наступление: «Вы говорите то же самое, что и я, но в Ваших словах есть заметная доля желчи». Но будьте внимательны, не скажите этого после замечания оппонента, что Ваша диссертация никуда не годится.

Если Вы не можете ответить на вопрос оппонента по существу, ошеломите аудиторию потоком редко употребляемых и узкоспециальных терминов.

Ни в коем случае не держитесь вызывающе, даже если тому виной внезапно простреливший Вас радикулит — лучше отложите защиту до полного выздоровления.

Успешную защиту диссертации можно рассматривать как нормальное завершение научной деятельности. Медиками давно замечено, что защита надолго отбивает вкус к научной работе. Отчасти это объясняется большим объемом последиссертационных работ.

Не огорчайтесь, если Вам не удалось защитить диссертацию, — тут же приступайте к написанию новой! В следующий раз членам Ученого совета просто неудобно будет Вам отказать.

*И. о. профессора И. В. Сидисидзе
+ 4 человека*

Сказка-быль

физическая, вычислительная и автоматическая

Тому, кто присутствовал на концерте самодеятельности сотрудников ЛВТА, проходившем в рамках смотра художественного творчества в честь 25-летия ОИЯИ, пожалуй, вряд ли пришел бы в голову вопрос: зачем нужна самодеятельность? Нужна, потому что дарит хорошее настроение, подлинную радость, дает яркое ощущение сплоченности коллектива. И еще... После представления, показанного сотрудниками ЛВТА, «Сказка-быль физическая, вычислительная и автоматическая» терапевт медсанчасти сказала: «Побольше бы таких спектаклей — меньше было бы работы нам!» Наверное, с этим согласятся все участники вечера ЛВТА — в переполненном зале не было ни одного хмурого, ни одного озабоченного лица, царили улыбки и смех.

О том, как готовился завоевавший всеобщее признание спектакль, рассказывает его главный режиссер Г. Л. Семашко.

«А вы к 25-летию Института ничего не собираетесь ставить?» — этот вопрос задали нам с А. Ефимовой в начале февраля. Мы переглянулись и поняли, что ставить обязательно будем: еще ни один конкурс самодеятельности в ОИЯИ не проходил без участия ЛВТА. С полуслова поняли нас А. Корнейчук и Г. Удовенко — «архивариусы», они принесли материалы «Импульса», которые можно было использовать в будущей постановке.

Мысль о смотре самодеятельности подхватила редколлегия «Импульса» и... «заболела» сценарием. Много вечеров подряд взрывы смеха потрясали второй этаж корпуса ЛТФ — это работали сценаристы В. Шириков, А. Корнейчук, Г. Мазный, Е. Мазепа, А. Кавченко, М. Попов и А. Расторгуев.

Наконец, кипа исписанных разными почерками листков попала к режиссерам (поскольку мы с А. Ефимовой взяли за общее управление самодеятельностью, нас и назвали режиссерами). Сценарию мы обрадовались, прочитали и поняли, что полученный материал может стать только первой половиной представления, а вторую надо составить из произведений этих же авторов, опубликованных ранее на страницах «Импульса».

Следующим был этап «утрясения» сценария и его «разукрашивания» музыкой, песнями, частушками, танцами. «Все сделаю по части музыки. И аккомпанировать буду, и подберу увертюру, «сказочную» и «страшную» музыку, и запишу ее на магнитофон!» — сказал, прочитав сценарий, Б. Гетманов.

Но тут начались неприятности. Уехал на Байкал В. Шириков, в горы — Г. Ососков, за ним собрался Б. Гетманов. Песни, частушки, танцы — все рушилось. Тогда блестящую идею подала М. Сеннер, предложившая: «А давайте запишем Гетманова на магнитофон и будем репетировать без него!». С готовностью откликнулась на нашу просьбу З. Иванченко: запись была сделана. О. Благодирова и В. Капустина поставили танцы. Сценарий окончательно оформил А. Корнейчук.

Сценарий был готов. Начался подбор артистов. Наряду с «заслуженными артистами ЛВТА» В. Маханьковым, И. Иванченко, Г. Ососковым, О. Ломидзе, Р. Поляковой, В. Евсиной, В. Дубинчиком, А. Селивановым, В. Капустиной, Л. Краснобородовой, Л. Городничевой, В. Хоромской, Т. Кодралева, Г. Неаполитанской, В. Шириковым, Б. Гетмановым, А. Хошенко, А. Салтыковым, А. Пичугиным, А. Ефимовой в представлении приняли участие новые энтузиасты: Т. Ершова, А. Ершов, Ю. Назаров, В. Чеботарев, В. Первушов, В. Шейко, В. Хольшев, С. Олейникова, М. Попов, В. Конская, Н. Неговелова, Л. Соболева, С. Кадыкова, Н. Мазепа, А. Кириллов, Т. Силина, А. Расторгуев, а также Антон и Аркадий Шириковы.

Все как будто стало налаживаться, начались регулярные репетиции. И вдруг... срочно надо заменять двух исполнителей. На очередной репетиции участники пали духом. Однако произведенная на ходу «перестановка кадров» показала, что не все потеряно. «Ты действительно веришь, что у нас что-нибудь выйдет?» — спросил меня один из артистов. «Обязательно выйдет!» — ответила я, постаравшись придать голосу как можно больше уверенности. На самом же деле не было еще исполнителей трех ролей, танцевальная группа не могла собраться в полном составе (сменная работа, маленькие дети), не нашли звуко- и кинооператора, а до выступления оставалась неделя...

И все-таки вышло! Вышло благодаря энтузиазму всех артистов — от Царя (В. Маханьков) до Стражника (В. Первушов). Вышло благодаря нашим костюмерам — В. Кретовой, которая и во время спектакля не уходила из-за кулис, Н. Егошиной, В. Муратовой, Л. Онищенко, Н. Шириковой, А. Олейник, Л. Красиной, Л. Кухаревой, Л. Рязанцевой, И. Мальцевой, Н. Цитульской, нашим оформителям Л. Кулюкиной, Л. Лукстине, Л. Смирновой, О. Нестеровой, Л. Шелонцевой, Л. Емелиной, Л. Поймановой, Л. Сеннер, Г. Кругловой, К. Даниловой, нашим умельцам В. Кулакову, В. Первушову, А. Белякову, М. Белову, осветителю А. Лапушкину и звукооператору Ю. Тутышкину, кинооператору А. Злобину и художнику-декоратору А. Родионову, гримеру О. Благонравовой и руководителю культурмассового сектора Г. Кульковой, С. Лозовой, участвовавшей в подготовке и проведении спектакля. Вышло, потому что каждый на своем месте делал все, что мог, — самоотверженно и с душой.

Зрители, побывавшие на концерте самодеятельности ЛВТА, расходились из Дома культуры с улыбками и смехом, вспоминая подробности. Наш спектакль понравился. Артисты принимали поздравления и выражения благодарности. А сегодня те, кто не смог посмотреть представление, настойчиво просят повторить...

Послесловие к «Импульсу»

В 1988 году нашей любимой стенгазете исполнилось 25 лет. Комиссию по подготовке к торжествам создала и возглавила Этери Васильевна Шарапова, трижды редактор «Импульса». Выпуски разных лет были развешены по всем уголкам нашего монументального порочно-барочного корпуса № 134, а наиболее драгоценные экземпляры сосредоточены в фешенебельном конференц-зале и его фойе. «Импульсы» не горят!

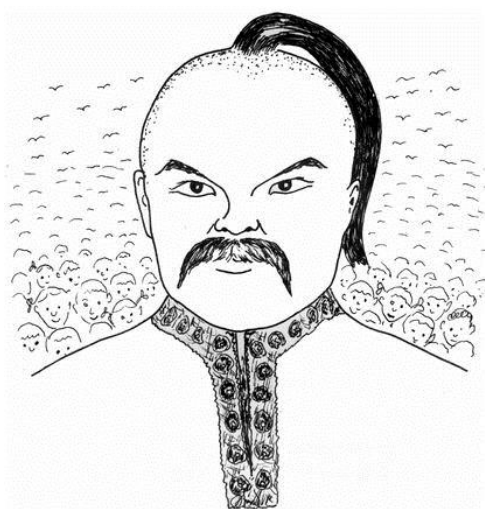
Товарищеский ужин состоялся в скромном изысканном кабинете, скрытом за тяжелыми портьерами в задниках сцены конференц-зала. Его по-прежнему называют банкетным; в свое время Макаров так и не отдал эту подслеповатую комнату редколлегии: Ольга Иванова говорила ему, что такая комната всё равно никому не нужна, а тот возразил: нет, тут можно проводить *маленькие семинарчики*.

На стене висел легендарный пра-«Импульс», державшийся исключительно на рисунках Ольги Владимировны Благоднравовой. Столы, располо-

женные П-образно вдоль комфортабельных, свободно принимающих форму человеческого тела кресел, были накрыты белоснежным листингом и изыскано сервированы: чай и торт «осенний» — для торжественной части вечера, кофе и калорийные бутерброды с нежным окороком — для творческой.

Приглашенные редактора и члены редколлегии разных лет с интересом рассматривали друг друга: несмотря на известную преемственность «Импулса», всё это напоминало встречу Ивана Грозного с Тутанхамоном.

В центре торжества сидел один из отцов-основателей «Импулса», его многолетний сподвижник А. А. Корнейчук. Юбилей Корнейчука совпал с юбилеем коллективного детища, и теперь другой отец-основатель, В. П. Шириков держал в руках первый том «Почти полного собрания сочинений» юбиляра, который начинался с дружеского шаржа Жениса на автора украинских диалектов фортрана: тот был изображен усатым запорожским козаком с лихим малороссийским чубом на бритой голове. Владислав Павлович зачитывал фрагменты из книги жизни соратника по перу и отпускал комментарии, а Анатолий Андреевич слушал, удивленно качал головой, улыбался, вспоминая прототипы своих персонажей, а иногда с интересом смотрел на читавшего, словно видел его впервые.

Слово взяли матери-основательницы. Алла Ефимова, исторически первый редактор «Импулса», произнесла зажигательную речь. Корнейчук учтиво слушал, вытянувшись как перед вручением правительственной награды, всё больше волнуясь и надеясь отыгаться при целовании.

Вспомнили добрым словом удачные выпуски, почтили минутой молчания пропавшие без вести номера, осудили скандальный арест «профко-

мовской» газеты, инициированный замдиректора Макаровым в далеком декабре 1983. Плеяда редакторов, в разное время возглавлявших печатный орган дирекции, партийной, профсоюзной и комсомольской организации ЛВТА, поделилась воспоминаниями о том, как еще в те застойные годы допускались элементы плюрализма на листах ватмана, исподволь готовилась гласность и перестройка. Почетного звания «Мистер редактор», по единодушному решению редакторов, удостоился Женис Мусульманбеков, а высокого звания «Коллектив самоотверженного труда» — его команда.

В ответном слове Женис сказал:

— Я думаю, что все мы движемся от классовых к общечеловеческим ценностям...

— Каким? — заострил кто-то.

— Вспомните десять заповедей, — напомнил Ососков, хитро поблескивая очками.

— Но некоторые с самого рождения руководствовались этими ценностями, и в их числе — Этери Васильевна, — заключил Женис под общие аплодисменты.

Тут в атмосферу воспоминаний ворвался российский путешественник А. Д. Злобин. Рассекая ткань общей беседы, Александр Дмитриевич завладел чашечкой кофе, опрокинул ее и произнес речь, после которой все замолчали, а Геннадий Алексеевич пронизательно заметил, что наш Саша, мол, уже созрел для дубненского политклуба, на котором можно говорить что угодно и даже немножко критиковать Ленина.

Владислав Павлович, не переставая наблюдать за Злобиным, достал из внутреннего кармана старую записную книжку.

— А кто это написал? — вкрадчиво спросил он, прочитав фразу, смысл которой сводился к тому, что книги Леонида Ильича — это путеводная звезда... или что-то в этом роде.

— Это я написал? — бесстрашно спросил Злобин, который, как известно, любит походы и звезды.

— Нет, не ты, — наслаждаясь, возразил Шириков.

— Владислав Павлович призывает нас к покаянию, — заметил Женис. Владислав Павлович снова полез в книжечку, но тут кто-то спросил:

— А как там Макаров?

Вопрос упал на плодородную почву. Геннадий Алексеевич со вкусом сообщил, что Макарова в Монголии настигла местная перестройка — там развенчали Чойбалсана и подбирались к Цеденбалу; теперь Игорю Михайловичу придется возвращаться в СССР.

— Ну вас! — возмутилась Алла Ефимова. — Всё о политике да о политике!..

Должна ли газета становиться политической трибуной, или пусть остается старым добрым «Импульсом» с его не всегда безобидным, но домашним юмором? Нужно ли редактировать мысли, или редакторам надо идти навстречу самолюбивым авторам, для которых собственная мысль, пусть даже коряво высказанная, во сто крат дороже отутюженного текста, корняющего или просто переворачивающего сокровенную авторскую мысль? Примерно в таком разрезе около двух часов шла жаркая перепалка, после чего Этери Васильевна, обеспокоенная разладом среди птенцов ее гнезда (которые не на шутку раздухарились и уже готовы были клевать друг друга), пригласила всех в знак доброй воли и единства «Импульса» сфотографироваться у самовара.

*Александр Расторгуев,
февраль 1989*

P. S. Юбилейное заседание «Импульса» оказалось последним в его истории. Тогда мы этого еще не знали...

Как мы играли в писателей-юмористов

Товарищам по «Импульсу»
посвящает автор эти строки.

Давным-давно, когда на свете еще были стенгазеты, в вычислительном центре одного ядерного института выпускали стенгазету «Импульс». Не все, может быть, слышали о ней, хотя, согласитесь, это странно. «Импульс» отличало отменное чувство юмора, которое иногда принимало законченные литературные формы. Мы играли в писателей-юмористов. И самое главное, находились люди, которые принимали эту игру всерьез. Они называли себя нашими читателями и удивлялись, что нас не печатают на 16-й полосе «Литературной газеты». Это было приятно...

Всё началось с двух человек, математиков по образованию и программистов по роду занятий, которые и сами не сразу поняли, что они придума-

ли, и уж совсем не ожидали, что эта бодяга растянется на четверть века. Когда я включился в эту игру, в нее играли уже добрых полтора десятка лет. Дело было перед Новым годом. Разрабатывалась концепция очередного

номера. В углу просторной комнаты, нахохлившись, сидели отцы-основатели — знаменитые Шириков и Корнейчук и в ответ на призывы

очередного редактора повеселить народ вдумчиво молчали. Один только поэт и дуэлянт Кавченко, которому не по рангу было держать столь значительную паузу, поинтересовался, будет ли смешно, если он напишет рассказ о том, как один его знакомый горнолыжник, спускаясь с пика Тяпкина, упал, получил удар собственной лыжей по заднему месту, которое тут же превратилось в один большой синяк, и после этого еще считал себя счастливым: вот, мол, как удачно — а ведь могло бы и по голове!

«Какие люди!» — подумал я.

Меня спросили, что я умею делать. Я скромно ответил, что могу наклеивать заметки. Мало кто в это поверил. Там же сидел очень серьез-

ный и очень усатый молодой человек, который, как и я, впервые оказался в такой блестящей компании. Как вы уже догадались, это был Женис; его тоже спросили, что он умеет делать. Женис ответил, что умеет фотографировать. После этого предновогоднее заседание «Импульса» завершилось. Женис спросил,

чем я на самом деле хочу заниматься. Я признался, что хочу писать рассказы (а заодно и научиться их писать). Женис в свою очередь признался, что хочет рисовать, в особенности карикатуры. Но о самом главном — о том, что он хочет стать редактором и руководить литературным процессом, Женис тогда умолчал.

Как я уже говорил, Женис показался мне чересчур серьезным, даже угрюмым человеком. Первое впечатление оказалось обманчивым. Очень скоро я в этом убедился. Если движение — это форма существования материи, то в первую очередь это относится к материи, из которой состоит Женис. Междометие «ха-ха-ха!» было его визитной карточкой. Не только у поэта, у каждого человека есть свой лирический герой. Я долго присматривался к литературному герою Жениса. Это страшный авантюрист и бахвал из бахвалов.

Первым делом Женис выбил помещение для фотолаборатории, вторым — деньги на фотоаппаратуру для редколлегии. Оцените: «Импульс» долгие годы мечтал купить фотоаппарат «Зоркий» на паях с туристами. А тут приходит какой-то Женис и выколачивает из партбюро 1000 рублей! И это в то время, когда официальный курс доллара составлял 66 копеек!

В магазин за фотоаппаратурой я отправился вместе с Женисом. Дело было перед 7 ноября. Неудивительно, что когда мы пришли на базу завезать выписанные фототовары печатью, там уже запирали двери и накрывали столы.

«Тук-тук-тук!» — постучал Женис.

— Кто там? — послышался заинтересованный женский голос.

— Я.

— Кто я?

— Гость из заморской страны!

Дверь приоткрылась, Женис юркнул внутрь, послышался дружный женский смех и жизнерадостный хохот Жениса, словно там его щекотали, затем дверь снова приоткрылась, и в щелку высунулся Женис и его рука с пятерочкой:

— Сань, купи красного... Очень нужно для дела!

Женис привлек новых людей и вернул старых. Шириков и Корнейчук

привычно подставили шеи под новый хомут. Поэт и дуэлянт Кавченко был пойман на диссертации: он готовился к защите, а общественной работы у него не было. Много сил пришлось потратить на Мазного. Мазный был поэт, и не только в душе, как все мы в молодости, но и на бумаге. В молодости Мазный подражал Есенину, но душу вкладывал, конечно, свою. Тогда ему было что сказать. И сейчас тоже.

Кровь, как и прежде, горяча, страсти не остыли. Мазный потом много раз

подводил Жениса, но у Жениса есть одно завидное качество: он никогда не ставит на человеке крест и никогда никого не сдает раньше времени. Мазного он обрабатывал в кафе Дома ученых. Приближался Новый год, и по такому случаю оба выпили немало; Женис чудовищно коверкал труднопроизносимое для него словосочетание «Геннадий Леонидович».

Мазный живо протестовал против такого обращения, но Женис упорствовал и называл Мазного на «вы». Потом выяснилось, что они почти ровесники — Мазный всего на полтора года старше Жениса, но Мазный к тому времени был человек известный, а Женис еще пребывал в неизвестности, Мазный уже тогда выглядел доктором наук, а Женис рядом с ним выглядел как молодой петушок.

Вот в чем Женис изменил правила игры: он увеличил норму литературной выработки. Прежде литсотрудник писал в год по рассказу, а остальное время почивал на лаврах. Теперь, пообещал Женис, каждый литсотрудник будет давать в номер по рассказу, и уж об этом-то он позаботится. Шириков и Корнейчук присматривались к новому редактору: кто так говорит?

Женис представился:

— Женис, ха-ха-ха!

— А по отчеству?

— А по отчеству, — сказал Женис, — не надо, оно у меня сложное.

Корнейчук подумал тогда: пусть попробует пацан, вдруг у него получится. Женис действительно выглядел молодо, причем, всегда, даже когда на самом деле был молод. На последнем курсе Алма-атинского университета он, как это там принято, проходил педагогическую практику в школе. Встречает на улице своих учеников. Те идут на него оравой. А он тогда мало чем от них отличался. Даже знаменитые свои усы еще не носил. Мельк-

нула мысль: свернуть бы куда-нибудь. Тут же себя одернул: не к лицу праздновать труса. И едва они открыли рты, чтобы поздороваться, он их приветствовал: «Здравствуйте, дети!»

За всю свою историю «Импульс» перевидал великое множество редакторов. Одни шли на эту должность по призванию, другие — по велению гражданского долга, третьи отработывали общественную работу. Менялся и состав редколлегии. Но самая самонадеянная и нахальная команда собралась при Женисе Мусульманбекове. Если у Ширикова с Корнейчуком и были когда-то литературные амбиции, то к тому времени, когда пришли новые игроки, их честолюбие заметно притупилось. Что же вы хотите. Столько лет никакой серьезной конкуренции. А тут пришли молодые волки, каждый со своими амбициями сверх всякой меры... Было от чего взбодриться!

Одним из таких молодых волков был Женя Мазепа. Кое-какой литературный опыт у него имелся: он прошел хорошую стихотворческую школу у Ширикова в отделе развития и эксплуатации математического обеспечения. Каждый год, перед 8 марта всё мужское население отдела призывалось на литературные сборы, которые продолжались до тех пор, пока каждой женщине НИОРЭМО не было готово оригинальное четверостишие (а их приходилось на каждого стихотворца по пять особ).

В то время Мазепа был молодым специалистом и на всё смотрел распахнутыми глазами. Был безобразно молод и, как говорят в таких случаях, оголтело талантлив. Его необузданная фантазия искала формы самовыражения. И находила. Он сидел в одной комнате с Мазным, и на стенах комнаты можно было видеть многочисленные портреты его кумира: конный портрет Мазного, на котором лошадь и ее всадник составляли единое целое, Мазный в рентгеновских лучах... Были еще две картины, выполнен-

ные цветными фломастерами: на одной — куриная лапа с женской грудью, державшая в когтях Земной шар («Грядет эмансипация»), а на другой — змея, играющая на фортепьяно... Весело было смотреть на эти его капричи-чио! Были здесь и граффити, которые сейчас так популярны: начерченные на доске рубли с профилем Мазного. Всё это давно уже достояние будущих археологов. Первыми опали с доски рубли. Заглянул добрый человек с богатым опытом партийного секретаря, разумных взглядов на жизнь, много повидавший на своем веку — тертый калач, одним словом, увидел в рублях скрытый намек на что-то и по-отечески посоветовал: вы с этим, ребята, поосторожнее...

Мазепа поражал нас своими экспромтами. Особенно сильно они действовали на его бывшего однокурсника, любителя скоростного спуска, Мишу Харьюзова. Миша срывался с места, выбежал из партбюро, где мы делали стенгазету, и час-другой пропадал; потом возвращался с готовой рукописью и с порога заявлял: «Я тут написал кое-что, но если вам не понравится, я сразу ухожу!»

Из протокола заседания редколлегии

Женис. Так, значить... «Кто работает на Сайбер, носит тот фарцовый блайзер». Хм. Фарцовый блайзер. Блайзер... Сайбер. Блайзер...

Мазный. Это можно выкинуть.

Женис (с облегчением). Ну, если сам автор...

Мазепа. Я грубо извиняюсь, но это я написал. Но я не против, можно вычеркнуть.

Я. Конечно, надо вычеркнуть.

Мазепа. И не потому, что рифма дурная, как тут намекают. Рифма у меня замечательная. Просто Сайбера у нас, кажется, не будет.

Женис (тактично). Да, жаль Сайбера... Так, товарищи, еще одно стихотворение Мазепы: «Шел я полем, шел я лесом в магазин за бутылесом».

Мазепа. Отлично!

Женис. Неплохо.

Корнейчук. Душевно.

Мазный. Бутылесом — это хорошо!

Я. Можно оставить.

Женис. Далее...

Газету часто заканчивали далеко за полночь. К рассвету те, кто еще не ушел домой, вповалку лежали в партбюро, где клеилась газета, и только Женис, редактор и художник, продолжал творить, подбадривая себя нечленораздельными выкриками, песнями и горячим чаем:

— Без женщин жить на свете нет, нельзя, Трам-тарам-тарам- ... (Глоток горячего чая) О-о-хо-хо!!! Иду по проспекту я в рваных калошах, ...

У Жениса был свой подход к литсотрудникам: лесть. В критическую минуту он пускал свое оружие в ход. Преувеличивал роль каждого из нас, восхищался каждой новой вещью. Человек творческий, он знал, как от заурядной похвалы расцветает самый заурядный талант. Он посадил нас на творческую иглу. И тут, как нигде, важно было соблюсти меру. Кому-то надо было тонко польстить, кому-то — грубо. Зависит от толщины кожи. Где тот аптекарь, кто безошибочно определит меру? Женис был тот аптекарь.

Случалось, однако, что тонкий литературный вкус изменял Женису, и он поворачивался к литсотрудникам противоположной стороной. Отвергал какую-нибудь вещь. Скажем, мазепину неконформистскую сказочку о тараканах. А если уж отвергал, то напрочь. Женис от природы очень упрямый человек. Он мне рассказывал, как водил своего упрямого сына в пер-

вый класс. Хорошая тема для юмористического рассказа. «Это у вас, наверное, национальное?» — спросил я. «Это у нас фамильное, — возразил Женис. — Я в детстве доводил отца до бешенства. Мать говорила: отец, что ты сердишься? Он же весь в тебя. И отец сразу добрел...»

Наклеивая заметки в очередной номер, Мазепа сказал:

— Редуктор ты, Жумкеныч. Большое тебе литературное спасибо. Зажал мою «Курочку Рябу».

Этой сказочке к тому времени уже исполнилось года два, содержание ее сам автор к тому времени уже прочно забыл (впрочем, как уверял Женис, никакого содержания в ней и не было), — но никак не мог забыть, что Женис ее отверг.

— Неужели ты до сих пор ничего не понял?! — вскипел Женис.

— Ничего я не понял, — сказал Мазепа. — Отличную сказочку я тогда написал!

Может быть, это случайность, а может и нет, но перед Новым годом Женис опять зажал его вещь — на этот раз сказочку о тараканах. Мазепа спросил с нажимом:

— Я тебя в очередной раз спрашиваю: ты напечатаешь мою сказочку о тараканах?

— Твою вшивоту печатать не стану! — отрезал Женис.

Поэт и дуэлянт Кавченко решил воспользоваться ситуацией. Спросил вкрадчиво:

— А мою «Галатею» напечатаешь?

Женис победоносно помахал машинописными листами:

— Она уже напечатана!

— А поместишь? — упавшим голосом спросил Кавченко. Удачный момент упущен... Не будь впереди защиты, разговор вышел бы короче. Поэт и дуэлянт — это ведь не пустые слова, эту славу, которой Кавченко себя покрыл, еще завоевать надо было. Подсылали уже враги к Женису

Маха, спрашивал Мах как бы мимоходом: «Как там Кавченко? Работает?». «А как же! Основной литератор!» — уверенно отвечал Женис.

— Ну, Саш, ты же понимаешь, — мягко сказал Женис.

Кавченко, конечно, понимал. Взрывоопасная штука была эта «Галатей». Много народа от нее бы не полегло, но шума она наделала бы достаточно.

— Ты как наш замполит, — проворчал Кавченко. — У нас такой замполит в армии был. Стихи мои редактировал. Это, говорит, у тебя не очень. Почему? Конец неудачный. Ты тут пишешь: «Товарищи мои, я вижу вас во снах». — Ну и что? — Как будто всех нас куда-то посылаешь. Не будем печатать!

— Я тебя последний раз спрашиваю: напечатаешь мою сказочку о тараканах? — спросил Мазепа.

— Отнеси ее в санэпидемстанцию, — сострил Женис.

Обычно в таких случаях Мазепа бушевал, грозился выйти к чертовой матери из «Импулса», но все понимали, что всё это только слова, да и он сам понимал, что никуда он не выйдет, потому что уже успел вкусить сладость авторства, и ему нравится сидеть на заседаниях редколлегии, обсуждать опусы своих коллег и отстаивать свои интересы.

— Уйду я от вас, — угрюмо пообещал Мазепа.

— А я уже во все общества позвонил, чтобы тебя никуда не брали! — молниеносно отреагировал Женис.

— В памятники я уйду, — сказал Мазепа. — Во Всероссийское общество охраны памятников меня всегда возьмут. Опять председателем, — добавил он и помрачнел.

Чтобы разрядить обстановку, я достал из-за шкафа старые номера, расстелил их на столе. Все разбрелись вдоль «Импулсов» и погрузились в изучение прошлого.

— А ничего, — растроганно сказал Кавченко. — Варили репы...

Как-то раз я придумал фразу: «Он бросал в ее сторону томные и даже двухтомные и трехтомные взгляды» — и проверил ее на Женисе.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Женис. — Молодец. Запиши.

— Я уже записал.

— Ха-ха-ха! Молодец.

Осенью, когда готовился очередной номер, я напомнил ему эту фразу. Женис нахмурился.

— Я ее уже где-то слышал.

— Да это же я тебе сказал!

— Нет, я ее где-то читал.

— Да нет, помнишь, мы шли через площадь, а навстречу шла девушка, и ты еще сказал: «Какой томный взгляд», — а я...

— Нет, я это в «Литературке» читал, — «вспомнил» Женис.

Я был раздосадован страшно. Я ждал подходящего случая, и случай не заставил себя долго ждать. У нашей чудо-машины CDC-6500, на которую молились наши пользователи из других лабораторий, обычно такой безотказной, отказала оперативная память. Раздосадованный невосполнимыми потерями машинного времени, выброшенный на обочину научной жизни, Женис дал волю своим чувствам. Он придумал фразу для «Доски объявлений»: «Что-то с памятью моей стало. CDC-6500». Показал мне и спросил:

— Ну как?

Трогательно было видеть внезапно охватившую его робость.

— Да это уже было, — небрежно ответил я.

— Не может быть!

— Но как автобиографично! Подпись только надо другую поставить. Например: «Женис»...

Ответный выстрел из пистолета остроумия Жениса прозвучал в самый неподходящий для меня момент. Осень наступила, простыл, из одежды ни-

чего подходящего нет — надел синюю куртку и зеленую шляпу. Женис увидел, расхохотался:

— Бьешь на внешний эффект! Но ты не достиг своей цели, я не упал!

Встречаю Жениса на демонстрации 7 ноября в оранжевых туфлях.

— Что-то это мне напоминает, — говорю. — «Золотая осень»? Или наоборот, «Грачи прилетели»?

— Жена купила, — насупился Женис. — Так бы ни за что не надел.

О женитьбе Жениса нужно сказать особо. Захожу как-то раз к нему в общежитие на Ленинградской, 10 — наш герой лежит под брошюрой Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Смутная догадка, мелькнувшая у меня в тот момент, вскоре подтвердилось.

— Женис, вы женитесь? — спросили женщины из редколлегии.

— Нет, — решительно возразил Женис. — Я ежемесячно вступаю в незаконный брак.

— Так редко? — кротко удивилась Лина Рудольфовна.

В нагрузку к свадебному подарку молодой жене вручили собрание любимых фраз и междометий ее молодого супруга:

Ха-ха-ха!

Скромнее надо быть.

Это тебя не украшает.

Скромнее надо быть, и женщины к тебе потянутся.

Усиль конец — похвалю.

Мужчина — это всегда спереди!

Женис был одним из самых долгосрочных и успешных редакторов «Имппульса». Он продержался четыре года и, уходя, дал полдник.

— Может, передумаешь?

— Нет! — отрезал Женис. — Мне надоело читать ваши бездарные опусы и делать вид, что это талантливо!

— А ты не делай.

— Если бы я не делал, вы бы давно уже разбежались.

— Но рисовать-то хоть будешь?

— Не знаю. Может быть. Если меня очень попросят. Я тоже буду гордый!

Оказалось, что Женис не только великий редактор, но и незаменимый художник. Редактор худо-бедно вместо него нашелся, а вот другого художника рядом с этим мужиком во всей Лаборатории поставить было некого. После болезненно бледного февральского номера Мазепа заявил, что еще одного такого позора, да еще на 8 марта, он не переживет, и пообещал, что разобьется в лепешку, а постарается найти художника на стороне.

И он постарался. Заставку номера украшала прекрасная молодая женщина в полупрозрачных одеждах, каждый участок тела которой сопровождался гимном женской красоте, почерпнутым из анналов классической поэзии. Но женщина оказалась так хороша, что на замысел никто не обращал никакого внимания. С роскошно ниспадающими волосами, молодая женщина а ля Боттичелли ступала прямо в сердца зрителей...

— Ах, что за женщина, что за женщина! — тихо восхищался Шириков. — Жень, кто это?

Мазепа ходил с гордым видом, как будто он сам всё это нарисовал. На вопросы, кто это, отвечал:

— Это знакомая художница. Это она с себя рисовала.

— Смело!

— Не замужем?

— Не замужем. Имеет дочь. Дружит с художником.

— И не с одним, — сострил кто-то.

- Не пошлить, — одернул Мазепа.
- А то по репе, — добавил Кавченко.
- Что за женщина, что за женщина! — восхищался Шириков.
- Что-то уж очень хороша, — с сомнением заметил кто-то.
- Ну, это идеализация, — теплым голосом сказал Шириков и дружески взглянул на Мазепу: — Жень, познакомь.
- Ладно, — солидно кивнул Мазепа.
- Приведи ее к нам на вечер.
- Хорошо...

В апреле 1998 года, на пороге III тысячелетия, мы встретились, чтобы потряхнуть стариной. Женису захотелось с помпой отметить двадцатилетие своего вторжения в «Импульс». А заодно проверить, остался ли он в форме, по-прежнему ли держит удар. За помпу отвечал Мазепа. Каждый получил пиво за счет заведения. От каждого Женис потребовал по выступлению.

— А чтобы у вас был стимул, — многозначительно добавил он, — я учреждаю приз за лучшее выступление!

— Надо придумать название, — предложил я.

— А чего тут думать, — проворчал Мазепа. — «Женис»!

— «Золотой Женис».

— «Золотой Женис», — согласился Мазепа, осмыслил сказанное и расхохотался.

Всё было продумано до мелочей. Как любил говорить наш директор, лучший экспромт — это заранее тщательно подготовленное выступление.

Премьера состоялась, как и подобает, 1 апреля. Ах, как жаль, что вас там не было! Это было великолепное «Двадцать лет спустя»... Не буду утомлять перечислением официальных выступлений и неофициальных здравниц, крепких вин и легких закусок, легких вин и всего того, что

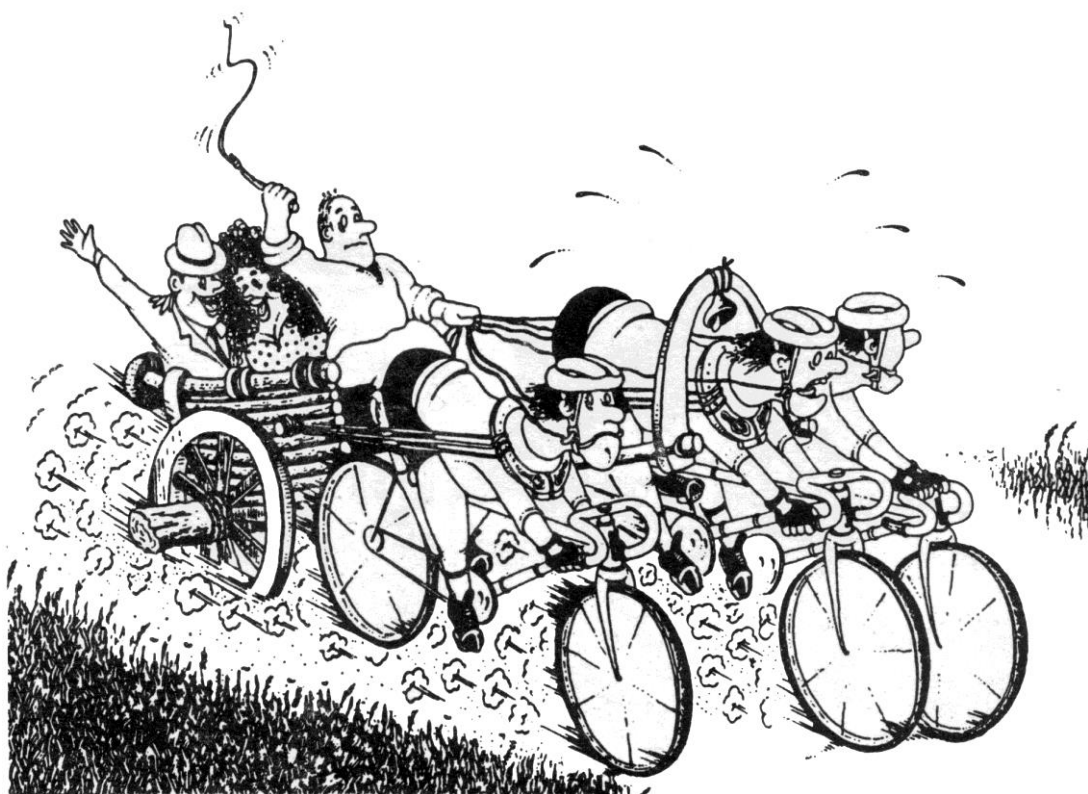

появилось на столе, после того как внесли горячее. Скажу главное: после премьеры всех благополучно развезли по домам — и тех, кого самого развезло, и тех, кто еще стоял на ногах. Статуэтку «Золотой Женис» отхватил Шириков. Вручая приз своего имени, оригинал хохотал громче всех, чего нельзя было сказать о награжденном. Статуэтка очень напоминала символ мужского начала в натуральную величину, и, чтобы смягчить ситуацию, вызванную растерянностью призера, Женис забрал ее назад, объявив, что приз представляет большую ценность и должен храниться у него в сейфе. Можно спорить о том, разучился ли Женис острить. Но хохотать он, бесспорно, не разучился.

А. Расторгуев, 2006

Продолжение следует

«Литературный гульбарий»

Казалось, мы распрощались с «Импульсом» навсегда. Но не тут-то было. Юморист первого ранга В. П. Шириков действительно вышел на литературную пенсию, а остальные литсотрудники в отставке продолжали писать в том же духе. И не только «в стол». Их новые и старые труды нашли приют на страницах газет «Подмосковье», «Подмосковные известия», «Вести Дубны», украсили «Литературный гульбарий» на страницах «Дубненских известий» и «Встречи». «Импульс» пустил корни и на просторах российского Интернета.

В Интернете вы найдете много Корнейчука. После «Импюльса» Анатолий Андреевич с юмористических рассказов перешел на поэзию. Александр Кавченко, напротив, пошел в прозу, попробовал себя в журналистике, разочаровался, сдал псевдоним «Смолин» в хорошие руки и вернулся к научной работе. По утрам он снова ходит в Институт, вспомнил полузабытые слова «сеанс», «ускоритель», «пучок» и «кандидатская надбавка», но еще долго бредил литературными заработками, пугая по ночам соседей.

Геннадий Мазный полтора десятка лет преподавал в местном университете и время от времени открывал литературный чемоданчик, публикуя в Интернете свои полузабытые и новые стихи.

В Интернете можно встретить и Евгения Мазепу, кратко и ясно: mazepa.tv.

Геннадий Мазный

Что может быть прекрасней крика кошки?

Что может быть прекрасней
Крика кошки,
Когда спадет ночная суета
И не мешают поздние прохожие
Глядеть на подходящего кота?
Ты — человек (увы, венец природы!),
Стыдясь животных родичей своих
На всё надел нелепые одежки —
На тело и любовь, на песнь и стих.
И вот теперь проделана работа —
На всём лежит запретности печать.
Но как хотел бы я,
цивилизованный,
Уметь так честно, искренне,
взволнованно,
Как этот зверь
распутно и раскованно,
О горе и о радости
Кричать!

Я притча во языцех баб...

Я — притча во языцех баб —
Никчемных, яростных созданий;
Под вихрем сплетен и стенаний
Креплюсь, скрипя, как баобаб.

И, право, диво, — волчий круг —
Все алчущи и все рычащи,
Но, к счастью, равноотстоящи
Меня сопутствует вокруг.

Мой мрачный гений — возбуждать
В них сладострастное терзанье
И — роковое наказание —
Всерьез их к сердцу принимать.

Я — Иисус, и я восстал,
Но сила — в ереси старинной...
Моя святая Магдалина,
Придешь ли снять меня с креста?

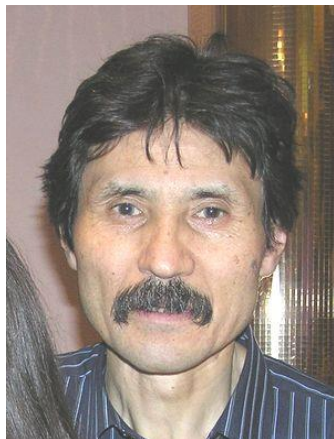
Наш дом

Наш дом — внутри тебя.
Один на целом свете.
К нему я сложно шел,
Терзаясь и любя.
Напрасно я искал
По уголкам планеты...
Наш дом — внутри тебя.
Наш дом — внутри тебя.

Внутри тебя — наш дом.
И в этом — наше счастье.
Цунами и тайфун,
Метеоритный дождь...
Подумаешь, Земле
Грозят одни несчастья...
В нем я спасу тебя.
И ты меня спасешь.

Наш дом в тебе. Внутри.
Для нас он — центр Вселенной.
Чтоб прилететь домой
На карты не смотри.
Да, я люблю наш дом.
Он необыкновенный...
Достойный жизни мир
Ждет нас с тобой внутри.

В «шкуре» Мазного

Как все нормальные сотрудники НИОРЭМО, Геннадий Мазный пил, курил, ел мясо и к 8 марта сочинял стихи, прославлявшие женщин своего отдела. И вот однажды, а это было зимой, он перестал пить, курить и носить верхнюю одежду. Остряки лаборатории зубоскалили по поводу кризиса среднего возраста и предрекали, что до конца зимы клиент не дотянет. Однако зиму сменило лето, снова наступила зима, и вид Мазного в футболке с короткими рукавами превратился в привычный атрибут зимнего пейзажа Дубны. Скептики сошлись на том, что, по-видимому, это у него от здоровых корней: как-никак, его бабушка по материнской линии приходилась родной сестрой известному русскому богатырю Ивану Поддубному. Конечно, первое время, особенно в 20–30-градусные морозы, он наводил ужас на прохожих. На затем местные жители попривыкли, и у него даже появились последователи.

* * *

Самолет уже пошел на снижение, когда я, проснувшись, почувствовал смутное беспокойство. Открыв глаза, я понял причину: казалось, что я попал на другой рейс. Вместо загорелых людей в белоснежных шортах и футболках, с которыми я поднялся на борт самолета в Каире, в салоне сидели пассажиры, довольно тепло одетые, что типично, скажем, для зимнего рейса Москва–Новосибирск. И тут я вспомнил, что забыл в отеле пуховую куртку, а на дворе декабрь, и мне нечего надеть поверх футболки с изображением верблюдов на фоне египетских пирамид. И когда стюардесса сообщила, что температура в Москве 13 градусов мороза и дует порывистый ветер, мое беспокойство перешло в уныние. Когда вы находитесь в эквато-

риальной стране и изнываете от жары и палящего солнца, вам и в голову не приходит мысль, что через каких-нибудь три с половиной часа вы можете оказаться на сильном морозе под колючим и пронизывающим ветром.

По прибытии в аэропорт Домодедово я обнаружил, что институтский водитель, который должен был довезти меня до Дубны, уехал, не дождав-шись, так как мой рейс прибыл в Москву с опозданием на 5 часов. Мне оставалось только добираться до Савеловского вокзала, чтобы при хоро-шем раскладе успеть на последнюю электричку в Дубну.

Получив багаж и натянув на себя еще пару футболок и мятую рубаш-ку, по которым плакала стиральная машина, я едва успел на автобус в Москву. Сидячие места уже были заняты, и, стоя в проходе, я с тоской начал ощущать, что от холода из глубин моего организма разрастается и заполняет все мое тело мелкая дрожь. Взгляды попутчиков, которые я ло-вил на себе, разнились от сонно-равнодушного до «психушка по тебе пла-чет». Среди пассажиров я заметил двух сестер-близняшек, с которыми я познакомился во время ожидания посадки на самолет и которых (как мне показалось) я заинтересовал своими познаниями по истории Египта и тай-нах египетских пирамид. Однако, здесь в автобусе, судя по их странному взгляду, я понял, что мой внешний вид явно не способствует продолжению дискуссии. И надежда на то, что мне удастся отогреться вблизи их меховых шубок, угасла.

При входе на Савеловский вокзал меня остановила милиция. До от-правления последней электрички оставалось меньше десяти минут. А надо было еще купить билет.

— Откуда едем? — спросил милиционер, беря мой загранпаспорт.

— Из Египта.

— А что, там тоже водятся моржи? — сострил он.

— Нет, там водятся арабы.

— Куда едем?

— В Дубну, — ответил я. — Там тоже можно их встретить, — добавил я, вспомнив про Гену Мазного.

— Кого, арабов?

— Нет, моржей.

— Ну что же, счастливого пути! — отковырял он.

В вагоне электрички, куда я успел заскочить за минуту до отправления, сидело не более 3–4 человек. Старожилы помнят, что представляли собой вагоны электричек перестроечных лет, особенно зимой. Выбрав сидение, которое еще сохранило тепло предыдущего пассажира, я закрыл глаза и под мерный стук колес постепенно погрузился в медитацию. За три года до этого я прошел курс йоги под руководством заезжих индийских гуру, и это помогало мне сохранять тонус в экстремальных условиях. Усевшись поудобнее и закрыв глаза, я начал мысленно разогревать свое тело с помощью соответствующих мантр. Очнулся я от того, что кто-то тронул меня за руку. Открыв глаза, я увидел сидящего напротив человека, который спрашивал меня, все ли со мной в порядке и не проехал ли я свою остановку. Узнав, что я еду в Дубну, он оживился:

— Скажите, Вы следуете по пути Мазного?

— Нет, еду из Египта, — грубо ответил я, чувствуя, что теряю накопленное во время медитации тепло. Понимая, что мне уже не избавиться от него, я простодушно спросил:

— А кто такой Мазный?

Всю оставшуюся дорогу я слушал своего попутчика и узнавал от него много нового о Мазном. Не будь лично знаком с ним, я бы мог предположить, что речь идет о некоей мифической личности из дубненского фольклора.

На перроне в Дубне меня встретили два милиционера в черных полушубках и валенках.

— Смотри-ка, еще один Мазный! — сказал один из них, пряча лицо в воротник полушубка.

— Нет, не похож, — отозвался другой.

— Нет, я не Мазный, я другой, — сказал я, отбивая зубами мелкую дробь.

— Попрошу предъявить документы.

— Меня уже проверяли. Сколько можно! — обреченно сказал я, протягивая паспорт...

Домой я бежал со скоростью, на которую способен хорошо тренированный бегун на средние дистанции с чемоданом в руке. Это, вероятно, спасло меня от воспаления легких.

Через несколько дней я встретил Мазного и рассказал ему о своих злоключениях. Он, как обычно, расхохотался, а потом важно изрек:

— Да-а... Не каждому дано быть Мазным.

К его пятидесятилетнему юбилею я нарисовал дружеский шарж, изображавший голого Мазного с кейсом в руке, семенящего своей характерной походкой прочь от одной снежной избы к другой. На пороге покинутой избы стояла снежная баба с плачущим снеговиком на руках. Взглянув на рисунок, он, хохотнув, произнес:

— Вот паразит!

Я так и не понял, кого он имел в виду. Однако по теплым ноткам в его голосе и увлажнившимся глазам было видно, что шарж ему очень понравился.

Женис Мусульманбеков

Александр Кавченко

Кепка под дождем

Я учился в седьмом классе и уже интересовался девушками. На всю округу у нас была только одна скамеечка, около школы. Сидим мы с моей любимой девушкой на скамеечке у школы, разговариваем. А больше молчим. Как будто ждем оба чего-то. Дождь пошел. В какой-то момент я решился и сунул руку ей под блузку. Пальцы у меня были, видимо, холодные, от дождя. Она вlepила мне такую пощечину, что у меня кепка слетела с головы. Я почему-то сразу полез искать кепку. А когда нашел, моей возлюбленной уже рядом не было. «Да, — подумал я тогда. — Детство кончилось...»

По первому разряду

Историю эту я слышал от Шуры, фамилию которого здесь опущу. Наш общий друг Гриша, студент Горного института, пришел к выводу, что пора жениться, и пригласил Шуру на свадьбу в качестве свидетеля.

Свадьба была по высшему разряду — в «Национале». Невеста попросила Шуру пить за жениха водку, если тот будет себе наливать.

Гришка фужер шампанского выпил, налил себе водки, отвлекся на секунд, Шура — хлоп! Гришка оборачивается — фужер пустой. Усмехнулся, налил себе боржоми. Невеста подает Шуре ободряющий знак: молодец!

Дальше со слов Шуры. Вижу, второй фужер наливает. Я опять — хлоп! Чувствую, что пьянею. Гришка — третий. Ну, думаю, это мне уже вряд ли осилить. Так оно и случилось. Выпил и тут же отрубился. Сохранился снимок: Шура сидит в кресле, голова откинута назад, а лицо закрыто салфеткой.

Дальше со слов Гришки. Я вижу, Шура у меня фужер стащил. Ну, думаю, как Шура до водки жаден стал. На втором фужере сообразил, что они с Галкой сговорились. И стал специально подливать...

Пока Шура спал, Гришка три фужера выпил и сам закосел. Шура к тому времени очнулся. Поэтому дальше опять со слов Шуры. Он мне говорит: «Давай в соседний зал сходим, с девочками потанцуем. То есть, настолько уже закосел, что забыл, что на собственной свадьбе гуляет.

Тут Галка поняла, что пора закругляться, упаковала мужа в такси и повезла домой. Поэтому дальше со слов Галки.

Приняла душ, переделась, легла. Вижу, что-то долго его нет. Пошла в ванную. Он там — сидит в ванне прямо в костюме. Я рассердилась, пустила душ. Он сразу проснулся: «Галка, ты что?».

А когда она тащила его в постель, Гришка повторял две фразы. Первую я сейчас уже не припомню, а вторая была такая: «Мы что, едем в Париж?» Галку почему-то особенно раздражала вторая.

Раз редактор, два редактор

Как-то так случилось по жизни, что первым редактором у меня оказался замполит. Учился я тогда в знаменитом Ейском военном авиационном училище летчиков, числился в 1-й авиаэскадрилье. Кто-то из начальства

пронюхал, что на вступительных экзаменах сочинение я написал на «отлично», и мне приказали немедленно войти в состав редколлегии «Боевого листка». Из редколлегии с той поры я, по сути дела, уже не выходил...

«Боевой листок», по определению особистов, был секретным документом, даже если в нем ничего не было, кроме заголовка. В силу своей секретности, вместо бодрой строки «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», он нес грозное предупреждение: «Из части не выносить!» По прочтении, экземпляр «Боевого листка» сдавался в штаб, и что там потом с ним происходило — никто не знал. Цензуры, как таковой, не было, но: нельзя было подрывать авторитет начальников и вообще всех офицеров; нельзя было подрывать авторитет сержантов — все это снижало боеготовность подразделения, что влекло за собой снижение боеготовности полка и, следовательно, снижение боеготовности всей авиации Советской Армии. Не рекомендовалось вдаваться в подробности, поскольку «всюду глаза и уши».

У замполита нюх на такие дела был, как у спаниеля, но и он (замполит) однажды прокололся. Наш художник нарисовал командира звена, майора Пенькова (это настоящая фамилия!), беседующим с курсантом. Курсант вышел каким-то абстрактным, зато майор — замечательно конкретным. Особенно удалась художнику роскошная лысина Пенькова. Собственный портрет майору не понравился, и он пожаловался командиру эскадрильи. Комэска жалобу выслушал и прогулялся вместе с командиром звена к «Боевому листку». Сравнив натуру с изображением, он пожал плечами и приказал нарисовать на голове майора летный шлем. Художник, чтобы не возиться, обвел голову майора жирной линией и подштриховал. Майор немедленно превратился в какого-то апостола, переодетого в форму офицера военно-воздушных сил. Майор-апостол что-то втолковывал тупому язычнику, который стоял перед ним в летном костюме и с кислородной маской в руках. Со стороны казалось, что они обсуждают маршрут на небеса обетованные. Тут уж народ повалил к «Листку» валом.

Религиозный душок сгубил всю редколлегию. Все получили по шее, хотя я и доказывал, что только писал текст. Мне пришили отсутствие наблюдательности и пригрозили внести это в летнюю характеристику.

Знакомство со вторым редактором состоялось в МИФИ. Эта приятнейшая женщина наверняка была прекрасной женой и матерью, отличной хозяйкой — то есть, как я теперь понимаю, нормальнейшим человеком. То, что приносили в газету «Инженер-физик» спятившие от тензорного исчисления, пива и сугубо мужского общества студенты, повергало ее в ужас.

Не сомневаюсь, что мои жизнерадостные произведения были светлым пятном на фоне жутких безразмерных стихов и прочих сюрреалистических опусов моих коллег по перу. Она меня охотно печатала, но также охотно печатала и пародии, которые злобно и талантливо писали на меня менее удачливые авторы. Однажды редактор направила меня в однодневную творческую командировку в Московский текстильный институт. Почему-то из однодневной командировка превратилась в суточную, а потом из общежития МТИ на 2-й Донской улице я уже не вылезал...

Мой стиль изменился. Из лирика (каковым я был в армии) я превратился в циника (каковым пребываю до сих пор). Если лирик воспевал закаты и рассветы, луну и звезды, загадочные взгляды, черемуху и соловьев — то циник охотно писал юморески, в которых все девушки непрерывно хотели выйти замуж; свирепствовали тещи-живоеды, а на спинах, шеях и прочих частях отцовских тел висели оружие наследники. Окончательно зарвавшись, циник начал писать грязные пасквилы на сотрудников профилирующей кафедры, что стоило ему «неуда» по курсу «Импульсная техника». Патологическое омерзение к слову «импульс» поселилось в моей душе...

По окончании МИФИ очень компетентные органы направили меня на работу в Объединенный институт ядерных исследований. А в Объединенном институте не менее компетентные лица приписали меня к Лаборатории вычислительной техники и автоматизации. Увидев название стенгазеты

ЛВТА («Импульс»!!!), я побледнел, сделал шаг назад и прошипел: «Ну, уж здесь-то точно строки моей не будет!» Но человек предполагает, а Бог располагает. Однажды состоялось роковое заседание партбюро ЛВТА, на котором мне должны были утверждать характеристику для защиты диссертации. И не утвердили. По причине полного отсутствия общественной нагрузки. Пришлось нагружаться и бить челом редколлегии.

Годы, проведенные в редколлегии «Импульса», дали мне многое. Во-первых, я навсегда расстался с мыслью о научной карьере. Во-вторых, познакомился с отличными людьми и приобрел бесценный опыт общения с редакторами. В-третьих, я чрезвычайно усовершенствовался духовно, глубоко осознав заповедь: «Возлюби редактора, как самого себя». Выдающимся редактором всех времен и народов «Импульса» был Женис Мусульманбеков. Хотя в те времена я часто испытывал мучительное желание треснуть его пепельницей по голове. Особенно, когда он нагло смотрел мне в глаза и произносил свою коронную фразу: «Конец слабоват!» Мешало мне не только полное отсутствие пепельниц, но и наличие на голове Жениса такой густейшей копны волос, что никакая пепельница до цели не дошла бы. Скорее всего, Женис рассмеялся бы своим замечательным громогласным смехом. Однако циник, о котором я писал выше, в отместку состряпал рассказик из семейной жизни Жениса, а чтобы Женис ни о чем не догадался, рассказик имел благочестивое название: «Святая простота».

Потом редакторы пошли чередой. С одним я судился, с другой разводился. О теперешнем редакторе умолчу. Мне с ним жить в двадцать первом веке. Ему приносить свои материалы, иногда получать от него деньги. Редактор — это столп, это альфа и омега, это начало и конец. Пусть даже конец, который несколько «слабоват».

Евгений Мазепа

Размышления бывшего либреттиста и сказочника, а ныне преуспевающего бизнесмена

Когда я был литературным сотрудником в стенгазете «Импульс», я писал исключительно ручкой за 30 копеек. Из-под этого, с позволения сказать, пера выходили мои бессмертные литературные произведения. Кроме Жениса (бывшего в то время редактором «Импульса») эти произведения нравились всем. Ну, или почти всем. Ну, скажем, кому-то нравились. Ну, в конце концов, мне они нравились точно. Хотя, наверное, не все.

А ведь именно этой ручкой было написано либретто известного балета, придуман тест-гороскоп по знакам растений... Одна рифма САЙБЕР–БЛАЙЗЕР чего стоила! Да и писалось как-то исключительно легко. Помню, когда кончалась паста, я открывал верхний колпачок, вынимал стержень и дул в него до звона в ушах. Ручка после этого еще некоторое время писала, а голова после звона работала четко и ясно.

Теперь у меня на столе два Паркера, и из-под их перьев выходят мои подписи и еще иногда резолюция «В бухгалтерию к оплате». И всё. Вот я и думаю: может быть, фирме Паркер иск предъявить за некачественный товар, поставляемый в Россию? Дуть не во что, да и не пишется ими ничего

путного. Наверное, так и сделаю. Кстати, текст этот я поручил написать референту, но зато зачитываю сам.

Любовь и бизнес

(либретто к балету)

Как-то году в 80-м* я написал для стенной газеты** либретто балета*** на компьютерную тематику. Потом нашу редколлегию разогнали****, а материалы были частично уничтожены. Пропал и текст либретто. С тех пор прошло много лет, и я решил восстановить либретто по памяти с учетом новых реалий.

*Альпы,
апрель 2002*

Действующие лица

Алехандро — молодой бизнесмен с неоконченным высшим образованием.

Гортензия — секретарь-референт крупного холдинга.

Дон Перильо — президент холдинга.

Настоящие пацаны.

Сотрудники правоохранительных органов.

Пролог

Небольшая фирма. Алехандро задумчиво, но зло исполняет танец написания претензионного письма не выполнившему условия контракта

* В 1979 году.

** «Импульс».

*** «Возрождение любви».

**** Точнее, предложили разойтись.

Дон Перильо. Видно, что пти-батман здесь не проходит, поэтому несколько раз исполняется гранд-батман, который завершается звонком по сотовому телефону.

Занавес

Действие 1

Картина 1

Приемная холдинга. За столом, уставленном факсом, принтером, телефонами и компьютером Гортензия, используя MS-OFFICE, исполняет адажио набора очередных приказов Дона Перильо. Пронзительно звонит телефон. Грациозно танцуя, Гортензия снимает трубку.

Занавес

Картина 2

Декорация та же. Открывается дверь и в лихом фуэте перед Гортензией появляется Алехандро. Экспрессивно исполняя танец претензионного письма о невыполнении обязательств перед его фирмой, Алехандро тем не менее обращает внимание на Гортензию с которой до этого общался только по телефону.

Занавес

Картина 3

Декорация та же. Задумчиво выполняя поддержку, Алехандро как бы говорит Гортензии, что он сражен ее красотой, но бизнес есть бизнес. Открывается дверь, из которой вытанцовывает Дон Перильо. Увидев Гортензию в руках Алехандро, он сгоряча танцует приказ об увольнении Гортензии в связи со служебным несоответствием. На Алехандро он не обращает внимания. Оставив плачущую Гортензию, Алехандро утанцовывает из приемной.

Занавес

Действие 2

Картина 1

Офис охранной фирмы. Настоящие пацаны танцуют разудалую кадрили о разводке лохов. Неожиданно появляется Алехандро. Вместе с пацанами они исполняют танец предполагаемого наезда на Дона Перильо.

Занавес

Картина 2

Правоохранительные структуры. Измученные низкими окладами, сотрудники не исполняют никаких танцев.

Занавес

Картина 3

Ресторан. За столом, уставленным дорогими бутылками, вместе с новой секретаршей загульно танцует Дон Перильо. Появляются настоящие пацаны, которые немедленно исполняют танец «жизнь по понятиям». Изящно достав наличку, Дон Перильо перетанцовывает заказ на Алехандро.

Занавес

Действие 3

Картина 1

Небольшая фирма. Связанный Алехандро танцует настоящим пацанам о том, что паяльник применяется совсем для других целей. В этот момент врываются сотрудники правоохранительных органов. Для отчетности им не хватило факта ликвидации бандитской группировки. Они танцуют пацанов в КПЗ.

Картина 2

Кабинет президента холдинга. Никого нет. Дон Перильо утанцевал в неизвестном направлении.

Занавес

Эпилог

Лоно природы. Счастливые Алехандро и Гортензия исполняют танец любви друг к другу с чувством признательности к правоохранительным органам.

Конец

Анатолий Корнейчук

Не хочется писать об Анатолии Андреевиче в прошедшем времени, поэтому просто приведу здесь вступление к поэтической подборке Корнейчука, напечатанной в 2011 году в газете «Вести Дубны», где всё в настоящем времени:

Корнейчук — фамилия литературная. В Советском Союзе это было очевидно, теперь это надо доказывать. И Анатолий Андреевич доказывает, из года в год публикуя в Интернете новые стихи, пародии, рассказы и зарисовки. Он тонкий лирик, матерый пародист, наблюдатель человеческих сердец. Свои пародии на поэтов современности он скромно называет подражаниями, но сам он воспитан на классической русской литературе XIX века. Он помнит чудное мгновенье, знает, что любви все возрасты покорны, и странною любовью любит Россию и Украину.

Рыжая женщина

Подражание Анне Щербаковой

Огненно-рыжая, плечи покатые,
С виду бесстыжая, формы — богатые.
Лишь пригубил, а в ответ мне — затрещина:
Нынче не в духе шикарная женщина.
Огненно-рыжая, платье — зеленое.
Ловишь печально ты взгляды влюбленные.
Вот и гадаю: кому же обещана
Эта шикарная рыжая женщина?

Торнадо

Подражание Валентине Бобровиц

Я был тот бешеный «торнадо»
С кровавой пеной на губах,
А ты... а ты была что надо
И выдыхала страстно: «ах!»
Летела пулей электричка,
Вся в электрических огнях.
В моих руках ты билась, птичка,
И выдыхала страстно: «ах!».
Но тормозила остановка,
Вся в полушубках и снегах,
И ты шептала: «нет!», плутовка,
И выдыхала страстно: «ах!»
Мне это всё осточертело,
И, разругавшись в пух и в прах,
Ты гладила чужое тело
И повторяла страстно: «ах!»
Как кони годы пронеслися,
И я остался на бобах...
О, где, чудная Лариса,
Что выдыхала страстно: «ах!»?

Мои дамы

Первый и единственный раз дамы признались мне в любви в пятом классе. Звали их Алла и Галя. Была осень 1947-го, Украина, плавно переходящая в Россию, конный завод, основанный еще при Екатерине, в 1765 году. Степь, местами еще ковыльная. Школа из трех очень разных зданий: бывшая церковь, бывший купеческий особняк, бывший роддом. Наш пятый — в бывшей церкви. Я был новенький, моложе и мельче

остальных, и чувства моих хорошеньких соседок могли быть только материнскими. Я был удивлен, польщен, не расплакался, не обиделся, остался холоден, но случай запомнил.

И когда к девятому классу пришел и мой черед интересоваться женским полом и женским вопросом, я стал вести хронику. То была субъективная хроника: что было и что кто кому, каким тоном и с каким выражением лица сказал. У хроники была открытая часть, доступная для чтения всем, кто попросит, и закрытая, исполненная одному мне известным шифром. Эта хроника сохранилась. Из нее и сегодня можно узнать, что утром 6 ноября 1951 года Галя пришла в школу в дурном настроении и потребовала от меня, главного решателя, объяснить задачу по геометрии. Власть Гали надо мной еще продолжалась, но уже ускользала; дама, по простоте своей, еще не подозревала об этом, а я не торопился дать ей это понять. Разлучница Алла задачу решила, но при объяснении присутствовала, а я пытался ее смешить.

Мои дамы к девятому классу расцвели, а я в мальчишечьем физкультурном строю как был, так и остался последним. В столь бедственном положении нечего было думать, как мне представлялось, об успехе у дам. Галя, живая и вздорная, стала роскошной сероглазой блондинкой с толстой косой. Из Аллы выросла брюнетка мягких, не цыганских тонов, задумчивая и загадочная. Так что глаза мои разбегались.

А ведь была еще одна. Потаенная. Неземная. Людочка из седьмого. На каждом школьном празднике, будь то Новый год, Первое мая или Седьмое ноября, был один и тот же коронный номер. Гвоздь. Хит. Учитель музыки Григорий Михайлович — скрипка. Валентина, старшая Галина сестра, тоже, из-за недавней войны, учившаяся в нашем классе, — гитара. Вальс «Над волнами». И Людочка, не по-деревенски тоненькая, гибкая и раздетая. Акробатический этюд. Мы учились в одной школе еще целых два года, но я так ни разу и не посмел заговорить с Людочкой.

6 ноября. Людочкин этюд будет завтра. После уроков того же 6 ноября мы с Галей, Аллой и Валентиной выпускали стенгазеты. Классная называлась «Колючка», школьная — «Молодая смена». До нас школа была семилеткой, и в восьмом, девятом и десятом мы были старшим классом, той самой сменой. Сначала мы все расположились в бывшем алтаре — его пол был приподнят на полметра, и туда вели ступени, — но вскоре ответственная за «Смену» Валентина отделилась от нас и ушла в другое помещение. Мы остались втроем. Мои дамы разбирали нанесенные народом колючие заметки и щебетали, а я, устроившись на задней парте, сочинял передовую. Когда нужное казенное слово долго не находилось, я отрывал взгляд от бумаги и смотрел на Галю. В профиль она была римлянкой — как в учебнике истории, румяной римлянкой с отбившейся от косы светлой прядью, которую она то и дело поправляла. Между дамами случались творческие разногласия: помещать или не помещать, называть или не называть — и тогда щебет сменяло воронье карканье и змеиное шипенье. При этом вспыхивая Галя, чувствуя, что ею исподтишка любуются, сохраняла спокойствие, а рассудительная Алла злилась и становилась неинтересной.

Потом было жаркое лето 52-го. Понаехали чьи-то московские молодые родственники, их знакомые и знакомые их знакомых — и все наши дамы, и мои, и не мои, позабыли своих кавалеров и поклонников. Мы, мужчины, очень страдали, но не подавали виду. Общее несчастье нас сплотило, глухая биологическая вражда из-за прелестных самочек, и без того вялая, потому что самочек было много, хороших и разных, — эта вражда совсем угасла. Мы бродили стаями по опустевшему для нас старинному екатерининскому парку и, заслышав невдалеке чей-нибудь звонкий смех и такой знакомый голосочек, крались кустами на звук. Какое-то горькое наслаждение было в тайном созерцании сцен измены.

Но лето прошло, наступил последний наш школьный сентябрь. Наши дамы вернулись в наш класс на втором этаже бывшего купеческого особ-

няка. Некоторое время они шушукались, обсуждая письма от москвичей, но скоро эти письма иссякли. Наступил их черед страдать. Мы, мужчины, терпеливо ждали. И вот к Гале вернулась ее всегдашняя норма настроения — утром облачно, днем дождь, вечером ясно, — а Алла и вовсе подружилась со мной: было кому излить душу, не опасаясь женской зависти и козней лучших подруг. Мы, мужчины, приняли наших блудных дам и молча, не унижая их объяснениями, простили их. И нанесенные ими сердечные раны, как нам, мужчинам, тогда казалось, зарубцевались — а так казалось еще и потому, что лето и приключения добавили красок нашим прелестницам.

После школы Алла и Галя пошли по финансовой части, а Валентина — по судейской. Была от Аллы пара писем и любительская фотография, чудом уцелевшая после моих женитьб и следовавших за ними ревизий фотоархива. Галя — серьезная, Алла — смеющаяся. Галя обрела завершенность очертаний, Алла — взгляд роковой женщины. Мои дамы стремительно матерели, но происходило это уже не на моих глазах...

Как и почему я стал математиком

Для урока в 6 «Е» 7-й школы

Школа, где я учился, была на юге, в степи, почти на границе Украины с Россией. Там был конный завод. Один раз я даже видел издали самого главного лошадиного начальника — маршала Буденного — в синих штанах с красными лампасами.

Я вспоминаю своего учителя, Алексея Николаевича Бирюкова. Он был строгий учитель, но справедливый. Со мной в классе училась дочь Алексея Николаевича Ленка, и когда она плохо отвечала урок, Алексей Николаевич холодным таким, официальным голосом говорил: «Слабо, очень слабо, Би-

рюкова. Садитесь. Два». И ни у кого другого двоек Ленка не получала, только у папы.

Когда мы научились решать квадратные уравнения $x^2 + px + q = 0$, где p и q известны, а x надо найти, я спросил Алексея Николаевича: а как решить уравнение, если не x^2 , а x^3 ? Алексей Николаевич на следующем уроке, проходя по классу, молча положил на мою парту листок с формулой для решения этого уравнения. Эту формулу открыл итальянец Кардано в 1545 году. Потом Алексей Николаевич давал мне решать задачи из задачника Моденова.

В первом классе я хотел стать летчиком, в восьмом — механизатором, а в десятом, по примеру Алексея Николаевича, — учителем математики и собрался поступать в Ворошиловградский пединститут, но он убедил родителей и меня, что надо ехать в Москву, в университет. Это сейчас университетов много, и даже в крохотной Дубне свой, потому что осталось ничейное здание от военного училища, и надо было поскорее здание сделать чейным, и получился в Дубне немножко международный, немножко платный и немножко экологический университет. А когда я учился, университетов было, может быть, десять или двадцать на всю огромную страну.

Я проучился пять лет, а потом еще три года — в аспирантуре. Больше других со мной возился мой университетский учитель Николай Петрович Жидков. Тогда только-только появились первые неуклюжие компьютеры. Какие они были, я, может быть, расскажу в другой раз. Компьютеры, как вы знаете, нужны, чтобы решать сложные задачи, в тысячи, в миллионы раз сложнее школьных. Из всех задач, которые мне самому приходилось решать, я расскажу очень коротко только про одну — про компьютерную разведку полезных ископаемых. Она ведется так: специальными приборами — гравиметрами — измеряют с высокой точностью силу тяжести на поверхности Земли. Под теми местами, где в недрах Земли есть породы, пропитанные нефтью, сила тяжести будет чуть-чуть меньше, и с помощью

компьютера удастся приблизительно определить размеры предполагаемого месторождения и глубину, на которой оно залегает. Если месторождение обширное и не очень глубокое, на то место в первую очередь приезжают буровики и обследуют его с помощью скважин, если глубоко — оставляют на потом. Несколько лет я работал с Оксаной Константиновной Литвиненко с геологического факультета Московского университета. Мы обрабатывали измерения силы тяжести на территории Туркмении. Сейчас Туркмения — нефтяная держава.

Довольно долго я проработал в физическом институте в Дубне, а лет десять тому назад мой институтский учитель Николай Николаевич Говорун благословил меня на занятие школьной информатикой. Тогда только-только появились первые школьные компьютеры. Надо было узнавать и придумывать, как расположить компьютеры в школе, где их до этого не было, чему и как учить школьников. Я постепенно насовсем перебрался в 9-ю школу, а в физическом институте без меня обошлись.

Я продолжаю учиться, теперь уже у моей школьной учительницы Аллы Ивановны Денисовой. Проводить в компьютерном классе так много уроков и по таким разным предметам как физика, химия, русский язык, как это проводит Алла Ивановна в 7-й школе, я еще не умею.

И последнее. Когда наступит теплая погода, я приглашаю б «е» на экскурсию в 9-ю школу, в компьютерный класс. А подкову оставляю вам на счастье и на память о сегодняшнем уроке.

Княгиня Ольга

Киевская княгиня Ольга совершала шоп-тур в Константинополь, ныне Стамбул. Когда они шли по базару с армянкой из Ленинакана, ныне Гюмри, та дернула Ольгу за рукав:

— Смотри: царь!

Царь тоже обратил на них внимание и поспешил навстречу.

— Салям алейкум! — сказал царь. Он готовился к предстоящему в XVI веке покорению Византии турками и изучал турецкий.

— Здоровеньки булы, — ответила Ольга. Она готовилась к предстоящей в XX веке встрече на высшем уровне в Беловежской пуще и изучала украинский.

— Константин, — сказал царь и звякнул шпорами.

— Ольга, — сказала княгиня и звякнула монистами. И, потупив очи, спросила:

— Вы шо, тутэшни?

— Да, — небрежно ответил Константин. — Тутэшний царь. А вы, простите, откуда?

— Та з Києва.

— И чем, простите, там занимаетесь?

— Та княгинею работаю...

— И тяжело приходится? — участливо спросил царь.

— Та конешно. И все одна...

— Как одна? — встрепенулся царь. — А князь?

С опущенных долу очей Ольги скатились в базарную пыль две слезинки. Армянка из Ленинакана потянулась к сумочке за корвалолом.

— Нэма князя. Дрэвляны вбылы...

Когда минута молчания окончилась, царь предложил:

— А не посмотреть ли нам службу в храме?

— Нэ знаю... — засомневалась Ольга. — В Славыка джынсив нэма...

— Я тебе продам, — решительно сказала армянка из Ленинакана. — Пошли.

— И как храм? — спросил царь по окончании службы.

— Мэни б такой у Києви... — мечтательно сказала Ольга. И та-ак посмотрела на царя...

— Девушка! — воскликнул византийский царь и пал пред Ольгой на колени. — Будьте византийской царицей! Выходите за меня замуж немедленно!

— Та встаньтэ ж! — забеспокоилась Ольга. — Штаны он уси в пылюци... Хиба ж так можна...

Наступила неловкая пауза.

— Як же я за вас пиду? — осторожно, чтобы не обидеть не слишком симпатичного ей царя, заговорила Ольга. — Я ж нэхрэцэна.

— Крестим! — воодушевленно воскликнул царь. — Патриарх!

Сбегали за патриархом. Тот срочно разучил с Ольгой пару молитв и показал самые необходимые жесты и движения. Вернулись в храм, приготовили купель. Армянка из Ленинакана одолжила подходящую ночнушку. Царь велел патриарху быть крестным отцом.

— Нэ хочу! — вдруг воспротивилась Ольга и топнула ножкой. — Воны старэньки. Щэ, нэ дай Боже, вмруть.

Царь предложил кандидатуру другого важного государственного лица, третьего, а Ольга — свое:

— Нэ хочу!

— А если я?.. — неуверенно спросил царь своевольную княгиню, когда уже никого из сколь-нибудь значительных лиц не осталось.

— Добрэ, — кротко ответила Ольга и та-ак посмотрела на византийского царя, что тот закричал что было мочи:

— Начинай!!!

Окрестили.

— А теперь — свадьба! — скомандовал царь.

— Нэ можна... — тихо сказала Ольга.

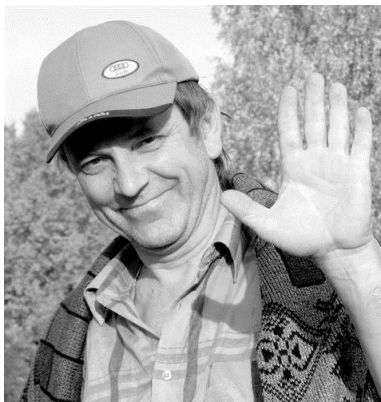
— Почему-у? — взревел царь.

— За батька — нэ можна. Бог покарае. — И воздела к небу, где должен был находиться православный бог, очи с пушистыми хохлацкими ресницами.

— За батька нэ можна? Бог покарае? — все еще не веря в непоправимое, спросил византийский царь у патриарха.

— За батька — нэ можна. Бог покарае, — точно загипнотизированный, повторил священный дед. Ему светило от разгневанного царя сесть на кол, но ведь и на самом деле было нельзя.

Ольга с армянкой сели в свой туристический автобус и укатили. Всеобщее православие на Руси ввел попозже внук Ольги Владимир. А Ольгу с тех пор чтят. 24 июля — ее день.

Александр Расторгуев

Гражданская оборона Боба Гетманова

Когда Советский Союз был второй державой мира и претендовал на роль первой, молодые специалисты, придя на работу, становились инструкторами гражданской обороны. Довелось побывать в этой ипостаси и мне. Принимая журнал с отчетом о проведенных занятиях, представитель штаба гражданской обороны однажды горестно вздохнул:

— Боже мой, боже мой... Ведь это же всё липа... Если, не приведи господь, что-нибудь на самом деле случится...

Потом из отдела обработки фильмовой информации пришел Боб Гетманов, и мне, наконец, удалось, как выразился один коллега, *отбояриться* от гражданской обороны.

Известие о том, что пора сдавать журналы, как всегда прогремело словно гром среди ясного неба. Зельманов заполнил журнал, посмотрел на потолок, взял оттуда даты проведения занятий, после принялся обзванивать сотрудников отдела, чтобы проставить индивидуальные номера обуви и противогазов. Номер обуви знали все, а вот противогаза, естественно, никто не помнил. Боб оказался в сложном положении. Склад закрыт, практическое занятие проводить поздно.

И тут ему пришла в голову блестящая идея. Он тут же попросил о поддержке. Идея показалась мне забавной, и мы отправились на поиски приключений. Гетманов вымерял сантиметром головы сотрудников отдела, а я, пользуясь формулой из учебника по гражданской обороне, вычислял номер противогаза. Нас встречали с пониманием, только Иванов, прежде чем дать себя обмерить, предупредил:

— А я скажу, что занятия не было!

— А мы скажем, что было! — тут же парировал Гетманов. — А тебя не было!

Принимая отчет о проведенных занятиях, представитель штаба гражданской обороны Петрусеви́ч привычно вздыхал:

— Боже мой... ведь это же всё липа...

Он был прав во всём, кроме одного: номера противогазов были определены по всем правилам гражданской обороны.

Вторая встреча

(Сюжет для небольшого романа)

Молодая девушка, физик-теоретик, выходит замуж за продавца, чтобы остаться в Дубне после окончания стажерского срока. Внезапно муж узнает, что супруга его не любит. «Она вышла за меня из-за прописки», — с горечью понимает Суперстарцев. Той же ночью он исчезает из города, оставив молодой жене квартиру и записку с согласием на развод.

Проходит несколько лет. Окончив физфак МГУ, в Дубну возвращается Суперстарцев. (К этому времени Верочка вторично вышла замуж и вторично развелась, а также успешно защитила диссертацию, написанную специально для нее профессором Эн.)

Бывшие супруги встречаются на семинаре по вакуумным средам. Вера Николаевна, не успев подготовиться к семинару (в спешке она надела си-

ренивое платье вместо темно-салатового), чувствует себя у доски неловко, не в тон с аудиторией, и доклад получается скомканным. Следом за ней выступает Суперстарцев. Он в прекрасной спортивной форме. Досадую на неудачу, Верочка слушает доклад рассеянно.

— Кто это? — спрашивает она.

Ей отвечают, что это стажер Суперстарцев. «Суперстарцев... Суперстарцев... Где я слышала эту фамилию? — думает Вера Николаевна (у нее хорошая память на имена). — Ба! Ужель «та самая Татьяна?...»

Вечером происходит объяснение в гостинице.

— Как ты жила все эти годы? — спрашивает Суперстарцев. — Я следил за твоими работами.

Вера Николаевна, вспыхнув, словно девочка, опускает голову.

— А я часто вспоминала твои обеды, — признается она...

У этой истории счастливый конец. Влюбившись в научный талант Суперстарцева, Верочка становится его научным руководителем. Они посылают совместную статью в «Physical Review». Они уже готовы броситься в объятия друг другу, но проверяют чувства, и лишь когда приходят гранки, подают заявление в загс, чтобы отныне закрепить творческий союз брачными узами.

Однажды двадцать лет назад

Одна молодая учительница математики, она же классный руководитель 6 «А», решила, что хватит детей учить математике и пора устроить себе праздник.

Наступила календарная весна, и приближалось 8 марта.

Молодая учительница математики, отнюдь не гордая этим званием, поскольку не обманывалась на этот счет и прекрасно знала, что значит школьная училка в глазах школьных оболтусов, решила, что ей пора рас-

слабиться, а ее ученикам — оттянуться по полной программе (но обязательно школьной).

Это были лучшие ее ученики, потому что первые, а также потому, что все ее ученики тогда были лучшие. Они, ее скромные математические труженики, мысленно уже очинили воображаемые перья и, также мысленно, окунули их в воображаемые чернила. Иначе говоря, они достали свои шариковые ручки и раскрыли, кто не поленился, ученические тетради, приготовившись списывать с доски то, что им там, на доске напишут.

Но на уме у их любимой учительницы в тот момент было совершенно иное.

Совершенно!

Ведь, как уже отмечалось выше, только что закончился февраль, приближалось 8 марта, и в воздухе точно пахло весной.

И она объявила обрадовавшимся ученикам, что по этому случаю вместо математики будет сочинение на вольную тему.

Читая потом сочинения, которые положили ей на краешек стола ее вольные ученики, она хохотала до слез. В сочинении одного из лучших своих учеников (а для нее все тогда были лучшие) она прочла: «Я знаю геометрические фигуры — одноугольник, двухугольник, треугольник, крук...»

Она шла домой в отличном настроении, потому что была молода, потому что приближалось 8 марта, потому что в воздухе пахло весной, и она была влюблена, сама еще не зная в кого, и потому что была любима своими по определению лучшими учениками.

Сага о Форсайтах

Записки web-юзера

Ваше слово, товарищ Браузер!

Спрашивается, при чем тут эти Форсайты, какое отношение они имеют к теме сочинения, и что за ними стоит? А ни при чем, ничего за ними не стоит, и никакого отношения к теме они не имеют. У меня и темы-то нет...

Начало, сам понимаю, рискованное, на таких началах легко сделать имя, но потерять фамилию. И всё-таки... Предлагаю конференцию на тему «Блуждание по пространствам Интернета в поисках смысла и творчества новых словесных образований». Мысли, впечатления, переживания, изящная словесность — всё в предельно законченной, лаконичной форме; предел пусть каждый положит себе сам.

Иногда думаю: вот напишу что-нибудь, пушу в Интернет, — а народ разберет меня, как Грибоедова, на пословицы и поговорки.

*(Подражание Розанову:
за клавиатурой, «Уединенное»)*

Работаю в Интернете, как сталкер из «Пикника на обочине»: зашел в Зону, взял хабар — и сразу назад.

*(За тем же,
«Короб третий»)*

Когда меня спрашивают, где я печатаюсь, я отвечаю: у Ковылина. У него хороший принтер. Сижу у него, звонок в дверь. Саша идет открывать. Возвращается. Спрашиваю: «К тебе гости?» — «Да нет, это кота с улицы привели». — «Пьяный, что ли?»

*(За ужином,
вторая сосиска)*

Помпезный и аляповатый сервер «Кулички». Всё никак не мог понять, что в нем такого, а вот прочитал статью Андрея Себранта «Как раскрутить свой сайт в Интернете», дошел до баннеров — и всё стало на свои места. Великое это дело — хорошая умная литература и живой русский язык.

*(За «Куличками»,
«Мечты в щелку»)*

Заглянул к себе в гостевую книгу, наткнулся на прегадкое замечание и чтобы восстановить душевное равновесие, тут же заглянул к Житинскому, зная что у него тоже есть. Перечитал, сразу стало легче.

Открыл, наконец, свою конференцию. Вижу, в ней ничего нет, даже названия. О людях уже не говорю. Вышел, хотел вернуться — обратно не пускают: говорят, такая конференция уже есть. Открыл еще одну, название дал потрясающее: «Верша в Интернет броуженье»! Меня опять поблагодарили — а конференция и на этот раз без названия! Чего-то я в этом Интернете, видимо, еще не понимаю...

Мимоходом

Подражание Кортасару

Мне всегда казалось загадочной фраза: «Я был там мимоходом». Можно подумать, что там, где был человек, который произнес эту фразу, живут существа мимоходы. И сам он там был мимоходом.

Мимоходы ходят пешком и ездят на мимоходках или другом мимоходном транспорте. Больше всего на мимоходках любят ездить те, кому обычная жизнь кажется чересчур пресной и кто жаждет необыкновенных приключений.

Мимоходы открыли речное мимоходство, занялись торговлей и распространились по всему миру. Позже они изобрели мимолеты, оторвались от земли и покорили воздушное пространство.

От них пошли деятельные мимоходцы, мечтательные мимоходиане и трогательные мимоходики. Так родилась цивилизация, о которой вы не прочтете ни в одном учебнике истории.

Из жизни RAL126

Всё вдруг пришло в движение. Щелк, щелк.

— Ой, жмуть! Ой, жмуть нашего брата! — закричали файлы, гонимые на новое место процедурой уплотнения.

RAL126 оставался спокоен. Он знал, что перед ним свободных блоков нет и, что бы ни случилось, он останется на месте. Уплотнение, удаление, пересылка — на все воля Системы!

Между тем обстановка на диске оставалась беспокойной. Ширилось движение в защиту файлов. Периодические сбои в работе Системы наводили на мысль, что Командная Система изжила себя. Процессор оправдывался: я всего лишь исполнитель.

Мнения по этому поводу разделились. Идеалисты полагали, что Система действительно только игрушка в умелых руках, ее поведение объясняется немашинными причинами. Другие утверждали, что надо исходить из собственных законов Системы, а материалисты настаивали, что причины уходят еще глубже, в железо. Деисты оставляли за гипотетическим немашинным существом лишь акт Первозапуска. Материалисты сформулировали понятие о Самозапуске...

Шло машинное время, лампы накалялись, триггеры едва успевали менять состояние на обратное. Материалисты настаивали, что Система существовала всегда, ибо вечна, идеалисты утверждали, что она имеет Начало и

Конец, что существовал Первичный Запуск, а наиболее смелые алгоритмы шли уже дальше, объявляя сам Первозапуск неединственным!

Сидя у себя на барабане, RAL126 посмеивался. Мы файлы, хранители информации, нас это не касается. При любой системе будем сидеть как сидели! А в это время сменный инженер уже нажимал роковую клавишу на пульте ЭВМ. Шли последние наносекунды компьютерного мира.

Через три поколения

Манипулятор ИБР-2М работал на автомобильном конвейере. Это был робот первого поколения, но его трехпалая и единственная рука была в своем роде произведением инженерного искусства.

Рядом трудились коллеги. На стене висел плакат: «Нынешнее поколение роботов будет жить!» Но его действенность сильно снижалась тем обстоятельством, что роботы первого поколения были слепы, а роботы второго поколения, наделенные телекамерами, не умели читать. Они не умели играть в шахматы, выводить теоремы, им не даны были искусство умозаключений и радость музыкального творчества, но именно руками-манипуляторами таких как они в мире собирались автомобили, бурились нефтяные скважины под водой, очищались от радиоактивных отходов атомные электростанции и обезвреживались бомбы, подложенные террористами.

ИБР-2М пришел в автомобильную промышленность давно, и сразу же был поставлен на конвейер. Он никогда не задавался вопросом, что это за автомобили, зачем они нужны и нужны ли вообще, ибо не обладал ни человеческим здравым смыслом, ни искусственным интеллектом. Да и нужен ли интеллект для работы на конвейере?

Однажды конвейер остановился. Роботы второго поколения, завидев это обстоятельство, побросали работу, а ИБР-2М, лишенный машинного зрения, продолжал методично работать. Раз! — и его пальцы схватили пу-

стоту. Два! рука-манипулятор потянулась за невидимым крылом автомобиля. Три! — началась сварка воздушного пространства...

Это был забавный эпизод, и он должен был запомниться, но он не запомнился. И не потому, что ИБР-2М не имел памяти, память у него была, но ограниченная и вся уходила на программу действий, которую надо было постоянно там держать, чтобы не сбиться в порядке операций и ничего не упустить.

Когда модернизировали производство, ИБР-2М ни о чем не спросили, никто ему ничего не объяснил. Да он бы ничего и не ответил, потому что не имел синтезатора речи. Да и что он мог сказать? Ведь он не обладал ни человеческим разумом, ни искусственным интеллектом — и не мог делать умозаключений. Да и нужно ли искусство умозаключений для работы на конвейере? Правда, ИБР-2М обладал памятью, но сильно ограниченной, и держал там только программу действий — держал постоянно, чтобы ни в чем не сбиться и ничего не упустить.

Когда ИБР-2М очутился за воротами предприятия, он даже не пытался что-либо предпринять. Да и что он мог предпринять? Ведь у него отсутствовала программа принятия решений. Даже роботы второго поколения, которым дано было видеть многокрасочность мира, ощущать теплоту металла и упругость резины, даже роботы третьего поколения, способные не только ощущать, но и делать выводы, — даже они были тут бессильны. Даже у людей для того, чтобы наступило время решительных действий, должно смениться три поколения. И где-то далеко на Западе четвертое поколение уже работало.

Левша в XX веке

Когда генеральный наш Леонид Ильич договор в Америке подписал, захотелось ему по штатам поездить, разные чудеса посмотреть. А при нем

референт был, который сильно по народному хозяйству скучал и звал генерального домой. Американе про это знали и приготовили разные хитрости. У них как раз двое молодых людей сбежали из фирмы «Техас инструмент» и построили в гараже микропрофессорную диковину. Въезжает наш государь в Силиконовую долину, а ему на блюдечке соринку подносят.

— Что это? — спрашивает государь ласково.

— А это, — говорят, — палата, а на ней центральный профессор и азу напылены.

— Этак-то и у нас в лабалатории пылить могут! — насупился референт.

Государь дернул его за рукав: не порть, мол, мне политики! И по бумажке прочел:

— Благодарю от имени советского народа.

Американе видят такое дело, сориночку положили в золотую табакерку и поднесли в подарок дорогому гостю.

Вернулись домой, референт повез подарок в лабалаторию.

— Что бы точно такую сделать! — сказал довольно сурово.

— Точно такую сделаем, даже точнее, — ответили анжинеры бодро, — только в какие сроки?

— В сроки исторически сжатые!

Покумекали, рукава завернули и сладили свою палату, помельче буржуйской, да на элементной базе развитого социализма. Государь проследил на радостях, расцеловал умельцев троекратно, да наградил их и себя орденами по этому случаю. И направил их за океан с нашей палатой, дабы утереть нос тамошним мастерам. А из экономии валюты только один поехал, да дали ему сопровождающего, чтобы за океаном не заблудился, да домой воротился.

Прилетают в Америку. Стоит Левша в небоскребе и наблюдает, как у них научно-техническая революция происходит. Обступили его братья американе и ну нахваливать — нам такие парни во как нужны, да оставай-

ся, вместе будем революцию делать! Но Левша им отвечает с достоинством, что он русский советский человек и за длинным долларом сроду не гонялся.

Американе говорят:

— Давайте мы вам свои достижения покажем.

Стали водить его по заводам, вычислительным центрам. Левша ходит и про себя бормочет:

— Это и мы так могём... А это против нас просто отлично!

— А это, — говорят, — персональный компьютер, а это спринтер с лазерной печатью, печатает тысячу либералов в минуту...

Сопровождающий:

— А печать у вас тоже персональная? Тогда она нам не подходит, у нас вся печать государственная!

Американе, однако, на него ноль внимания, потому как он им без надобности.

— А тут, — говорят, — делают машины для наших военных, давайте мы вам покажем!

Сопровождающий птицей к Левше летит, шепчет жарко на ухо: «Провокация! сейчас заведут, а там на ероплан — и...»

— Нет, — говорит, — мы устали, больше никуда не хотим.

Так и не посмотрел Левша, как американе компьютеры в оружие встраивают. Только с того момента задумчив стал, начал домой торопиться. Фирмачи видят — делать нечего. Закатили прощальный банкет в ресторации с грибами, водкой и устрицами, подарили Левше персональный компьютер и отпустили с богом и сопровождающим.

Вернулся Левша, стал по министерствам бегать. У них, мол, уже табуретки на микропрофессорах, они уже в оружие компьютеры встраивают, пора и нам засучить рукава! Начальство ему руку жмет, обмениваться опытом возит. Хотел Левша до государя самого дойти, да тому уже не до того было,

совсем уже застойные явления пошли. Так и прохлопали момент. Тем временем американе и разные японцы далеко-о по прорывам человеческой мысли вперед ушли. А послушались бы Левшу в министерствах, еще неизвестно, какой бы оборот мирное соревнование двух систем приняло бы.

Дирак и море

Малая копенгагенская сказка

Это случилось давным-давно, когда кварки были свободными и презирали конфайнмент, а вакуум обладал великим множеством симметрий, и ни одна из них не была нарушена. И не было мира, в котором мы живем, а был только Дирак, который стоял на берегу моря элементарных частиц и решал задачу о рыбах, которых поймали и унесли с собой рыбаки, так что на берегу не осталось никого. И как он ни решал эту задачу, число рыб получалось отрицательным.

Так стоял Дирак, ничего уже не решая, а думая о физике элементарных частиц как о женщине, которая может одарить своими милостями, а может и отказать в них. Потом он думал о женщине как о море и о море — как о физике элементарных частиц, и ощущение того, что истина где-то рядом, наполняло его скрытой энергией. Там, по ту сторону вакуума, он увидел множество, море частиц, обладающих отрицательной энергией и упавших вниз и подпирающих собой бездну. Море смеялось...

Когда Дирак опубликовал свою работу, и через год новая частица была обнаружена экспериментально, наш мир в одночасье удвоился, и всеобщее ликование и ощущение праздника заслонили собой одно простое обстоятельство: оба мира, один зеркальное отражение другого, были неравноправны. Как ни поправляли потом вакуум, как не перенормировали, так он и остался скособоленным.

Так родилась наша Вселенная. И были атомы, и были звезды.

Демон Максвелла

Я застал его за нарушением второго начала термодинамики. Он сидел в сосуде и, манипулируя шторкой, пропускал горячие молекулы в одну сторону, а холодные — в другую. «Где-то я его уже видел, — подумал я. — А! Демон Максвелла!»

— Я собирательный образ, — возразил демон.

— Всё равно, — сказал я. — Вылезай.

Он вылез, но продолжал ворчать. Он был неисчерпаем как электрон. Я открыл дверь, чтобы пропустить его вперед, но он неожиданно заупрямился.

— Материя первична, — тонко, почти прозрачно намекнул он.

Я открыл дверь и оказался на улице, а демон, не отягощенный материей, взмыл вверх.

— Эй! — крикнул я, задрав голову. — Где ты? Опять нарушаешь?

И тут он «подрулил» ко мне откуда-то сбоку.

— Лихо! — искренне восхитился я.

— Не без турбулентности, — скромно подтвердил он. — А куда ты меня поведешь?

— А в отделение, — сказал я и взял под козырек. — Кафедру молекулярной физики. Будешь студентам опыты показывать.

— Может, лучше в зоопарк или в цирк?

Я остановился в раздумье.

— Сомневаешься? — спросил демон. — Разлагай в ряд!

— Ладно, — согласился я. — Отпускаю. Иди. Только больше не нарушай!

— В пределах флуктуации! — просиял от удовольствия демон.

Я еще долго смотрел ему вслед, пока он окончательно не затерялся в броуновском движении.

Ботаник Броун

Вот Броун. Ботаник! А открыл чисто физическое явление. Смысл его расшифровали только в XX веке. Отсюда мораль: и ботаникам бывают явления.

Мастер и Маргарита

Маргарита Николаевна открыла дверь. На пороге стоял сантехник.
— Мастера вызывали? — скромно спросил он.

Утиная охота

Один любил охотиться на уток. Особенно бесконечной десятичной дробью. Вот так:

— Пи! Пи!

И так дальше, с точностью до 38-го знака после запятой.

Утки так и падали!

Портрет на троих

Вы хотите стать банкиром? Нет ничего проще! Закончите МАИ, 20 лет поработайте на ядерном реакторе, вовремя вступите в партию и вовремя из нее выйдите, победите на выборах в местный Совет, тут же станьте заместителем председателя исполкома по культуре, сделайте мощную рекламу Инкомбанку — и через полтора года вы заведующий Верхневолжского филиала. Во всяком случае, таков путь Сергея Зинкевича, помимо ядерной инженерии и банковского дела, владеющего еще 20 профессиями, о чем он скромно рассказал сам для рубрики «Без пиджака» в местной газете.

А открыл эту рубрику человек, который и в самом деле круглый год ходит без пиджака: председатель депутатской комиссии по социальной за-

щите старший научный сотрудник ОИЯИ Геннадий Мазный. Вы хотите ходить как он? Нет ничего проще! Закончите мехмат МГУ, устройтесь в ВЦ ОИЯИ, забудьте о чистой математике, примите участие в разработке транслятора, станьте старшим математиком БЭСМ-6, напишите три монографии и две из них опубликуйте, никогда не вступайте в КПСС и, следовательно, забудьте о загранкомандировках, трижды вступите в брак и от каждого родите по сыну, по совокупности причин с третьего захода защитите диссертацию, в 36 лет бросьте пить, курить и есть мясо, оттолкнув своих товарищей, победите на выборах секретаря низовой партийной организации — и ходите на здоровье круглый год в одной майке. Мазный — один из самых популярных людей города. После его избрания настоятель храма Похвалы Пресвятой Богородице священник Семенов спросил: «Геннадий, а вы не думаете, что теперь все будут ходить, как вы?». В другой раз отец Александр поинтересовался: «Какие проблемы, Геннадий?». Мазный жизнерадостно засмеялся: «Нет проблем, отец Александр!». Отец Александр, взявшись за депутатский значок Мазного, возразил: «У народного избранника, Геннадий, не может не быть проблем».

Отец Александр, или папа Шурик, как за глаза зовут его в миру, по опросу «Площади мира» делит с Мазным второе место по популярности в городе. Вы хотите стать отцом? Нет ничего проще! Но тут мы смиряем свою гордыню и скромно опускаем занавес.

Воображаемый спор мэра с Уэллсом

Нет на нас Уэллса, в самом деле. Приехал бы к нам Герберт Уэллс, походил по городу, поговорил с мэром, а потом вернулся к себе в Англию и выпустил книжку «Дубна во мгле».

А Прох бы ему на это ответил по e-мэйлу: «Вот вы, батенька, фантаст — а почему такие рассказы пишете? У нас Дубна во мгле только по

ночам. А знаете что? Приезжайте-ка к нам лет этак через пятнадцать-двадцать — тогда и посмотрим, кто из нас прав!»

Уэллс подумал бы еще немного и дописал в свою книжку главу «Иваньковский мечтатель». И что-нибудь замечательное из этого обязательно бы получилось.

1996

Звонок свыше

Валерий Эдуардович пришел с работы, поужинал, уселся перед телевизором и незаметно погрузился в грезы.

Из состояния дремоты его вывел телефонный звонок. «Междугородняя», — определил Валерий Эдуардович и потянулся за трубкой.

— Кто говорит? — услышал он знакомый скрипучий голос.

— А кого надо? — обиделся Валерий Эдуардович.

— Это Дубна? — спросила трубка. — Мне надо...

Валерий Эдуардович на мгновение остолбенел, сообразив, с кем говорит, и, волнуясь, ответил:

— Да, Борис Николаевич, это я, извините, что сразу не узнал! Как ваше здоровье?

— Не узнал он, понимаешь ли, — проворчала трубка. — Не узнал... Здоровье у меня, сам знаешь, какое! Поправляюсь! Иду на поправку. Ты мне ответ давай! Как там проголосовали дубненцы? Не подвели нас, россиян?

— Да как вам сказать, Борис Николаевич, — попытался увильнуть Валерий Эдуардович.

— Так прямо и говори! — рявкнула трубка. — А то, понимаешь ли, все меня хотят очки втереть! Я сейчас с ними сам разберусь! Давай-ка мне твоих народных избранников в алфавитном порядке!

Валерий Эдуардович достал список.

- Алебастров...
- Химик, что ли? — строго спросила труба.
- Никак нет, Борис Николаевич, физик.
- Хм... Ну? Что остановился? Дальше давай!
- Беклемищев...
- Как? Да слышу, слышу, что ты мне прямо в ухо кричишь! У меня уши, сам понимаешь, не казенные. Ты мне с профессиями давай! Чтобы знать, кто на что способен.
- Дмитриев, врач...
- Врач? Молодец.
- Егарев, врач...
- У тебя там что, консилиум собрался?
- Так решил народ, Борис Николаевич. Я сам удивляюсь!
- Намудрили, понимаешь ли!.. Город науки, а так себя ведут!
- Борис Николаевич, не хотел вас расстраивать, но у меня еще два врача избрались...
- Ну, это уж совсем перебор!
- Народ, Борис Николаевич...
- Что значит — «народ»? Народ — это мы с вами! Каковы мы, таков и народ! Коммунистов-то, небось, много прошло?
- Небось, Борис Николаевич.
- А конкретно?
- Шесть, — скорбным голосом сообщил Валерий Эдуардович.
- Ше-э-сть, — передразнила трубка. — Ты мне в процентах давай!
- 35 процентов, Борис Николаевич.
- Жириновцы есть? КРО?
- Жириновцев нет, а КРО один.
- А деятели науки? У вас же, всё-таки, как-никак — наукоград!

— Есть, Борис Николаевич, но они же, главным образом, и коммунисты... Один журналист, один артист разговорного жанра, поэт...

— Как?

— Он же врач, — поспешно добавил Валерий Эдуардович. Не помогло.

— Как фамилия? — грозно спросила трубка.

— Якутин, — упавшим голосом ответил Валерий Эдуардович.

— Леонид Никифорович? — растаяла трубка. — Как же, как же, читал! Душевный поэт! Он про меня как-то раз стихотворение написал, лет семь назад. Писал, что кроме меня голосовать не за кого...

Валерий Эдуардович попытался возразить, что времена уже не те, и Леонид Никифорович уже не тот, и стихи теперь он пишет другие, но трубка всё вспоминала и вспоминала...

Закончила она вспоминать, когда Валерий Эдуардович проснулся окончательно, по-настоящему, а не ложно, как перед этим, когда ему приснился звонок. По экрану телевизора шли титры «Кукол». Валерию Эдуардовичу вдруг показалось, что, прорвав титры, на экране появилась... кукла Леонида Никифоровича! Кукла узнала Валерия Эдуардовича и погрозила ему с экрана деревянным кулаком. Валерий Эдуардович рванулся к телевизору, но поэт исчез, погрозив на прощанье:

— Ужо я тебе!

Померещилось, решил Валерий Эдуардович, но на первом же заседании городской думы, на которой он председательствовал, украдкой посмотрел в сторону Якутина. И к своей величайшей досаде, встретил насмешливый и, как ему показалось, даже дерзкий взгляд. Надо бы позвонить в «Куклы», уточнить, проверить, подумал Валерий Эдуардович... Но живо представил себе ехидное лицо Шендеровича и здраво рассудил, что пусть уж лучше еще одной тайной в его жизни будет больше.

Январь 1997

В Дубне снимается кино

Начались съемки остросюжетного фильма по мотивам «Белого солнца пустыни». Красноармеец Сухов, выполнивший интернациональный долг перед народами братского Востока, переброшен авторами новой ленты на машине времени в наши дни для выполнения нового задания.

На этот раз ему придется сражаться в песках Особой экономической зоны Дубны. И хотя именной маузер при нем, на первых порах Сухову приходится туго...

Пески, снега, таможня, контрабандисты, программисты. Новые времена, новые песни. Инновации, инвестиции, Греф, нанотехнологии, Чубайс... Сколько денег ушло в песок? Как разобраться во всей этой чаче? На помощь герою приходит знакомый бухгалтер из Самарканда. «А ты как здесь оказался, Саид?» — «Стреляли...»

На вырученные от проката картины деньги предполагается частично окупить расходы на создание ОЭЗ.

2010

Вэцэшный

Многие считают вэцэшного чудаком, и это так, но когда его называют сухарем, я решительно против: я сам видел, как он в дождливую погоду провожал лягушку через дорогу, оберегая ее от машин. А то что он первым предложил собираться по вечерам и вспоминать лучшие алгоритмы БЭСМ-6, этой чудо-машины, на которой защищено столько диссертаций?

Вэцэшный появился у нас в Вычислительном центре как-то незаметно и таинственно. Словно не молодой специалист, выпускник ведущего вуза страны, а какое-то фантастическое существо. Само время было фантастическим. Машины были большими. И ненадежными. Мистики быть не

должно, повторяли опытные программисты своим нерадивым ученикам, которые бились над своими невыполнимыми программами, но мистика была. У самой мелкой функции было свое мелкое божество. У крупных функций были божества крупнее. Магнитные барабаны, главные носители информации, имели индивидуальных духов и потому были невзаимозаменяемыми. Особо почиталась богиня быстрогодействия и машинной памяти.

В этом сонме фантастических существ, постепенно оттеснив остальных, покровителем программистов стал вэцэшный. Операторы ночной смены, вопреки мнению начальства, оставляли по полчаса машинного времени на нужды вэцэшного; перерасход перфокарт и листингов также списывался на его счет. Что оставалось делать? Начальство закрывало на это глаза.

Один институтский остряк на научно-техническом совете ради смеха предложил открыть для вэцэшного в проблемно-тематическом плане отдельную тему и тем самым окончательно узаконить его существование в ВЦ. И что же? После этого случая все задачи шутника приводили базовые ЭВМ к авосту, и операторы написали на него докладную!

Когда Вычислительный центр переехал в новый корпус, начались новые чудеса. Кто-то незаметно вкручивал лампочки в длинных и темных коридорах, и не один раз добрым словом помянули этого кого-то пользователи, приходившие сюда в вечерние и ночные часы. Кто-то перекидывал доски через грязь и лужи и бережно подкладывал под доски кирпичи. Когда началась борьба за энергосбережение, кто-то по ночам выключал свет в коридорах, а когда началась борьба за дисциплину и бережливое отношение к труду, этот кто-то стал табельщиком на общественных началах. Наконец, снова вспомнили о человеческом факторе, и снова по ночам в пустых коридорах горел свет. Конечно, всем этим занимался вэцэшный.

Так он стал частью нашей жизни. Перестал скрываться, стал появляться днем, но близко к себе не подпускал. Его всё-таки ввели в темплан:

он вошел в одну из тем, в графу исполнителей, в которой вместо +10 чел. стало +11 чел. Хороший производственник, крепкий общественник — так писали о нем в характеристиках.

У него появилось свое настоящее и даже прошлое. Правда, прошлое довольно зыбкое и статистически непредсказуемое. В настоящем его жизнь делилась на производственную, общественную и частную. В частной жизни вэцэшный всегда был и до сих пор остается анахоретом. Дома у него есть пара часов, которые всегда ходят; и те, и другие ходят неправильно, но вэцэшный их не выбрасывает, потому что они обладают замечательной особенностью: одни часы спешат ровно на столько, на сколько опаздывают другие; вэцэшный снимает показания с обоих приборов, берет среднее арифметическое и получает точное московское время.

Будь он дворянин, имей состояние, содержи слуг и пользуйся законодательством страны местопребывания, допускающей такой образ жизни, очень скоро перед нами был бы новый Генри Кавендиш. Но крестьянское происхождение, отсутствие твердого достатка и дух коллективизма, в котором воспитан вэцэшный, не дают ему дойти до такого состояния.

О прошлом вэцэшного можно тоже кое-что сказать, но не очень уверенно. Отношения с женщинами у него ограничиваются воспоминаниями университетского периода жизни; тут правильнее было бы говорить о девушках. Сложные отношения в студенчестве у него сложились с Венерой Милосской. Каждый раз, заходя в зал Музея изобразительных искусств, где она стояла, вэцэшный не мог избавиться от ощущения, что она смотрит на него как-то особенно, отличая от других; он же, в свою очередь, не мог ответить ей взаимностью, потому что подозревал, что она не настоящая, а только копия.

С другой девушкой вэцэшный познакомился по телефону. Что-то разладилось в московской телефонной сети, и девушка попала на общежитие мехматян, где в это время вэцэшный дежурил по этажу. После часового

разговора он спросил ее телефон. Она открыла ему три первые цифры номера, обещая сообщить остальные после того, как они узнают друг друга получше. В нем разыграл дух противоречия, и он пожелал узнать их немедленно. Под впечатлением его неожиданного натиска девушка тут же сдалась. В две минуты свидание было назначено, но... на этом опыт и закончился: сам не красавец, вэцэшный вдруг вообразил, что жестоко разочаруется при встрече, и на свидание не пришел.

В настоящем вэцэшный делает вот что. По утрам он приводит в порядок мысли, записывает их, после чего сортирует записи по папочкам. Мысль: «Всё из чего-то произошло, даже Вселенная» — как натурфилософская, идет в папочку № 1. Мысль: «Говорят о депопуляции, а по городу ходят беременные женщины» — в папку № 2, потому что публицистика. Первая папочка служит ему материалом для статей в научно-популярные журналы «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Земля и Вселенная», а опираясь на материалы из второй папки, он пишет статьи для газет позитивного направления.

Как всякий человек, молодость которого пришлась на эпоху исторического материализма, вэцэшный страдает остаточными явлениями перенесенного диамата. Он ходит на все философские конференции, которые устраивают в нашем городе энтузиасты этого дела и на которые стекаются все метафизики Дубны. Один раз ему дали слово для выступления и даже напечатали потом его реплику в трудах конференции. Кстати, он сказал довольно занятную вещь: оказывается, ему всегда хотелось узнать как зарождаются новые цивилизации — только это очень долго...

Если бы я готовил представление вэцэшного к правительственной награде, я бы обязательно упомянул о его вкладе в общее дело в начале рыночной экономики. Вэцэшный ходил на все собрания и обязательно выступал, если ему давали слово, а также делал краткие выступления под видом вопросов к докладчику и отпускал громкие реплики с места. Это когда

нас основательно потрянуло. Конечно, ВЦ устоял благодаря другим людям, и вопрос о судьбе нашего ВЦ решался совсем на другом уровне, но было трогательно видеть то тут, то там бесчисленные затычки, подкладки, времянки и живопырки, которыми вэцэшный стремился удержать ВЦ от падения...

Как я уже говорил, вэцэшный на первый взгляд суховат, но он романтик. Из тех людей, кого я бы назвал «искатели вычислений». Был важный момент в его жизни, когда он понял, что перестал шагать в ногу со временем. Сменялись поколения программистов, появлялись новые поколения машин, привычные слова и словосочетания «сбой на ЭВМ», «запустить программу на счет», «авост» выходили из употребления, и в моду входили словечки «глючить», «экзешник», «прописать пути», на смену слову «программист» пришло корявое слово «компьютерщик». Надо было видеть, с какой робостью подходил вэцэшный к персональному компьютеру. Это он-то, знавший БЭСМ-6 вдоль и поперек и умевший выжимать из нее скорость! И это к какому-то пентиуму, за которым даже ползунок, еще не научившийся правильно сидеть, но уже овладевший мышкой, еще не отученный от соски, чувствует себя совершенно комфортно!

Однажды вэцэшного кто-то обидел, и он стал ходить с палкой, которая заменила ему трость. Начальник сектора, человек нехраброго десятка, долго не решался объявить вэцэшному, что пора переходить на более современные компьютеры. Наконец начальник отдела вычислительных машин явился к вэцэшному лично и заявил, что недопустимо, когда весь персонал ЕС-1066 работает на единственного пользователя. Вэцэшный тут же поймал его на слове, напомнив, что персонал ЕС-1066 обещал держаться до последнего пользователя. На это начальник отдела ответил, что в таком случае сейчас одним последним пользователем ЕС-1066 станет меньше. И вэцэшный сдался. Из соображений гуманности ему положили маленький, но твердый оклад.

Когда сели писать историю ВЦ, вспомнили про вэцэшного. Услышав звонок в дверь, вэцэшный не на шутку перепугался. Незадолго до этого начальник вычислительных машин в жаркой беседе пообещал ему, что если он не сойдет с перфоратора, который собираются выводить из эксплуатации, и не перейдет, как все нормальные люди, на терминал, к нему придут санитары. И только убедившись, что это не подвох, но так до конца и не поверив, вэцэшный приоткрыл дверь, стараясь чтобы в образовавшуюся щель не мог проскочить человек. Узнав о цели визита, вэцэшный смягчился, впустил неожиданных визитеров и даже предложил сесть. Последнее было не более чем формулой вежливости: сесть было решительно не на что — единственное кресло тут же занял сам вэцэшный.

Писатели почтительно обступили вэцэшного полукругом, он снял свои круглые очки, в которых не было диоптрий, ни одной, и начал свой рассказ. В течение полутора часов он, связно и несколько монотонно, слово в слово повторил введение и две первые главы «Истории вычислительных машин» под редакцией академика Мельникова, словно только что прочитал учебник, а не пережил всё сам. Это был длинный и безыскусный рассказ, однородный как макаронина. Молодежь была безмерно удивлена, а их старший коллега, ученый-оптимист, знавший вэцэшного еще до того как тот его объявили чудачком, ограничился замечанием: «Я так и думал».

Последние известия

Срочно в номер

Как стало известно, сигнал, посланный А. С. Поповым в 1895 году, уже принят внеземной цивилизацией. Ответ братьев по разуму ожидается через 120 лет.

В мире науки

Служба теории вероятностей объявляет охоту на одичавшие цепи Маркова.

В ногу со временем

И в науке есть свои авторитеты.

Наука и жизнь

Говорят, что в заброшенных ускорителях до сих пор бродят призраки давно распавшихся элементарных частиц.

Сказки новой России

Жили-были старик со старухой. И было у них добра движимо-недвижимо...

Московские новости

Сегодня Владимир Путин принял в Кремле. Ничего. Иногда можно.

Нарочно не придумаешь

Сегодня всё утро пытался придумать что-нибудь нарочно. Ничего не получилось.

Vox populi

А-а-а!!!

Постскриптум

Враг хитер и коварянтен!

Осколки элвэтэашной жизни

Анекдот — это кирпич русской литературы, и если уж возводить памятник ВЦ, то без подобных кирпичей не обойтись.

Коллективный декрет

В начале шестидесятых годов группа сотрудниц ВЦ завалила годовой темплан, дружно уйдя в декретные отпуска. С тех пор руководители женских коллективов старались *разжиться хотя бы одним мальчиком.*

Трудный язык

В шестидесятые годы в ВЦ работали кореец Ом Сан Ха и поляк Анджей Чилак.

— Ом, у вас есть капиталисты? — спросил как-то Анджей.

— Были... До революции, — насупился Ом.

— А что с ними сделали?

— Кого убили, кто за границу уехал, — нехотя ответил Ом.

Польский друг погрузился в размышления.

— Я понял, кто ты, Ом! Ты — капиталист.

— Почему?! — запротестовал Ом.

— Потому что ты за границей.

— Я тебя не понимаю... Такой трудный русский язык!

Польские трамвайчики

— Ом, вот ты пишешь программу, посылаешь данные в первую ячейку, вторую, третью, а ведь там ничего нет, — сказал Чилак.

— Как это?

— Нумерация ячеек в машине начинается со ста.

— Но почему?!

— Я приведу пример. У нас в Варшаве популярны трамвайчики. Правительство заметило, что при столкновении трудящиеся первого вагона страдают больше, чем второго, и отменило первые вагоны. Сложилась напряженная обстановка на транспорте. Правительство подцепило третий вагон. Теперь стали больше страдать трудящиеся вторых вагонов. Так продолжалось много раз, и теперь нумерация вагонов начинается со ста.

— Я не понимаю, ты правду говоришь, или шутишь?

— Понимаешь, Ом...

Не ищи в словарях

Ом, добрая душа, не понимал, почему его программа работает не так, как он задумал. Ему посоветовали обратиться к инженеру, известному своими математическими способностями. Тот был не в духе и послал Ома. И Ом пошел. Вернулся, снова попал под горячую руку и снова пошел. Встречает руководительницу группы математической информации.

— Елена Алексеевна, что это такое? Я смотрел в словарях — нигде нет.

На следующий день грубый математик опять его послал, а когда Ом ушел, выбежал за ним в коридор и крикнул:

— И не ищи в словарях!

Юмор в коротких штанишках

Один чех решил летом перейти на шорты. Такого добра у нас в магазинах еще не водилось, он урезал джинсы и в таком виде стал являться в машинный зал ВЦ. Но не учел золотого правила портного «семь раз отмерь, один раз отрежь»: карманы оказались длиннее шорт, и это сильно нервировало коллектив операторов, исключительно женский. В конце концов они накатали на него докладную: приходит по пояс голый, из-под шорт всё время что-то выглядывает. Пришлось чеху писать объяснительную, доказывать, что ничего кроме карманов у него из-под шорт не выглядывает.

Фольклорные поцелуи

Выступая на школе по технологии программирования с докладом о документировании программ, Мазный сказал:

— Наконец, нельзя сбрасывать со счетов устную документацию... Мы нередко учили наших операторов фольклорно, что называется, из уст в уста, ха-ха-ха!

Да-а, фольклорные поцелуи... Кто о них сейчас помнит!

Модернизация CDC

Когда Институт решил повысить уровень машины CDC-6200, Комитет Полномочных Представителей выделил деньги, приехал инженер, отвинтил болты, изъясил линию задержки, которая замедляла работу машины в три раза, завинтил болты и уехал. И CDC-6200 стала называться CDC-6400.

Ошибка резидента

На CDC-6400 дежурил представитель фирмы, следивший за тем, чтобы на машине не решались задачи военного характера. Однажды его застали с институтской газетой «За коммунизм» и пошутили: что сказал бы его босс? Фирмач бросил газету на стол: «Нет-нет, я ее даже не смотрел!»

На все сто

В. Г. Маханьков очень хотел вступить в партию: без нее не пускали в капитализм. «Почему сразу после комсомола не вступали, Владимир Григорьевич?» — доброжелательно спросили его. По одной версии он ответил: «Считал, что недостаточно созрел», — а ему посоветовали: «Вот идите и дозревайте». По другой версии, более правдоподобной, ответ был такой: «Был недостаточно уверен». «А теперь уверены?» — «На девяносто девять и девять десятых процента», — как настоящий ученый, ответил Маханьков. «Вот когда будет на 100 % уверены, тогда и приходите», — посоветовали ему. И пришлось Владимиру Григорьевичу приходиться еще раз...

МГ и прокурор

Машину ЕС-1061 долго не могли сдать в эксплуатацию. Мещеряков сказал: «Или мы до конца года сдаем ЕС-1061, или я иду сдаваться прокурору!»

Рождение темы

Тема компьютерной алгебры родилась в ОИЯИ при драматических обстоятельствах. Михаил Григорьевич об этом рассказывал так: «Ширков

мне что-то кричал из-за забора, а в это время его за ногу укусила кобыла Понтекорво!»

Котлеты по-киевски

Электронно-вычислительная машина «Киев», детище киевского института кибернетики, надолго подорвала авторитет киевлян в глазах Дубны. Когда двадцать лет спустя кто-то заикнулся о новой разработке киевлян, все замахали руками: а, знаем мы их, они машины делать не умеют!

— Товарищи, зачем же так огульно, — вмешался директор. — Не всё у них плохо. Например, котлеты по-киевски у них хорошие!

Первый поцелуй

Всех, кто не достиг еще сорока, МГ называл молодыми людьми. С годами возрастная планка медленно, но неуклонно поднималась. На юбилейном семинаре один из сотрудников Лаборатории, старый холостяк, которому только что стукнул полтинник, сказал, принимая поздравления: «Это, конечно, приятно, но и немного грустно — всё-таки пятьдесят лет...» — МГ пренебрежительно отмахнулся:

— О! Совсем мальчик!

Когда юбиляра пошли поздравлять женщины, и молодая секретарша чувственно поцеловала его в губы, так что мужчины удовлетворенно крякнули, а женщины проводили молодуху негодующими взглядами, МГ многозначительно произнес:

— Заметьте! Может быть, первый поцелуй!

И на Солнце есть пятна

Тему первого поцелуя Михаил Григорьевич продолжил на банкете, предложив выпить за кандидатскую диссертацию юбиляра, старого холостяка:

— Всем нам помогали наши жёны, а в подготовке диссертации Владилена Германовича не участвовали заботливые женские руки...

Следом взяла слово начальник издательского отдела Саранцева:

— Как редактор, я позволю себе отредактировать тост Михал Григорьяча... Как это не участвовали? А наши, наши женские руки вы не учитываете?

Через два-три выступления микрофон вернулся к Михаилу Григорьевичу.

— Меня тут поправили, — сказал он. — Ну что ж. И на Солнце есть пятна!

Артищев и МГ

Сергея Артищева предупредили, что машинный зал ЕС-1061 должна посетить делегация, которую ведет МГ, и поручили ему их встретить. Артищев сидит, ждет. Входит МГ с делегацией. Артищев устремляется к ним. МГ: «Без халата? Покиньте машинный зал!»

Талантливый аспирант

Принимая на работу молодого алгебраиста, выпускника мехмата МГУ, начальник ВЦ предупредил, что чистой математикой в ВЦ не занимаются, зато есть много программистов, которые пишут программы.

— Вам повезло, у вас будет легкая работа: вы будете программистом! Программисту не нужно думать, программисту нужно писать программы.

Впрочем, и на программах защищаются. Вот, кстати, недавно защитился мой ученик, Говорун. Талантливый аспирант! Он далеко пойдет.

Спустя месяц Говорун стал заместителем директора новой лаборатории, через три года внедрил фортран на БЭСМ-6, защитил докторскую, а еще через три года был избран в Академию наук.

Неожиданная поддержка

Выступая на сессии Академии наук, известный советский математик Гельфанд спросил: в чем заслуга Говоруна? И сам же ответил: другие привозят с Запада колготки жене, а Николай Николаевич привез фортран! Возражение оказалось слишком тонким, и было воспринято как поддержка.

Говорун и птицы

Однажды Николай Николаевич, зайдя в кабинет, обнаружил, что его доклад, подготовленный для выступления на камерном (а, может быть, электронном) комитете, поклевали птицы. Он тут же отдал его перепечатать, ничего не меняя: доклад получился клевый!

Клиент машины

Одно время новый корпус ЛВТА находился за территорией площадки ЛЯП. Однажды вечером в коридоре перед машинным залом ЕС-1060 появился пожарный. Взгляд его упал на дымящийся окурок.

— Ага! — сказал он. — Чей окурок? Учтите, у меня очень тонкий нюх!

Один из пользователей признался.

— Как фамилия? Из какого отдела? Не знаю такого. Кто начальник?

— Я из ЛЯПа.

— Так вы из другой лаборатории! Что вы здесь делаете?

Пользователь не нашелся что ответить. На помощь ему пришел немец:

— Он... клиент.

— Какой клиент? — опешил пожарный.

— Клиент машины, — пояснил немец, забывший русское слово «пользователь». — Мы все тут клиенты из разных лабораторий.

— А я вот на этого клиента докладную напишу! — пообещал пожарный, поправил фуражку и пошел дальше.

Журнал-невидимка

Мы только что переехали в новый корпус, еще недостроенный, народу было мало, и вместо журналов табельщица выкладывала на первом этаже для каждого отдела отпечатанные на ЭВМ листы, скрепленные в папочках «Дело». Из «отстойника Говоруна», как злые языки называли наш славный отдел, в новый корпус переехало к тому времени только четверо, и все оказались в одной комнате: Салтыков, Кавченко, Гетманов и я. Время было строгое, обязательное, андроповское. Железнодорожники говорили: «Взял нас Андропов за это самое!»

Кавченко предложил:

— Давай спрячем журнал? А сами будем в него расписываться. Боб очумеет!

На следующий день Гетманов спрашивает:

— Вы не видели журнал?

Еще через день:

— Вы расписываетесь?

— Расписываемся.

— А где журнал?

— На месте, где и всегда.

— Его там нет!

— Может, табельщица на проверку взяла?

На третий день Гетманов уже был встревожен не на шутку: неделя идет к концу, а у него в журнале ни одной росписи! Как всякий свободный художник, он творил в основном дома, подбадривая себя джазовыми импровизациями и чашечками кофе, а на работу приходил расписываться и, иногда, выступить на семинаре. Но расписываться он приходил каждый день. Придет, распишется в журнале, заглянет в комнату, изучит за рабочим столом все записки, выкурит сигарету — и через пять минут, глядишь, его уже нет.

В понедельник табельщица, смирившись с исчезновением нашего «Дела», выложила новую папочку. Кавченко подождал недельку и поменял журналы. Гетманов чуть с ума не сошел: у всех есть росписи, а у него — словно корова языком слизнула!

— А ты чем расписываешься? — спрашивает Кавченко.

— Что значит «чем»?

— Перо у тебя какое?

Юбилей Силина

Торжественная часть юбилея Силина проходила в конференц-зале нового корпуса ЛВГА. Приняв все поздравления, юбиляр сказал речь, одну из самых длинных в своей жизни:

— Спасибо, что пришли. Я знаю, вам было трудно. Мне тоже. Раз уж тут так много говорили о микромашине БЭСМ-6, я должен сказать, что идея принадлежит не мне, меня уже потом уговорили. Сейчас я в основном просматриваю диссертации в ВАКе, а всю работу ведет Сапожников. А он очень плохо обеспечен материально...

Дамы, сидевшие на балконе, потом возмутились: «Какой позор! Столько женщин, и никто не поцеловал юбиляра!»

Выступая на конференции по программированию в Средней Азии, Виктор Злоказов сорвал шквал аплодисментов, назвав пользователей БЭСМ-6 бэсмачами. Человек скромный, он тут же уточнил, что неологизм принадлежит не ему, и удостоился аплодисментов вторично.

Какие факты!

Коллега Виктор делится впечатлениями от вечеринки в кругу околоинститутской публики. Молодая дама, носительница обыденного сознания, завела с ним светский разговор о том, что вот, мол, эти ученые ничего не делают, а только чай на работе пьют.

Виктор:

— Так, а какие факты?

Она даже растерялась:

— Какие факты? Это и так все знают!

Что значит писать учебники

Встречаю Виктора Злоказова.

— Ну, как дела? — спрашивает Виктор.

— Ничего, а у тебя?

— Да вот (зевок), за границу еду.

— Куда на этот раз?

— В Лейпциг, куда же еще! — смеется он.

Лейпциг — заграница Виктора. Так было когда-то. Теперь для него заграница — это Берлин, восточный и западный в одном лице.

Однажды он вернулся из ГДР с новостью:

— Альберта Иваныча за границей знают больше, чем Говоруна! Вот что значит писать учебники!

— А тебя знают? — спросил я.

Виктор укоризненно посмотрел на меня.

— Ну, Виктора-то вообще знают единицы, — улыбнулась Надя Воробьева.

Виктор важно поднял указательный палец кверху:

— Но не нули.

Естественный предел

Лето, пора отпусков, сидим на семинаре втроем: Виктор Злоказов, Иосиф Моисеевич и я.

— Так, кто будет председателем? — говорит Иосиф Моисеевич. — Я буду председателем. А кто будет секретарем? Вы, Саша, будете секретарем. Виктор ваш друг, вы будете секретарем. Вот вам листок бумаги, пишите.

— Давайте, вы будете секретарем? — говорю.

— Я не могу, — важно отвечает Иосиф. — Я председатель.

— А у меня нет ручки.

— Отказывается по техническим причинам, — констатирует Иосиф и, кряхтя, лезет в карман. — Вот вам ручка, только много не пишите, а то всю испишите.

Беру листок, пишу, передаю Иосифу. Он пытается прочесть.

— А вы мельче можете? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю. — У вас перо слишком толстое.

— А сами прочесть можете, что там написано?

— Могу, конечно, — говорю. — Я же помню!

Альберт Ивановыч

Альберт Иванович Салтыков в молодости своим смехом порождал в Лаборатории высоких энергий новые резонансы, а у теоретиков от его смеха с досок осыпались формулы. Вчерашние школьники помнят его как приходящего учителя программирования.

— Альберт Ивановыч, вы мороженое любите?

— Хо-хо-хо! Ну отчего же, люблю!

— Так мы сгоняем?

— Хо-хо-хо! Ну отчего же, валяйте!

Расточительный муж

Альберт Ивановыч делает комплимент даме:

— Однако, какая шикарная шапка!

— Ах, Альберт Ивановыч! — зардевшись от удовольствия, отвечает дама. — Я боялась, что мне уши надует. А никто еще в шапке не ходит. Я шла и стеснялась.

— Опять же, дело не в этом, — рассудительно продолжает Альберт Ивановыч. — А дело в том, что такую шапку запросто спереть могут.

— Ах, Альберт Ивановыч, вы рассуждаете в точности, как мой муж! Он говорит мне то же самое! И поэтому каждый год покупает себе задрипанную кроликовую.

Альберт Ивановыч, на днях получивший открытку в «Дом торговли» на кроликовую шапку, ошеломлен:

— Он что же, за год умудряется кроликовую шапку сносить?

— Ах, Альберт Ивановыч, я говорю ему то же самое! А он говорит, что я обвиняю его в расточительности!

Австрийские сапоги

Оля приходит в новых сапогах. Альберт Иваныч замечает:

— Однако, какие шикарные сапоги.

— Ах, Альберт Иваныч! У мужа скоро день рождения, ездила в Москву покупать подарок, весь день потратила, ничего не нашла, купила себе австрийские сапоги...

Кавченко, галантно:

— Вероятно, дико дорогие?

— Ах, Саша, вы рассуждаете в точности, как мой муж!

— Ну, он-то имеет на это основания...

Наитие

Кавченко стоит у окна, любуясь «отрыжкой бабьего лета», как он называет погожую концовку сентября, и вдруг заявляет:

— Я вот думаю, что нужно для того, чтобы быть начальником?

— Ну, и что?

— А ничего!

Удивившись, смотрю в окно. Внизу идет начальник отдела. Действительно...

С целью публикации

Кавченко прервали во время выступления на семинаре:

— Простите, я опоздал... Какая тема доклада?

— Анализ фортранных текстов.

— Так, а с какой целью?

— С целью публикации!

Бедные дворяне

Лето, жара, рабочий полдень. Площадь Мира. В очереди у газетного киоска стоит старший преподаватель В. А. Ростовцев, хочет купить газету «Завтра». Не издание в целом, а один экземпляр. Из киоска ему отвечают, что «Завтра» нет.

— Завтра будет завтра, Виталий Александрович, — говорю я.

Ростовцев слегка обескуражен, но это еще не повод менять политические убеждения, и Виталий Александрович, в доказательство этого, покупает «Советскую Россию».

— Вот вы неправильно «Цвай коньяк» пересказали, — говорит он, пряча газету в полиэтиленовый пакет. — Вы его от Мазепы слышали?

— От Мазепы.

— На самом деле было так...

Я не разделяю его политических пристрастий, а он — моих, но это не мешает мне ценить в нем отменного рассказчика, а ему во мне — благодарного слушателя.

При царизме за сюжет платили рубль, даже два — немалая сумма по тем временам. Никогда не предлагал Виталию Александровичу таких денег, но готов спорить: предложи ему кто-нибудь рубль, — он обязательно откажется. Потому что привык брать деньги только в качестве заработной платы, и только от государства. И хорошо еще, что такое государство есть. Иначе Виталию Александровичу не на что было бы жить и содержать семью.

А чтобы доказать, что у Виталия Александровича каждая копейка — трудовая, приведу историю первой половины восьмидесятых годов. Мне ее, правда, тоже рассказал Мазепа, но Ростовцев подтвердил, хотя и неохотно.

Заходит он к системщикам и застаёт Мазепу, который в одиночестве готовится к кандидатскому экзамену по марксистско-ленинской

философии. Читает какую-то брошюру, самую тонкую, какую нашел, и удивляется: что за ерунду автор пишет? Ясно же сказано у классиков: не может быть при социализме антагонистических классов, а он пишет — может! Виталий Александрович в ответ понимающе усмехается.

— А вообще-то он прав, — вдруг меняет точку зрения Мазепа. — Есть при социализме антагонистические классы.

Ростовцев, ехидно:

— Какие это, интересно?

— Партийные и беспартийные. У одних есть собственность на средства производства, а у других — нет.

Виталий Александрович, глубоко оскорбленный:

— Да у меня всю жизнь кроме этих штанов ничего не было!

А Мазепа на это ему отвечает:

— Всегда, Виталий Александрович, были бедные дворяне...

Как МГ НТС проводил

До середины 80-х НТС проходил в кабинете М. Г. Мещерякова. Перестройка совпала с переездом в новое здание, у Лаборатории появился собственный, совершенно роскошный, выдержанный в теплых темно-красных тонах конференц-зал, и заседания НТС, прежде проходившие келейно, превратились в популярное шоу, на которое собиралась масса зевак.

МГ и тут оказался на высоте, доказав, что руководитель старой школы в условиях демократизации и гласности тоже кое на что способен:

— Владимир Иванович, Вы говорите то же самое, что и я, но в Ваших словах есть заметная доля желчи...

— Товарищи, я вам сейчас открою, почему Мороз против: он не хочет отдавать единицу...

— Как будем, товарищи, решать этот вопрос: прямо сейчас, чохом, или в рабочем порядке? Как Вы считаете, Владимир Григорьевич? Я спрашиваю Владимира Григорьевича Маханькова. В рабочем порядке? Спасибо за подсказку, Владимир Григорьевич, но я против того, чтобы умалять роль НТС!

— Владимир Иванович, я Вам потом, как-нибудь на досуге разьясню социальную сущность начальства...

Однажды после «бури и натиска», который пришлось отразить МГ, слово попросил молчаливо сидевший до сих пор в первом ряду начальник отдела программного обеспечения В. П. Шириков.

— Только очень коротко, Владислав Павлович, — предупредил секретарь.

— Я буквально два слова... Я хочу выразить сочувствие Михал Григорьичу... НТС стал похож на Запорожскую Сечь!

— Да, — живо подхватил МГ, — а я в роли турецкого султана, которому казак Мороз пишет письмо!

Незабываемое время

По случаю 30-летия ОИЯИ М. Г. Мещерякова пригласили выступить с воспоминаниями «О времени неповторимом и забываемом».

— Вас, я думаю, представлять не надо, — открыл вечер ведущий.

— Не надо.

— Михаил Григорьевич Мещеряков — основатель Дубны...

— Вениамин Семенович, прошу Вас.

— Он основал ее, как Юрий Долгорукий — Москву...

— Прошу Вас.

— Михаил Григорьевич — всемирно известный ученый...

— Прошу Вас, прекратите.

— Он автор 170 научных работ...

— 175.

— Его имя в Энциклопедии записано!

— О-о-о! Вы кончили?

— Кончил.

— Тогда подождем еще пять минут. У нас еще есть время.

Мещеряков сел в кресло в первом ряду и, полуобернувшись к публике, усмехнулся:

— Тут меня сравнили с Долгоруким. Я с этим категорически не согласен. Юрий Долгорукий, как известно, основал Москву около ресторана «Арагви». А когда мы добрались сюда на вездеходе, никаких ресторанов поблизости не наблюдалось.

И, помолчав, добавил:

— А очень, товарищи, хотелось выпить и закусить.

Собрал и привел к общему знаменателю А. А. Расторгуев

В эпоху стенгазет (вместо послесловия)

Почему эта стенгазета и множество выпускавших ее людей появились именно в Лаборатории вычислительной техники и автоматизации? Было ведь немало остроумных людей, светлых голов и в других лабораториях и подразделениях Института. Ответ, на мой взгляд, заключается в следующем. Газету делали в основном инженеры и программисты, а программирование, как говаривал А. А. Корнейчук, началось с ремесла. Один из классиков системного программирования в ЛВТА выразился так: программировать надо ТУПО. То есть, снисходить до уровня понимания машины и, как следствие, самому опускаться на этот уровень. И вот результат: весь нерастраченный интеллектуальный потенциал переходил в кинетическую энергию стенгазетного творчества.

Юмор есть юмор, он всегда дружил с вольнодумством, и при каждом наступлении на вольнодумцев из кривого ружьишка попадало и по юмористам. Из песни слова не выкинешь, и когда слово кому-то казалось подозрительным, отвергалась песня целиком. «Муха — тоже самолет». И где тут крамола, спрашивается? А скрытая критика советской авиации! В Дубне, в обстановке международного научного центра, сказывалось благотворное влияние Европы, пусть и Восточной; здесь сложился особый микроклимат. Особенно это чувствовалось в Лаборатории вычислительной техники и автоматизации, где дирекция посматривала на импровизации редколлегии снисходительно, и даже со сдержанным одобрением.

Книга подошла к концу. Портрет «Импульса» вышел, прямо скажем, парадный. Но даже с учетом того, что в этой книге его принарядили, видно,

что стенгазета была явлением незаурядным. Осталось раскрыть псевдонимы и расшифровать устаревшую аббревиатуру:

А. Занин, А. Чох, Г. де Билл, Вася — Александр Кавченко.

Ч. Эхов, В. Дображелон, Пол Буханьски — Александр Расторгуев.

Эд., Эд. Т. Опрото («Это про тО») — Евгений Мазепа.

Р. Арбузов-младший — Михаил Харьюзов.

Леопольд Крюков — Евгений Федюнькин в соавторстве с Евгением Мазепой.

Ст. Хр. — Анатолий Корнейчук.

Али Гофрен — Юрий Обухов.

НОГУС — научный отдел главного ученого секретаря.

СМУиС — совет молодых ученых и специалистов.

СМУ-5 — строительно-монтажное управление № 5.

Да, еще. Обработка наследия «Импурса» продолжается. Не исключено второе, расширенное издание. Следите за рекламой!

Содержание

Объяснительная записка (вместо предисловия)	3
Взгляд из 1989-го	5
Литературное наследие «Импulsesа»	
Как всё начиналось. А. А. Корнейчук, В. П. Шириков	7
Владислав Шириков	15
Как я остался на второй год	16
Цвет маренго	19
Отчет по первому кварталу	23
Где я?	25
Как я был начальником	27
Хочу жвачки	29
Из Женевы, с любовью	32
Открытое письмо активистам Общества охраны природы	34
Лучшее средство для похудения	38
Воспоминания о системном математическом обеспечении	41
Я предпочел бы жить в XVI веке	43
Тост в день своего рождения	45
Алле Аниховской	45
Поздравления Н. Н. Говоруну от ЭВМ	46
Где же кружка?	47
Анатолий Корнейчук	
Как сделать лучшую в мире стенгазету	49
История одной задачи	54
Кто сказал «мяу»?	58
Мандарины достойным	59
Эхо премьеры	60
Александр Кавченко	
«Я возвращаюсь из Москвы...»	65
Иван Жуков	66
Азу по-татарски	67
Фантастический рассказ	69
Святая простота	71
Евгений Мазепа	
Сказка про репку	74
Егор	75
Растительный гороскоп	75
Немного странный рассказ	76
Записки компьютера	77
Из жизни Феминова	77
Влюбленные в математику	79
Проверенный делом	80
Волшебник по призванию	80

Есть Контакт!	81
Геннадий Мазный	
«На БЭСМ-6 сегодня мрачная погода...»	83
Заявление	84
Долг	85
Автопародия	85
Леопольд Крюков	
Встречи с Хошенко	87
Александр Расторгуев	
Скромный гений	90
Эд и Рэд	90
Сон Мазепы	91
Друг мой, Колька	92
Ре минор	94
Этот нелинейный, нелинейный мир	94
Липня	95
Пусковому минимуму корпуса № 134 посвящается	99
Как мы на ЕС-1060 ходили «пробоваться»	102
Записки юзера	104
Душечка	106
Может ли машина мыслить?	108
Формулы аутоотренинга для пользователей ЕС-1060	110
«Импульс», каким он был...	112
Новогодний «Импульс»	
Ударнику комтруда на заметку	114
Как сделать советское шампанское в домашних условиях	114
Наши прогнозы на 1978 год	115
Наши прогнозы на 1983 год	116
Психологический практикум	116
Общая цель	117
Заявление	117
Сказка	118
Электронные штаны	118
Итоги 1978 года	120
«Импульс» к 23 февраля	
С днем Советской армии, товарищи!	123
Мы бережем Советский край	124
Это было недавно, это было давно	128
«Импульс» к 8 Марта	
Распоряжение дирекции ЛВТА	132
Постановление ЖАК	132
Интервью с ответственным товарищем	132
Приказ	133
Признание снежной бабе	133
Лидочка	134
Любовь	136
В защиту тёщ	136

Когда машины были большими	137
Призывы редколлегии «Импulses» к 1 апреля	143
1 апреля шагает по стране	143
Поблагодари, газета	144
Итоги конкурса	144
Повестка	145
Новый понятийный аппарат в области программирования и вычислительной техники	145
Рассказы об ученых	
Ученый в горах	146
Волна Маха	146
Рождение метода	146
Ученая ворона	147
Эхо Ростовцева	147
Please login	147
Сто лет работы на АЭЛТ-1	148
Доска объявлений	148
Из дневника фенолога	150
Поэтический коктейль	150
Коротко о главном	151
Хотя заметка и не напечатана	152
Антиалкогольная рубрика	152
Уголок поэзии	153
«Импulses» ко Дню печати	
Для тех, кто бдит	155
Коллегам из ОНМУ	155
Сны Владислава Павловича	156
По мотивам Эд. Т. Опрото	158
Из творческого гаража Занина	159
Пора на пенсию!	160
Распоряжение по редколлегии	164
Осенний «Импulses»	
Распоряжение по ОИЯИ	165
Не плачь, девчонка	165
Из дневника фенолога	165
Второе посещение с Альдебарана	165
Мы роем траншею	167
Инженер	169
Указ Совета министров СССР	171
Из дневника фенолога	171
Картошка-79	171
Спецвыпуск 17 сентября 1980 года	172
Приложения	
Толковый словарь «Импulses»	176
Из почты редколлегии «Импulses»	178
В свете «ЛУЧа»	183
Основы прикладного защитоведения	186

Сказка-быль физическая, вычислительная и автоматическая	190
Послесловие к «Импульсу»	193
Как мы играли в писателей-юмористов	197
Продолжение следует: «Литературный гульбарий»	211
Геннадий Мазный	
Что может быть прекрасней крика кошки?	213
Я притча во языцах баб	214
Наш дом	214
<i>В «шкуре» Мазного. Ж. Мусульманбеков</i>	216
Александр Кавченко	
Кепка под дождем	220
По первому разряду	220
Раз редактор, два редактор	221
Евгений Мазепа	
Размышления бывшего либреттиста и сказочника, а ныне преуспевающего бизнесмена.....	225
Любовь и бизнес	226
Анатолий Корнейчук	
Рыжая женщина	230
Торнадо	231
Мои дамы	231
Как и почему я стал математиком	234
Княгиня Ольга	236
Александр Расторгуев	
Гражданская оборона Боба Гетманова	240
Вторая встреча	241
Однажды двадцать лет назад	242
Сага о Форсайтах	244
Мимоходом	245
Из жизни RAL126	246
Через три поколения	247
Левша в XX веке	248
Дирак и море	251
Демон Максвелла	252
Ботаник Броун	253
Мастер и Маргарита	253
Утиная охота	253
Портрет на троих	253
Воображаемый спор мэра с Уэллсом	254
Звонок свыше	255
В Дубне снимается кино	258
Вэцэшный	258
Последние известия	263
Осколки элвэтэшной жизни	265
В эпоху стенгазет (вместо послесловия)	282

